ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА СТЕФАНА (ИГНАТЕНКО)

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА СТЕФАНА (ИГНАТЕНКО)

«Новая книга»
«Ковчег»

По благословению
митрополита
Ставропольского
и Владикавказского
Гедеона

Жизнеописание старца иеросхимонаха Стефана (Игнатенко). — М.: «Новая книга», «Ковчег», 2002. — 208 с.

ISBN 5-7850-0118-7

Фотографии А. В. Нитецкого, В. С. Зенкина, Д. К. Чачхалиа, Н. Наговицыной.

© Составление Г. П. Чиняковой, 1999.
© Набор, верстка, оформление «Новая книга», «Ковчег», 2002.

Лицензия ЛР № 065821 от 15.04.98.

Подписано в печать 15.03.2002. Формат 84×108 1/32.
Бумага писчая. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 6,5. Усл. печ. л. 10,92. Тираж 20 000 экз.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Красина, 7

Оптовая и розничная
книжная торговля
Тел.: (095) 972-49-14

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО типография «Молодая гвардия».
103030, Москва, Сущевская, 21
Заказ № 22316

Качество воспроизведения текста и иллюстраций
соответствует качеству предоставленных диапозитивов

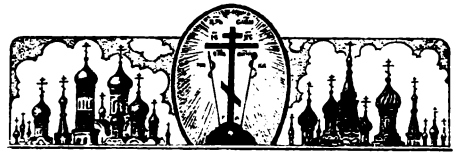
Предисловие составителей ко второму изданию

По милости Божией составителям жизнеописания иеросхимонаха Стефана (Игнатенко), чтимого кисловодского старца, удалось собрать сравнительно большой объем новых, ранее неизвестных сведений не только о старце Стефане, но и о других подвижниках благочестия Северного Кавказа.

Количество материала определило характер нового, исправленного и дополненного издания, состоящего из двух книг: непосредственно жизнеописание иеросхимонаха Стефана и рассказы о его духовных чадах, друзьях, сотаинниках и современниках.

Благодарим митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона, по благословению которого выходит в свет это издание, за теплую молитвенную поддержку и помощь, за любезно предоставленную возможность работы в архиве епархии. Владыка Гедеон через всю жизнь пронес огонек светлой, благодарной памяти о смиренном иеросхимонахе Стефане, своем духовном отце, советами которого он руководствовался еще будучи молодым священником.

Благодарим всех, кто принимал участие в сборе свидетельств о крестном пути Христовых подвижников нашего столетия, чья жизнь, ставшая житием, отражает в себе историю Русской Православной Церкви XX века.



Одним из признаков конца времен святые отцы называли оскудение духоносных отцов церкви.

"Река русской народной жизни, рождающая святых, текла в заданном направлении, но иногда быстро и плодотворно, иногда медленно, иногда же так тихо, что трудно было установить, течет ли она вперед или вспять"[1].

Еще не вполне осмыслен период существования Русской Православной Церкви в условиях гигантского богоборного государства, подменившего великую Русскую Державу. Река народной жизни, устремленной к Богу, казалось, замерла перед сокрушительным валом безбожия. Но в глубинных ее потоках не переставали рождаться упрямые, сильные струи веры, преданной любви к Спасителю и стремления к спасению. Эти противостоявшие разрушению православного сознания источники рождали преподобных и мучеников последнего времени, именованных и неименованных. Их деланием было мужественное стояние в правой вере, хранение души от насилия повсеместного отступления от Бога. "Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею. Устранись, охранись от него сам: и этого с тебя достаточно",— писал епископ Игнатий Брянчанинов[2].

Большинство этих подвижников верности Христу

останутся неименованными. Святая Православная Церковь прославила их наравне с известными, чтимыми святыми в чудной Службе всем святым, в земле Русской просиявшим: "О, велицыи сродницы наши, именовании и безыменнии, явленнии и неявленнии, небеснаго Сиона достигшии и славу многу от Бога приимшии, утешение нам, в скорби сущим, испросите, страну нашу падшую возставите и люди расточенныя соберите, от нас, яко дар, песнь благодарения приемлюще"[3].

Имена некоторых из духоносных праведников нашего времени благодарная память церкви сохранила. Именно к ним, к их сокровенному подвижническому горению перед Лицом Божиим можно отнести слова одного из святых отцов древности: "В последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благоразумно скроют себя от людей и не будут совершать посреди их знамений и чудес, как в настоящее время. Они пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царствии Небесном окажутся большими отцов, прославившихся знамениями"[4].

В последние годы открывается все больше неизвестных широкому читателю материалов о жизни отцов последнего столетия, прошедших долгий путь от крушения на их глазах Русского царства до создания Советского Союза. Много перенесли они скорбей, как внешних, так и внутренних, но не угасили в себе божественного пламени веры и любви к Богу. Они плавно шествовали по пути добродетелей, исполняя заповеди Христовы. Очень немногие из них прославлены явными, зримыми чудотворениями. Большинство прошло царским, средним путем, всемерно прикрывая свои дарования.

Однако по смерти Господь соизволяет открыть своих угодников, приподнять пелену смирения, поскольку, "зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме" (Мф. 5, 15). Так пусть светит свет их перед людьми, чтобы все видели их добрые дела и прославляли Отца нашего Небесного.

К таким нелицемерным служителям Христовым относится светлая личность иеросхимонаха Стефана Игнатенко — батюшки Стефания, как ласково звали его в народе.

Составитель

Источники и примечания

1. Архим. Иоанн Крестьянкин. Проповеди. Т. 1.— М., 1994. С. 175.

2. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные еп. Игнатием Брянчаниновым.— СПб., изд. Л. И. Тузова, 1891.— М., 1992. С. 512.

3. Минея. Май.— М., 1987. С. 344.

4. Еп. Игнатий. Указ. соч. С. 511.

Жизнь каждого подвижника скрывает за внешними событиями внутренний мир Богоносца.

Епископ Игнатий Брянчанинов

Иеросхимонах Стефан, в миру — Дмитрий Иванович Игнатенко, родился 25 октября 1886 года в селе Вознесенское Владикавказского уезда, в семье терского казака Ивана Давидовича Игнатенко[1]. Его предки были выходцами из Лебединского уезда Полтавской губернии, переселенные на Кавказ по указу императрицы Екатерины Второй[2].

Ивана Давидовича Игнатенко убили в горах абреки. Молодая вдова, Надежда, одна осталась воспитывать несколько человек детей, девочек и мальчиков. Жили, в основном, огородом[3]. Мать Дмитрия Ивановича ненамного пережила своего супруга и умерла молодой.

Маленький Митя Игнатенко учился в церковно-приходской школе. Уже там определился выбор его жизненного пути. На склоне лет старец Стефан рассказывал своей духовной дочери: "Учили нас так: сначала вели к утрени, а потом — завтракать, и во время завтрака читали нам жития святых. И запали

мне в сердце особенно два жития: житие святого Алексия, Божьего человека, и преподобного Антония Великого. И загорелось сердце любовью к монашеству"[4].

Два удивительных образа великого самоотречения во имя любви ко Христу засияли в душе мальчика. Уже отроком Митя просил мать отпустить его в монастырь, но та не решалась расстаться с сыном[5].

В 1898 году Дмитрий Игнатенко окончил курс церковно-приходской школы и, по всей вероятности, после кончины матери, оставшись двенадцатилетним сиротой, со знакомым благочестивым старцем отправился на Святую Афонскую гору[6].

Издревле Афон притягивал к себе сердца русских паломников как место особого покровительства Царицы Небесной, Ее земной жребий. В течение веков Святой Афон был светильником православной веры, хранителем чудных преданий и великих христианских святынь, училищем истинного монашеского молитвенного делания.

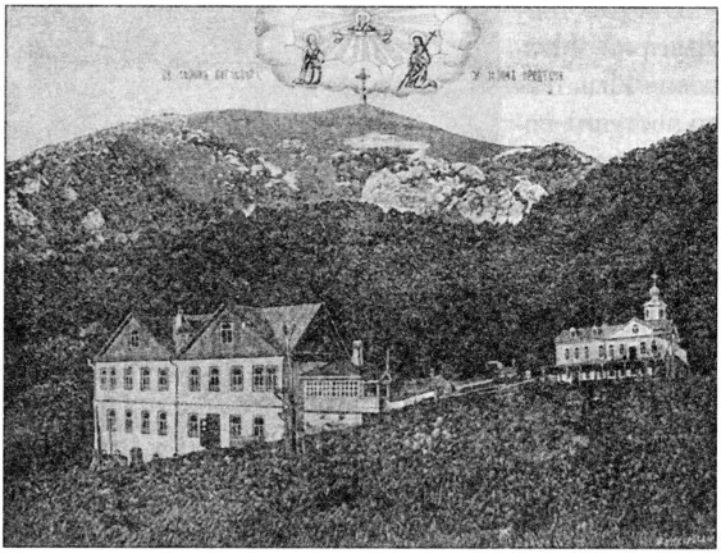
Неизвестно, какая афонская обитель приютила Дмитрия на некоторое время. Не было суждено юному послушнику остаться на Святой горе. Не выдерживая непривычных климатических условий, он тяжело болел малярийной лихорадкой и спустя восемь месяцев по совету старцев был вынужден вернуться в Россию. Вернувшись домой, отрок продолжал заниматься смиренным крестьянским трудом[7].

Иеросхимонах Герасим Попов,
строитель и первый настоятель Второ-Афонского
Успенского монастыря. 1905 г.

Отъезд Мити совпал с подготовкой основания на Кавказе подворья Иоанно-Богословской Афонской пустыни. Не один год иеросхимонах Герасим Попов[8], настоятель небольших афонских монастырей во имя святого Иоанна Предтечи и святого апостола Иоанна Богослова, обдумывал возможность устроить подворье Афонского монастыря в России, чтобы смягчить греческое давление, обеспечив обители на Святой горе материальную независимость[9]. Помимо практической необходимости, ему хотелось перенести на родину частицу Святого Афона.

В 1902 году отец настоятель командировал в Россию иеромонаха Иоанна Мирошникова с братией с целью подыскать место для подворья. Монах Сергий остался для поправки здоровья в Пятигорске, а отец Иоанн направился в Санкт-Петербург. Обладая редким тактом и умом, он сумел расположить к себе многих влиятельных лиц и заручиться их поддержкой. Пользуясь счастливой возможностью сослужить праведному старцу Иоанну Кронштадтскому, иеромонах Иоанн посоветовался с ним и получил благословение на устройство обители на Кавказе в память государя царя-миротворца Александра III. Ктитором будущего монастыря согласился быть великий князь Дмитрий Константинович.

В те же дни, проходя курс лечения минеральными водами, монах Сергий присматривался к окрестностям Пятигорска и беседовал с местными жителями. Особенно глубокое впечатление на него производила гора Бештау, самая высокая и величественная на территории Кавказских Минеральных Вод. Очертания прекрасного Бештау напоминали далекую Афонскую гору[10]. Встретив приехавшего из Петербурга отца Иоанна, Сергий поделился с ним своими наблюдениями. Единодушно для устроения



Второ-Афонский Успенский мужской монастырь на горе Бештау. 1905 г.

монастыря была избрана гора Бештау, как подобие Афона на Русской земле.

После подачи прошения в Священный Синод об устройстве новой обители на Кавказе иеросхимонах Герасим, не дожидаясь официального указа, выехал в Россию в сопровождении двадцати человек братии. Осенью 1904 года закипела работа по строительству келий и церкви[11, 12].

28 ноября (11 декабря по новому стилю) 1904 года, в день памяти преподобномученика и исповедника Стефана Нового, который пришелся на воскресный день Рождественского поста, состоялось торжественное освящение храма во имя Успения Пресвятой Богородицы в молодой обители на склоне горы Бештау. Спустя четыре года, в 1908 году, на Царской улице в Пятигорске открыли подворье Успенского монастыря с церковно-приходской школой для бедноты[13, 14].

В 1908 году Дмитрий Иванович Игнатенко поступил послушником во Второ-Афонский Успенский мужской монастырь, где познакомился с настоятелем, иеросхимонахом Герасимом Поповым, и избрал его себе духовным руководителем[15]. В 1914 году, вероятно, в десятилетнюю годовщину основания обители, состоялся постриг Дмитрия в монашеский чин с именем Стефана в честь преподобномученика Стефана Нового.

Святой источник Второ-Афонского монастыря на горе Бештау.

Богомольцев в монастыре привлекала строгая молитвенная сосредоточенность братии, неукоснительное выполнение древнего афонского устава, истовое служение монахов. Особо отмечались случаи исцеления от болезней в Святой обители. Само живописное местоположение монастыря высоко на горе Бештау, на опушке густого леса между тремя ее отрогами, недалеко от святого источника с хрустальной ледяной водой, настраивало душу на молитвенное созерцание. Щедрая природа, поэзия преданий древности, открытость обители пленяли паломников[16].

Вседневные службы начинались в четыре часа вечера. Гудело монастырское било, призывая на молитву. После девятого часа служили вечерню, затем предлагался ужин. Поужинав, братия собирались на повечерие, слушали каноны Спасителю, Божией Матери и Ангелу Хранителю. Прослушав общее правило, вечерние молитвы, испросив благословение у настоятеля или наместника, отдыхали. После недолгого отдыха, в половине первого ночи будильщик поднимал монахов на полунощницу, за которой следовали утреня с первым часом и общие утренние молитвы. После чтения первой кафизмы на утрени предлагалось первое поучение, после шестой песни канона — второе. По окончании девятой песни канона было установлено целование икон. Сразу после чтения первого часа читалось правило для тех, кто готовился ко Святому Причащению. Божественная литургия начиналась в семь часов утра. Перед чтением часов служили Акафисты. В понедельник — архангелу Михаилу, во вторник — святому Иоанну Крестителю, в среду и субботу — Пресвятой Богородице, в четверг — святому чудотворцу Николаю, в пятницу — Страстям Христовым, в воскресенье — Иисусу Сладчайшему. После пения причастного стиха на литургии народу предлагалось поучение[17].

Впоследствии строй жизни отца Стефана неизменно следовал монастырскому распорядку. Во время пребывания в обители на Бештау был заложен глубокий и прочный фундамент духовной жизни старца. Он исполнял самые разнообразные монастырские послушания: шил одежды и облачения, пек просфоры, работал на огородах и виноградниках, совершал чередные церковные богослужения.

Монах Стефан (стоит) и иеродиакон Савва.

Во время Первой мировой войны Второ-Афонский Успенский мужской монастырь, как и другие обители, принимал участие в уходе за ранеными, вносил посильную помощь фронту.

В 1916 году иеродиакон Стефан был рукоположен епископом Владикавказским Антонином во иеромонаха и служил на подворье монастыря в Пятигорске[18].

С 1913 по 1917 год Владикавказской и Моздокской епархией управлял печально известный впоследствии епископ Антонин Грановский[19], чье духовное влияние на епархию принесло в недалеком будущем горькие плоды. В эти годы страну лихорадило, общий беспорядок наложил темную печать и на церковную жизнь[20].

Вся Россия замутилась в чудовищном водовороте 1917 года. Большевики заняли Пятигорск и затопили город кровью. Кабардинцы в годы революции устраивали погромы в русских селениях. У родных отца Стефана в станице Баксан, куда он время от времени приезжал отдохнуть и где для него всегда была приготовлена отдельная комната, отобрали полдома. Евгения Павловна, двоюродная сестра батюшки, в те годы — веселая семилетняя девчушка, вспоминала, что брат умел делать абсолютно все: ее отцу он шил одежду, для маленькой Жени плел четки. Малышка радовалась им по-детски и носила на шее, как бусы[21].

Тяжелым испытанием для Кавказа был приезд туда изгнанных в 1913 году со Святого Афона взбунтовавшихся монахов-имябожников[22]. Ослепленные страстью, невежеством и ревностью не по разуму, имяславцы вели себя агрессивно по отношению к православному монашеству. Много пришлось потерпеть от них иеромонаху Стефану[23]. Немногие из них, покаявшись, вернулись в лоно церкви. Одним из этих немногих оказался чтимый старец, ныне канонизованный схиигумен Кукша (Величко)[24].

На скорбном эпизоде в истории Русской Православной Церкви, так называемой "афонской смуте 1912/13 года", следует остановиться подробнее.

Начало смуте на Святой горе положил выход в свет книги "На горах Кавказа". Ее автор, схимонах Иларион, происходил из духовного звания, из Вятской губернии. Более двадцати лет он пробыл на Афоне, состоя в числе братии скита "Новая Фиваида" при русском Пантелеимоновском монастыре, отстоящем от обители на расстоянии четырех часов пути на лодке по морю. Вскоре после образования Ново-Афонского монастыря близ Сухума духовник Илариона, старец Дисидерий, вместе со своим учеником, переселился с Афона на Кавказ. Однако, тяготясь жизнью в общежительной обители, старец с Иларионом удалился в горы ради большего уединения и безмолвия. Беседы с духовным отцом схимонах Иларион старался записывать. После смерти старца Дисидерия отец Иларион ушел еще глубже в горы, избрав для жительства уголок Теберды на реке Гуначхир. Используя записи бесед с духовником, свой собственный молитвенный опыт, вместе с послушником, крестьянином Ефимом Ивановичем Мирошниковым, схимонах Иларион составил книгу об Иисусовой молитве под названием "На горах Кавказа"[25], которая впервые была напечатана в 1907 году[26].

В 1899 году на Мархотском хребте Кавказских гор, между Анапой и Новороссийском, в местечке "Темные буки", старец Иларион основал Покровскую женскую общину, в 1904 году преобразованную в монастырь[27].

"Отец Иларион не имел богословского образования, но был истинным аскетом, кротким, пребывающим в непрестанной молитве. Увы! не внял он предостережению

святых отцов о том, что "богословствовать так же опасно, как плавать в верхней одежде"... В силу каких-то внутренних, одному Богу известных причин отца Илариона заинтересовал вопрос о природе имени Божия. Этот тонкий и таинственный вопрос отец Иларион решал один, поверив своему личному опыту. И тут опять встает во всей своей непреложной силе духовный закон: "Видел ты падшего? — Знай, он поверил себе".

Постепенно этот вопрос совершенно поглотил старца. И, к великому прискорбию, отец Иларион стал учить о имени Господа не в согласии с учением Церкви: он начал утверждать, что "Имя Божие есть Сам Бог", как бы ввел четвертую ипостась — Имя"[28].

В 1907 году книга "На горах Кавказа" попала на Старый Афон, спровоцировав там многолетнюю ожесточенную смуту, что дало повод для изгнания со Святой горы сотен русских монахов и обострило и без того сложные взаимоотношения с греками. Апологетом имяславия стал бывший лихой гусар, лично знакомый государю императору, иеросхимонах Антоний (Булатович). Имяславцы исповедовали, что "Имя Божие и Имя Господа Иисуса Христа... есть Сам Бог"[29].

В 1913 году имяславие было осуждено как ересь вселенским патриархом Германом V, признано сектантством Священным Синодом Русской Православной Церкви в лице архиепископа Сергия (Страгородского) на основании докладов архиепископов Антония (Храповицкого) и Никона (Рождественского), а также профессора С. В. Троицкого. Архиепископ Никон был послан на Старый Афон, чтобы навести порядок в монастырях среди монашествующих. Поскольку никакие увещания не помогли, владыка был вынужден прибег-

нуть к военной силе и с помощью солдат вывезти наиболее упорствовавших монахов в Россию против их воли. Здесь часть из них, не имевших документов, подтверждавших их монашеский и священный сан, одели в мирское платье, часть разослали по монастырям. Особенно много имяславцев попало на Кавказ.

Государь император Николай II был огорчен афонскими нестроениями и желал все покрыть любовью. Глубоко скорбел старец Силуан Афонский, великий делатель Иисусовой молитвы, не дерзавший рассуждать о природе имени Божия. По совету старца схиигумена Германа, настоятеля Зосимовой Смоленской пустыни, митрополит Московский Макарий (Невский) старался покрыть любовью разногласия и оказать снисхождение к богословскому невежеству имябожников, разрешив некоторым из них служить в качестве войсковых священников во фронтовой полосе на период Первой мировой войны.

Священный Синод отказался признать действенность решения старца-митрополита и в 1914 году позволил имяславцам только ношение рясофора и присутствие на богослужениях, воспретив причащение Святых Христовых Таин и священнослужение до искреннего покаяния[10].

Страстным противником решений церковной иерархии и ревностным защитником имяславия стал известный московский религиозный философ и книгоиздатель, руководитель религиозно-философского кружка, бывший убежденный толстовец и в будущем катакомбный епископ Марк — М. А. Новоселов. Он издал "Апологию" Антония Булатовича с предисловием отца Павла Флоренского. Помимо Флоренского, поддержали Новоселова в борьбе за имяславие религиозные философы-модернисты — С. Н. Булгаков, Н. Бердяев, В. Ф. Эрн.

Однако даже отец Павел Флоренский, сторонник этого течения, предупредил Антония Булатовича, что в его трудах по небрежности выражений и увлеченности рассыпаны зерна всевозможных ересей[31].

Сам схимонах Иларион отказался принять решение Священного Синода и в 1915 году писал в своем Исповедании веры: "Исповедую, что Имя Иисус есть Сам Бог..."[32] В Теберде он жил недалеко от Сентинского женского монастыря и имел сильное влияние на некоторых монахинь обители, а также на монахов близлежащего Александро-Афонского Зеленчукского монастыря. В келье у него хранилась дароносица с запасными Святыми дарами. Поскольку в церковь он не ходил, то причащался келейно. Схимонаха Илариона обвиняли в том, что он, будучи простым иноком, дерзал в келье у себя причащать своих учениц из Сентинской обители, а также своих последовательниц в последний год своей жизни в урочище "Темные буки". В 1916 году Иларион умер под церковным запрещением и был погребен в "Темных буках". На месте его погребения почитательницы выстроили часовню, где совершались богослужения. Впоследствии близ места его упокоения устроил свою пустыньку еще один выходец со Старого Афона, иеросхимонах Феодосий (Кашин)[33].

Время шло, но спор с имяславцами не кончался. В октябре 1918 года по рассмотрении четырех докладов Василия Ивановича Зеленцова, будущего епископа Василия, было принято постановление святейшего патриарха Тихона и Священного Синода Русской Православной Церкви об отмене временно данного разрешения на священнослужение афонским инокам ввиду их упорства в своем заблуждении[34].

В послереволюционные годы в Москве жили руководители афонской смуты 1913 года — архимандрит Давид Мухранов, монах Ириней и другие. Архимандрит Давид духовно окормлял супругов Лосевых и сложившийся имяславческий кружок, куда входили Д. Ф. Егоров, П. С. Попов, отец Павел Флоренский, М. А. Новоселов, Н. М. Соловьев и другие. В 1928 году Егоров и Лосев выпустили документ "Большое имяславие", резко направленный против сатанинской советской власти[35].

В конце 1920-х годов приверженцы имяславия на Кавказе обособились в религиозную политическую секту и встали в открытую непримиримую оппозицию властям. Они отказывались принимать советские паспорта и деньги, как антихристовы, не соглашались продавать продовольствие "советским антихристам", называли колхозы "антихристовой жидовской коммуной"[36].

Очень характерным для исповедников имяславия были крайняя уверенность в своих воззрениях, в своей правоте, нетерпимость к иным мнениям. Схимонах Иларион, иеросхимонах Антоний (Булатович) и их приверженцы угрожали, что за неприятие учения об имени Божием в их понимании весь мир и Россия погибнут. А. Ф. Лосев в "Большом имяславии" писал, что Россию постигло наказание Божие за *похуление Его святого Имени*.

Агрессивную нетерпимость имяславцев отмечали новомученики — епископ Арсений (Жадановский) и архиепископ Никон (Рождественский). Владыка Арсений вспоминал встречу с имябожниками в Московской Синодальной Конторе, где старец-митрополит Макарий и другие были настроены с исключительной благожелательностью к бунтующим монахам: "Получилось тяжелое впечатление от их настроения: они обнаружили все

признаки гордыни, духовной прелести"[37]. Владыка уклонился от подписывания заключения об оправдании имяславцев. В 1930-х годах схиархимандрит Игнатий (Лебедев), отвечая на вопрос своей духовной дочери, монахини Игнатии, рассказывал, что его духовный старец, отец Герман из Зосимовской пустыни, хоть и сочувствовал по-человечески афонским изгнанникам за жестокое с ними обращение, но считал их мнение духовным невежеством[38].

Монахиня Сергия (Клименко) вспоминала: "На отрогах Мархотского хребта, поодаль от нас, была община имябожниц... Имябожники дерзали называть себя имяславцами, а нас, православных, "имяборцами", то есть якобы борющимися против имени Господа. Это хула на Мать нашу Святую Церковь... Большинство имябожников осело на Кавказе. И, в силу того, что "ложь ближе падшему уму человеческому, чем истина", это ложное, нездоровое направление нашло сочувствие: раскол стал охватывать целые станицы; пошли "откровения" о том, что якобы голубь вылетел из Православной Церкви и Она осталась без благодати. Да не будет этого: врата адовы не одолеют Церкви Христовой!

Характерной особенностью имябожников была лютая ненависть к православному духовенству: они набрасывались на наших батюшек, рвали им рясы, поджигали кельи, приводили к дверям их жилищ милицию. И все это делалось, "творя" вслух Иисусову молитву!.. Вот в таком самообольщении и находились имябожники — у них были свои подвижники, ходившие босиком по снегу и т. д. Они привлекали к себе простой народ чрезмерными телесными подвигами и всем запрещали общаться с нами, православными"[39].

"Начало зол — ложная мысль! Источник самообольщения и бесовской прелести — ложная мысль!"[40]

"Грех ереси, грех мысли судится судом Церкви, паче рещи — судом Божиим строже других грехов, грехов воли человеческой,— писал архиепископ Никон (Рождественский).— Дух гордыни проник и в ущелье Святого Афона и обуял простецов, и они вообразили себя умнее двух вселенских патриархов и всего нашего Священного Синода, и за свое упорство в ереси подпали суду церковному... А что всего бедственнее: когда, по уставу Святой горы, новые еретики были изгнаны с Афона... изгнанные не смирились... а стали почитать себя как бы мучениками за веру во имя Божие"[41]. "Крайняя нетерпимость есть их отличительная черта". Среди наиболее активных имяславцев владыка Никон указал монаха Иринея и архимандрита Давида, будущих духовных наставников Лосевых. Что же говорит Святая Церковь о почитании имени Божия?

"В чем заключается сила молитвы Иисусовой? — В Божественном имени Богочеловека, Господа и Бога нашего, Иисуса Христа... Господь наш Иисус Христос есть единственный источник нашего спасения, единственное средство нашего спасения; человеческое имя Его заимствовало от Божества Его неограниченную, всесвятую силу спасать нас..."[42] "Имя, по наружности своей ограниченное, но изображающее собою Предмет неограниченный, Бога, заимствующее из Него неограниченное, Божеское достоинство, Божеские свойства и силу... Ради имени Иисусова, употребляемого молящимся, нисходит к нему помощь от Бога и даруется ему отпущение грехов... Господь Иисус Христос — Жизнь, и имя Его —

живое: оно оживотворяет вопиющих им к Источнику Жизни, Господу Иисусу Христу... Имя Господа — паче всякого имени: оно источник услаждения, источник радости, источник жизни, оно — Дух, оно — животворит, изменяет, переплавляет, боготворит... Всем христианам можно и должно заниматься молитвою Иисусовою с целью покаяния и призывания Господа на помощь...” [43]

(Епископ Игнатий Брянчанинов)

“Много теперь пишут о книге старца Илариона “На горах Кавказа”, где говорится о важнейшей вещи в духовном делании — молитве Иисусовой. Молитва Иисусова всегда высоко ставилась святыми отцами-подвижниками. Смысл ее хорошо уже разъяснен. Во время борения ограждай себя молитвою Иисусовой, то есть внимательно читай ее, молись Господу Иисусу, призывай Его себе на помощь, углубляйся в молитву, и этим ты помощью Господа Иисуса будешь предохранять себя от дурных, скверных, нечистых, хульных, греховных помыслов и чувств. Не вдавайся, при этом, ни в какие мечтания относительно Господа Иисуса, то есть не старайся под внешними формами зреть Господа, не создавай себе искусственно образы и виды, а также берегись и искусственного разгорячения крови своей — все это не полезно, все это ведет к прелести и самообольщению. Внутренне сердцем, с верою, любовью и надеждой — во всех случаях, будешь ли ты молиться молитвою Иисусовой или другою какою,— чувствуй Господа. Всякое лишнее мечтание отгоняй и не доискивайся до глубины непостижимого и неизмеримого никаким разумом человеческим

Существа Божия. Молись молитвой Иисусовой и в то время, когда ты спокоен от брани, ибо постоянное упражнение в сей молитве созидает тебя духовно, то есть ты приобретаешь ею духовную настроенность. Вот что богомудрые отцы аскеты нам преподали относительно молитвы Иисусовой. **К сожалению, пошли у нас большие препирательства относительно самого имени Иисусова. Как понимать Божественное имя "Иисус", как будто бы до этого времени никто его не понимал и о нем не думал. Согласно учению Православной Церкви, изложенному Седьмым Вселенским Собором, все имена Божии суть великая святыня, суть словесные образы Божии, подобно тому, как существуют живописные образы, святые иконы и честной крест. Что же сказать относительно возникших о имени Иисусовом споров? Тяжелы они и прискорбны. Кажется, все должны согласиться со следующими положениями: всевысочайшее Существо — Господь Бог — слабым человеческим умом непостижим и необъятен, словом человеческим неописуем. Будем ли мы касаться Существа Божия, будем ли говорить о действиях Господа в мире. Нельзя постичь, изобразить и вместить Господа и в имени Его. И кто силится делать это, тот впадает в духовную гордость.** *Кто измерит разум Божий и кто постигнет глубину Премудрости Его,*— восклицает пророк Давид. К тому же еще хорошо известно, что духовное не все могут постигать, не говорим уже — описывать. Духовное духовным востязуется. А если так, то зачем силиться говорить о духовных предметах тем, кто, быть может, слаб духовным опытом. Припоминается из жизни святых отцов Церкви золотого века следующее. Когда в их время воз-

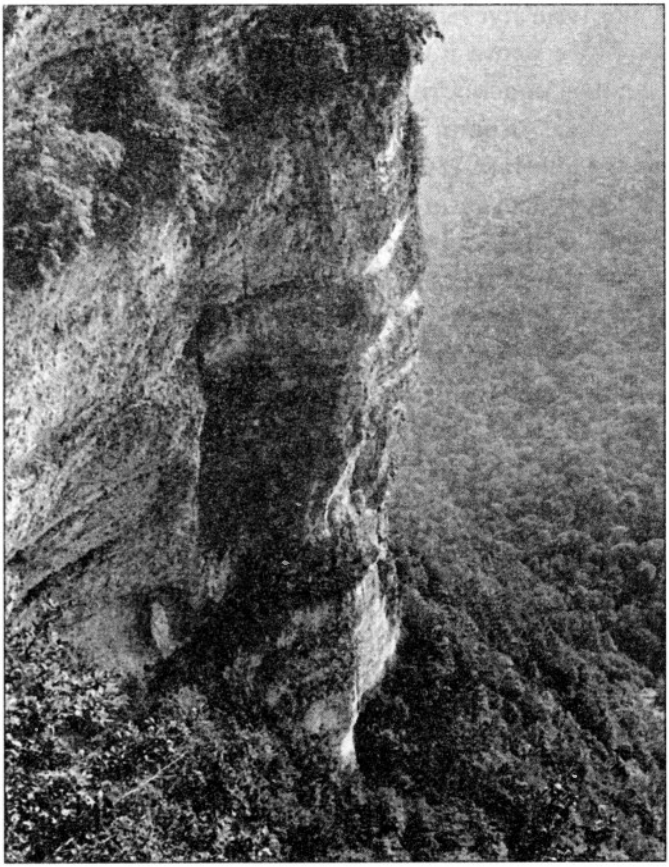
никли большие суждения о Тайне Святой Троицы, спорили о сем предмете все и везде, на рынках и на перекрестках, святые отцы выступили со словами обличения, в которых убеждали православных не спорить о таком высоком предмете, а с благоговением, верою и страхом содержать учение о Святой Троице так, как преподала это учение Святая Церковь. В Ветхом Завете из-за благоговения запрещалось громко и без необходимости произносить страшное имя Иеговы. А мы Божественное имя Иисуса, к сожалению, сделали предметом спора и даже поругания. Вот и нам вместо того, чтобы спорить и препираться, выходить из себя и раздражаться, нужно было бы спокойно и с благоговением содержать тайну имени Иисусова, тем более, что в молитве Иисусовой вся суть, все дело не в умозрении, а в практическом ее значении — именно в приобретении через эту молитву духовного устроения нашего сердца, нашей души. Все святые отцы учили и постановили творить молитву Иисусову, имея в виду от нее пользу нравственную,— они поясняют, как молитвою Иисусовой отгоняются помыслы, как подавляются дурные чувства, как искореняются страсти, как водворяются в сердце мир и радость. Но мало кто из отцов задавался мыслию доказывать умозрительно смысл имени Иисусова, и если они об этом говорили, то вскользь, выражаясь каждый раз так, как умели, а не так, чтобы своим выражением точно и для всех понятно изъяснить имя Иисус. Они хорошо знали, что тайна имени Иисусова не словами доказывается и не умом понимается, а сердцем чувствуется, и притом только теми людьми, кого Господь сподобит иметь духовный опыт".

(Епископ Арсений Жадановский)

"Мне кажется, к имени Божиему, или Иисусову, надо относиться, как к иконе Спасителя или Святой Троицы и подобному... Если Господь, "везде Сый и вся исполняяй", то тем более — в имени Своем или в иконе. Всякий, чтущий Бога, чтит и Его имя. Но спасает человека не имя Иисуса Христа, а Сам Христос, и спасает не всех, а кто уверует в Него и крестится, и живет по заповедям Его, а в нарушениях кается. Чем больше угодники Божии любили Господа, тем дороже для них становилось и имя Божие... В имени Божием присутствует Господь, но имя Божие не есть Сам Бог... И спасает не имя, а Господь, присутствующий в имени. Призывая имя Божие, мы призываем Бога и Им, Богом, спасаемся, а не сочетанием звуков имени Его"[44].

(Игумен Никон Воробьев)

"В Его имени, в нашем слабом слове или нашем умопредставлении о Нем есть только приближение понятия о Нем к нашему уму, но не тожество... мысленный образ Божий, духовно умопредставляемая икона Его, а не Сам Он. Правда, когда благоговейная мысль обращается к Богу, призывая Его святейшее имя, то Господь в то же мгновение внемлет молящемуся... проявляется некая сила Божия, именуемая благодатию. И является она не потому только, что человек умом или устами произнес имя Божие, а потому, что произнес его с должным благоговением и верою, обращая и свое сердце к Богу (Существу Божию), как цветок обращается к солнцу... Имя Божие... есть некий мысленный образ Божий, и ему, как бы чудотворной иконе, присуща некая сила Божия, как проявление того или другого свойства Божия ...всемогущая"[45]. (Архиепископ Никон Рождественский.) Так учит об имени Божием Святая Церковь. Старец Стефан, неуклонно руководствовавшийся чистым учением святых отцов, не мог принять самочинное учение имя-



Цебельда. Скала с гротами.

славцев и не позволял своим духовным чадам читать творение схимонаха Илариона[46].

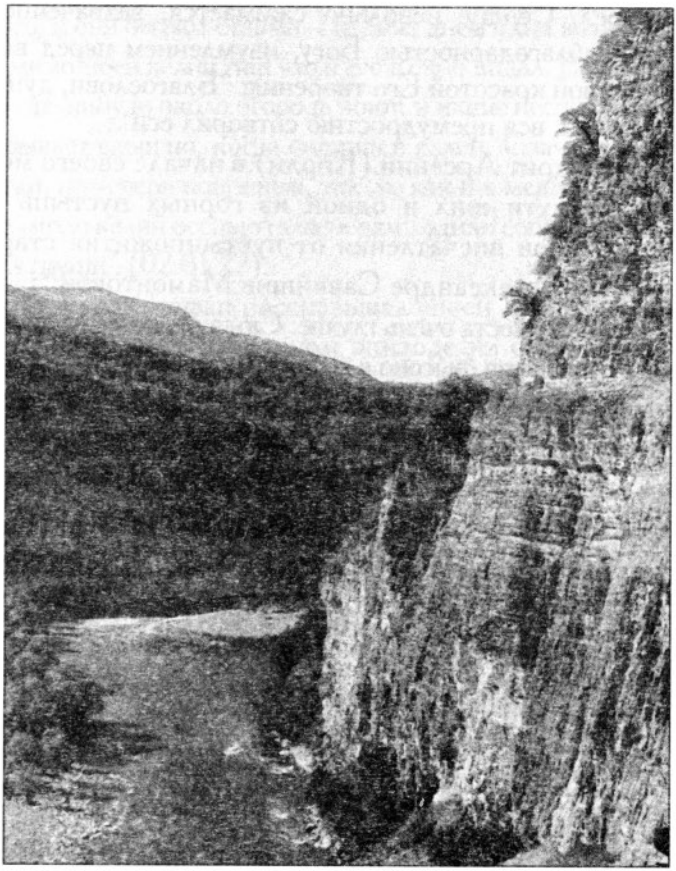
Часто с гор Абхазии во Второ-Афонский монастырь спускались пустынники. Тяготясь многопопечительностью общежительных монастырей, необходимостью частого соприкосновения с мирскими людьми и даже друг с другом, они предпочитали уединенную молитвенную жизнь в прозрачной тишине горной пустыни. Многие из них скрывались в глухих уголках Псху и Цебельды, в высокогорных областях Абхазии[47].

Поистине пустыней были суровые, дикие, труднодоступные места в горах. Подвижников подстерегали серьезные опасности: зияющие пропасти, обвалы, неожиданные осыпи, угроза нападений диких зверей, укусы ядовитых змей. Особенно тоскливо переносилось одиночество во время тяжелых заболеваний, состояние беспомощности. Самым трудным для духа было лишение возможности часто очищать совесть на исповеди и приобщаться Святых Христовых Таин. Зато велика, по-настоящему пламенна была их вера в Промысл Божий, детски-открыто и доверчиво сердце, живо и дерзновенно их молчаливое молитвенное предстояние перед Творцом. Один Господь знал Своих сокровенных рабов.

Правда, в горах Кавказа трудно было найти такое пустынное место, куда бы никто не заходил. Хоть поблизости, но пастухи умудрялись забредать в самые высокие и, казалось бы, недоступные для них места[48].

Пустынники приходили в монастырь, чтобы исповедоваться, причаститься, найти что-либо необходимое для своего немудреного быта. Их простые, неторопливые рассказы увлекали батюшку Стефана. Его душа тяготела к глубокому уединению и молитвенной тишине. Он отпрашивался у настоятеля и, получив благословение, подолгу жил вместе с отшельниками в горных пустыньках[49]. Отцу Стефану была близка их молчаливая, плавная, молитвенная жизнь, их спокойное горение к Богу. Более всего покоряла их простота, которая невольно передавалась собеседнику.

Горы настраивают струны человеческого сердца особенно восприимчиво к благоговейному и живому ощущению Божия присутствия. Воздух легкий, свежий, прозрачно-сияющий. Необычная, певучая тишина растворена радостью и светом. Кажется, что само тело теряет тяжесть и готово парить. Чудный вид открывается иногда



Утес над рекой Кодор. Цебельда.

с вершины: далеко в голубом мареве горит белоснежная горная цепь, оттеняемая кружевом изумрудных, лазоревых, дымчато-фиолетовых лесов. Каменные громады то вспыхивают на солнце, как сахарные головы, то печально сереют, то хмурой ржавчиной напоминают о бренности нашей жизни. Деревья, сбегающие вниз, в глубокую пропасть, по крутому склону, создают естественную раму для горного пейзажа. Поднимаешь глаза — в небе едва заметна темная точка: там молчаливо и одиноко

царит орел. Сердце невольно сжимается, захваченное трепетной благодарностью Богу, изумлением перед величественной красотой Его творения: "Благослови, душе моя, Господа, вся премудростию сотворил еси..."

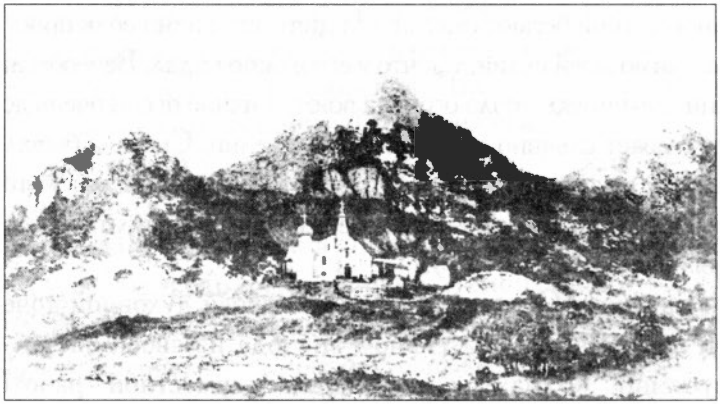
Архимандрит Арсений (Корди) в начале своего монашеского пути жил в одной из горных пустынь и передавал свои впечатления от пустынножития старшему другу, Александре Саввишне Мамонтовой[10]:

"...Здешние места очень глухие. Сюда никто не заходит. Вдалеке от селения, высоко в горах, окруженные пропастями и полупропастями. Мы живем на высоте больше версты, окруженные высокими горами, вершины которых покрыты снегом и ледниками. Кругом лес со множеством разных диких зверей: медведей, волков, кабанов и многих других. Лес мертвенный, и деревья бывают до пяти аршин толщиной. Среди леса, на небольшой полянке, стоит наша келья. Она небольшая, с маленькими окошками, с низенькой дверью. Тут же растут несколько груш и других фруктовых деревьев. (Остатки черкесских садов.) Возле кельи вскопан огород. Невдалеке из-под горы течет источник. Образ жизни монашеский... Здесь находишься, как на краю света; эти горы кругом как бы укрывают от мира, и мир понемножку забывается..." (14.01.26) "...Такую жизнь невозможно променять ни на какие удобства, которыми можно пользоваться, живя в миру. Правда, здесь довольно суровый образ жизни и бедно. Очень убогая обстановка. Людей никого не видишь, тишина, жизнь идет ровно, без суеты. Довольно много приходится работать, так как приходится делать все совершенно самому. Бываешь сапожником, портным, плотником, поваром и т. д. Если бы другие знали, что за жизнь в пустыне, то гораздо больше бы было здесь монахов... По вечерам воют волки, которых здесь очень

много, и они бегают стаями. На днях днем один волк пробегал мимо моей келии, так что я его в окно видал. Вечером же они где-нибудь около огорода воют, и ихние песни очень ясно бывает слышно, когда сидишь в келии. Сначала бывало жутко, но теперь попривык, так же как и к медведям, которые около келий осенью по вечерам ходили собирать каштаны и груши" (02.01.27).

Батюшка Стефан рассказывал своей духовной дочери об одном замечательном эпизоде из своей жизни в пустыни. Однажды, во время совместной работы братии, духовник пустыньки пошатнулся и упал. Встревоженные монахи испуганно окружили его. Боясь потерять духовного отца, все горячо молились. После глубокого обморока старец очнулся, глаза его были полны слез. Он сказал, что вскоре умрет, а братию разгонят по тюрьмам: "Чада, вам не придется доживать в пустыне, будете доживать в городах, пустыни не будет". Вспомнив об этом случае, отец Стефан заметил: "Вот, сбылось. Как видите, мы живем в городах и доживаем, как он предсказал нам". Вера Николаевна, недоумевая, спросила, неужели больше совсем не будет жизни в пустынях. Помолчав, батюшка ответил: "Жизнь очень тяжелая в пустыне, она почти упразднится. Но те, кто будет исполнять свое правило ежедневно, несмотря на мирскую суету, будут пред Господом, как пустынножители, где бы ни жили. Истинные ревнители по Боге скроют себя среди мира"[51].

Пробыв в горах несколько месяцев, с умиротворенной, тихой душой отец Стефан возвращался во Второ-Афонский монастырь, подготовившись к темным и скорбным вихрям, сокрушавшим как светскую, так и церковную жизнь.

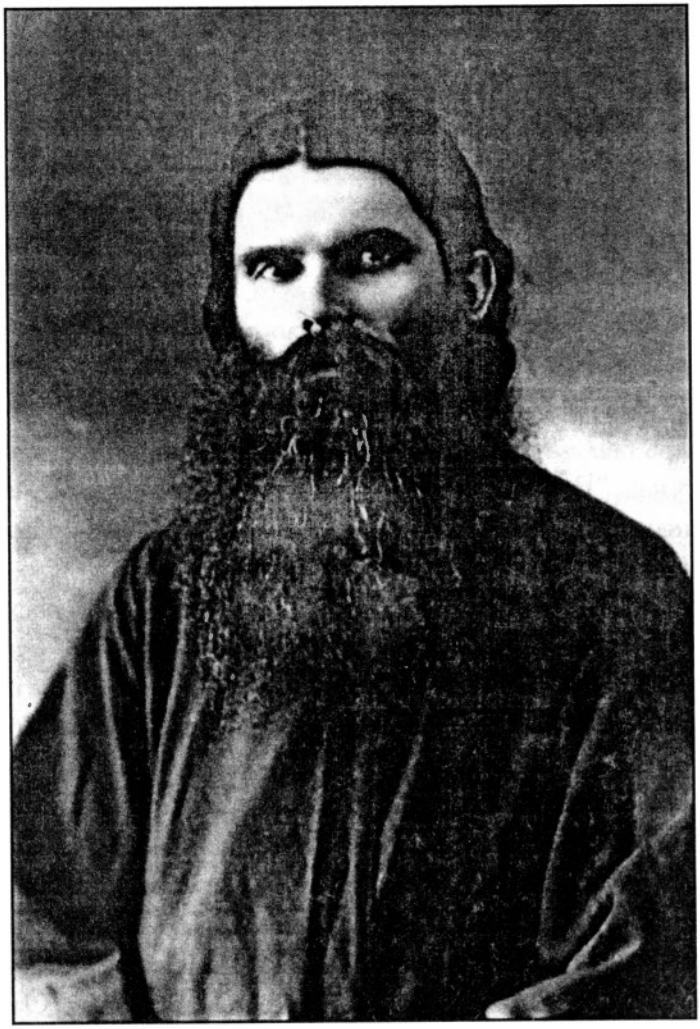


Второ-Афонский Успенский монастырь на Бештау.

Движение за так называемое обновление, оживление церковной жизни и церковного устава началось еще до революции[52]. Церковные революционеры безжалостно пытались сломать веками возраставшую красоту величавого православного богослужения, прекрасную строгость церковных установлений, лукаво оправдывая свои кощунственные попытки заботой о немощи современного человека. Наиболее враждебно они были настроены против хранителя церковных уставов — монашества. Епископ Игнатий Брянчанинов объяснял особую вражду к монашеству его крепким стоянием за веру и престол[53]. Уже в 1917 году статьи церковных реформаторов заполнили страницы владикавказской периодической печати. Руководство епископа Антонина принесло свои плоды. В начале 1920-х годов епархию захлестнула волна обновленчества. Единственным твердым оплотом православия в окрестностях Кавказских Минеральных Вод, неколебимо державшим светильник истинной веры, оставался Второ-Афонский Успенский монастырь на Бештау.

К началу 1920-х годов относится знакомство с отцом Стефаном его духовной дочери, монахини Сергии (в миру — Татьяны Ивановны Клименко). 15 июня 1923 года она впервые попала в обитель. Это было время торжества обновленчества, и православные, которых называли тихоновцами, не имели благословения от патриарха Тихона посещать обновленческие службы. "Православное же духовенство было почти все по тюрьмам, ссылкам и в вечной жизни. Не ходить в церковь было очень тяжело..." В то время Татьяна Ивановна жила в Кисловодске, где не было ни одной православной церкви. Чисто православный монастырь был на горе Бештау, в десяти километрах от Пятигорска... "Вокруг разливалось море обновленчества. Только Успенская обитель твердо и высоко держала знамя православия". Во время их первой встречи отцу Стефану было 48 (37. — *Прим. сост.*) лет, и по мудрости он всех превосходил. Настоятель, отец Иоанн (Мирошников. — *Прим. сост.*), в это время оставил монастырь и организовал на побережье за Туапсе в Канаштапской долине девичью обитель. Отец Стефан замещал настоятеля, одновременно исполняя послушание просфорника.

"На Бештау мы пришли втроем из Кисловодска,— писала матушка Сергия,— Маруся Склярова, Надя Чага, дочь крупного толстовца, и я... Отец Стефан в это время пек просфоры. Ему передали письмо, которое мы принесли от его послушника, где говорилось о нас. Отец Стефан оставил свою работу и вышел к нам в скромном монашеском одеянии. В письме была просьба отслужить панихиду, и, хотя служба кончилась, отец Паламон (будущий схиигумен Пафнутий. — *Прим. сост.*) повернул назад и снова отслужил панихиду. Потом нас угостили чаем, и мы положили на стол свое приношение. Беседа



Иеромонах Стефан. Начало 1920-х годов.

затянулась дотемна, батюшка благословил нас говеть. Для Нади это было первое говение... После первой беседы отец Стефан со слезами надел на них (подруг Татьяны Ивановны. — *Сост.*) кресты, потом исповедал нас...

У отца Стефана, несмотря на его малое образование, был удивительный дар рассуждения. В те годы, первые два десятилетия нашего века, Кавказ был наводнен множеством вольнодумной интеллигенции: тут были и сектанты, и толстовцы, и теософы, и просто ищущие истину, потерявшие ее, разорвав связь с Православной Церковью. И вот эти "совопросники мира сего", некоторые из которых учились в Сорбонне, знавшие по пять языков, склоняли головы перед простым, неученым монахом, оставляя у ног его все свои мудрования".

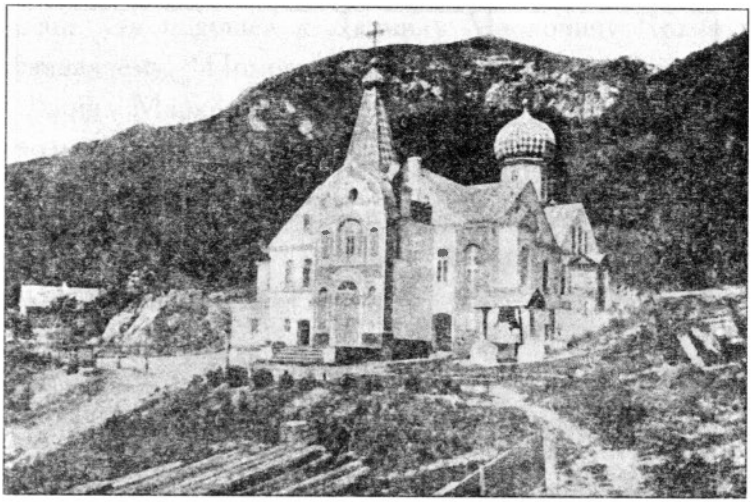
Одним из них был Даниил Маркович Кохно, убежденный толстовец. Однажды Великим Постом он вошел в Пантелеимоновскую церковь во время пения Символа веры, упал на колени и покаялся. Оказалось, что в ту ночь во сне он увидел себя стоящим на паперти храма. Господь Иисус Христос едва придерживал его за руку и готов был выпустить ее. Проснувшись, Кохно осознал свой грех отступления от Церкви, покаялся, выдержал епитимью, наложенную на него отцом Стефаном, и вернулся в лоно Святой Церкви. Не однажды Даниил Маркович выступал против обновленчества.

Родственница монахини Сергии, в будущем — монахиня Серафима, рассказывала ей о своем обращении. Надо сказать, что она обладала исключительным умом, окончила какие-то философские курсы и до того замудрилась, что стала сама, собрав кружок, систематически толковать Послания апостола Павла только на основе собственного восприятия! Мы насилу уговорили ее пойти к отцу Стефану, когда он приехал к нам в Кисловодск. Пошла она в полном сознании своей "ценности" и права толковать Священное Писание. "И вот,— говорит,— только я услышала его "благоуветливые словеса", как с

меня ощутимо, прямо физически стала сползать какая-то чешуя, я затрепетала и в ужасе, во всю глубину и широту осознала ложь моего пути".

Татьяна Ивановна тоже пришла к отцу Стефану не какая-нибудь, а с "подвигами". За год до этого ей попались в руки книги "Невидимая брань" Святогорца и "Письма о духовной жизни" епископа Феофана. Эти книги принесли ей существенную пользу, но, по горячности нрава и неразумию, девушка сразу круто начала: пошла на подворье Пензенского монастыря в Кисловодске к монашенкам за четками. Ну, конечно, они не дали. "Я не растерялась, купила крупной фасоли, навязала себе из них четки с метр — и давай подвизаться. Вставала ночью, читала Страстные Евангелия, запостилась и т. д. Конечно, при первой беседе все подвиги пошли прахом, и фасолевые четки были отобраны. У меня было ощущение, что отец Стефан поставил меня на рельсы, надел на меня нужную, по моим размерам, рабочую одежду".

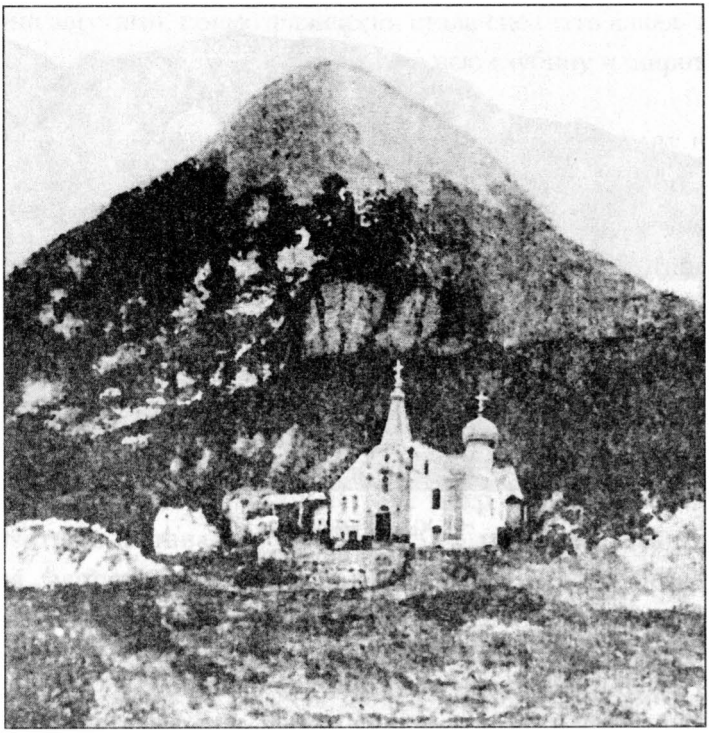
"На ночь нас разместили на полу в келии, и мы до четырех утра отдыхали. В четыре часа был подъем и полунощница. Меня все поражало, вызывало благоговение. После обедни мы выстояли все требы по чрезмерному усердию, потом нас напоили чаем, и мы сговорились с отцом Стефаном приходить к нему... Мы летели на крыльях! На горизонте расстилалась розовая от заката Кавказская цепь. Я ощущала такую легкость, такое чувство истинного обновления, что не чувствовала никакой усталости... На прощанье отец Стефан оделил нас всех просфорками и благословил в случае духовной нужды прийти опять. С этих пор я начала, чаще одна, а то и в компании, паломничать на



Храм во имя Успения
Пресвятой Богородицы
Второ-Афонского монастыря.

Бештау, а иногда бывало и такое счастье, что отец Стефан приезжал к кому-нибудь из нас. Мы сообщали друг другу и собирались на целый день вместе. Иногда он приходил в Пятигорск или Минеральные Воды, и мы ехали туда. Мы приезжали с целыми листами вопросов, мама жалела батюшку и говорила, что мы его замучили, но он был невозмутим"[54].

Престольный праздник Успения Божией Матери в монастыре праздновался особенно торжественно. К этому дню из окрестных городов в обитель стекались паломники, пешком шедшие с крестными ходами. Паломники заранее предупреждали настоятеля о своем прибытии. Настоятель благословлял и встречал каждый крестный ход с поднятыми хоругвями, пением, колокольным звоном. Затем народ размещали и готовились к службе[55].



Отец Стефан при большом количестве богомольцев не отходил от аналоя и исповедовал с вечера до утра. К утру он был совсем прозрачный, здоровье у него было слабое. Хотя отец Стефан страдал язвой желудка, он строго соблюдал посты и вкушал вообще очень мало.

Перед Успением 1923 года донесся слух, что женатый двадцатишестилетний обновленческий "архиерей" собрался с крестным ходом на Бештау. Монахи были очень взволнованы и решили подготовиться к уходу в случае победы обновленцев. В это время в монастыре был настоятелем уже отец Дорофей, тоже староафон-

ский. Он подошел к Даниилу Марковичу Кохно и сказал ему: "Помогите нам — мы не речисты!" И Даниил Маркович обещал, с помощью Божией, исполнить просимое. Все очень волновались. Подошел канун Успения. К настоятелю, авве Дорофею, пришли обновленческие посланцы с просьбой "принять их святость". Настоятель согласился и благословил звон. "И вот, мы увидели, как снизу в гору поднимался обновленческий крестный ход во главе со стриженым, бритым "архиереем". Из монастыря, в благоговейном молчании, неся с собою хоругви и иконы, шел навстречу наш православный крестный ход во главе с настоятелем, монахами и Даниилом Марковичем. Отца Стефана в толпе не было. Он стоял, прижавшись к монастырским воротам, у ног его был маленький чемоданчик".

Все ближе, ближе сходились крестные ходы и, наконец, остановились, склонив хоругви. На стороне обновленцев было много дам, вплотную окруживших своего "архиерея". А с православной стороны — монахи и станичные казаки и казачки. Подойдя почти вплотную, обновленческий "архиерей" Александр Шубин упал на колени и с театральными жестами воскликнул: "О, святая обитель! Дай мне облобызать твои святыни!" В ответ на это Даниил Маркович, по благословению настоятеля, ответил ему: "Гражданин Шубин! Лобзанием ли предаешь Церковь Православную?!" — и, вынув обновленческий журнал, начал читать оттуда критику и насмешки над православием. Мы наблюдали, как со стороны обновленцев к монахам переходили пришедшие. Шубин, разъярен-

ный, вскочил с колен со словами: "Ну, Кохно, это тебе даром не пройдет!" Увидев, что все симпатии богомольцев на стороне православных, повернул назад. За обновленческим "архиереем" пошло всего несколько дам, а остальные с пением псалмов, сияющие, вернулись в монастырь.

Всенощную служили на воздухе, потому что поместить народ в церкви не было возможности. Монахи разделили богомольцев на два хора и, пока не засияло солнце, все до утра отпевали Плащаницу Богоматери, вынесенную под открытое звездное небо. Казаки носили камни на вершину Бештау, монахи складывали из них престол и позднюю обедню служили там, наверху... С этого времени, несмотря на аресты, православные подняли головы, а обновленческие церкви опустели[56]. Перед закрытием монастыря на Бештау приезжал известный обновленец, отец Александр Введенский, но настоятель его не принял[57].

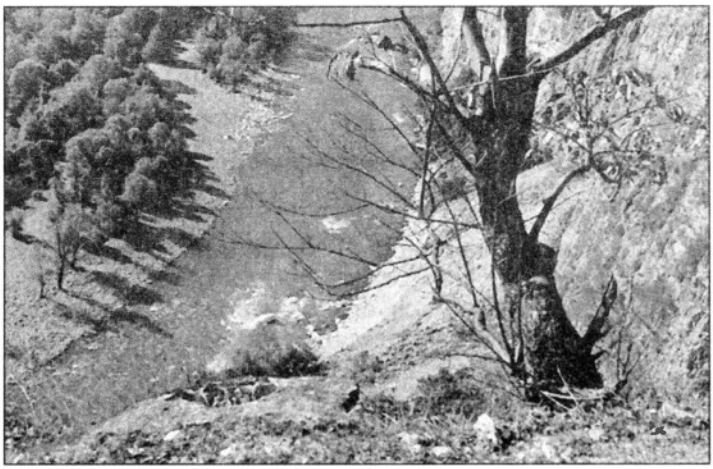
Даниил Маркович Кохно был арестован одновременно с отцом Иоанном Мешалкиным, тогда еще диаконом, и сослан на вольную ссылку в Самарканд. Настоятеля кладбищенской церкви Кисловодска, отца Иоанна (Прокоповича), отправили на вольную высылку в Ашхабад[58]. Перед закрытием монастыря отца Дорофея большевики жестоко изувечили и убили, одев ему на голову обруч раскаленного на костре таганка (железная подставка для котлов)[59].

"Вскоре отец Стефан приехал в Кисловодск для освящения кладбищенской церкви. Как мы его ждали! Всю ночь не спали, сидели на балконе, пели молитвы. И от одной мысли, что мы сегодня будем молиться в нашем

православном храме, сердца наши бились от счастья. С каким благоговением, вдумчиво освящал отец Стефан храм! Это было "небо на земле"! Теперь вместо арестованного настоятеля кладбищенской церкви отца Иоанна богослужение совершал иеромонах Михаил, присланный из Успенского монастыря",— вспоминала мать Сергия Клименко[60].

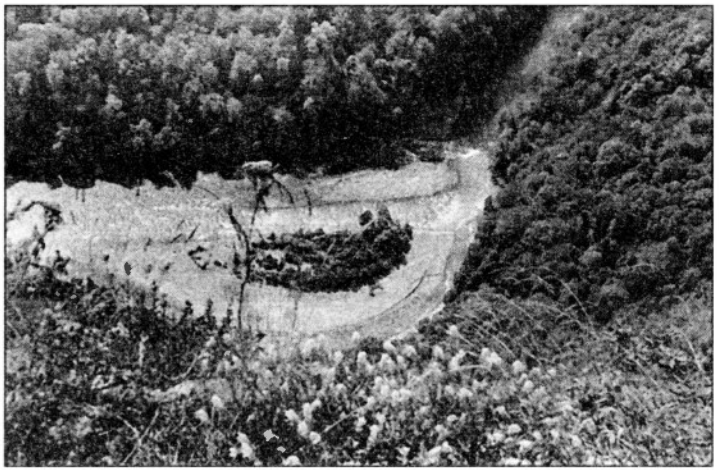
Интересный и поучительный эпизод связан с монахиней Сергией. В декабре 1923 — январе 1924 года она тяжело болела воспалением легких. Свыше недели держалась высокая, около сорока градусов, температура. Жар истощал организм. На восьмой день болезни девушка в полном сознании пережила редкое духовное событие. Ей явился отец Стефан и провел по мытарствам, последовательно указывая на гнездившиеся в ней страсти. В ужасе видела Татьяна Ивановна, что грех настолько овладел ее душой, что при каждой встрече со злобной силой ей нечем было оправдаться. Казалось, спасения от демонов не было, душа справедливо была обречена на гибель, на вечные мучения. Но молитва духовного отца помогала. "Не умерла, еще может покаяться",— отвечал отец Стефан истязателям. Глубокое, слезное раскаяние охватило все ее существо. После этого видения в болезни наступил перелом, и Татьяна Ивановна пошла на поправку[61].

В 1925 году, когда архиепископ Иннокентий Ястребов жил в Кисловодске, батюшка Стефан бывал у него. Если владыка хорошо себя чувствовал, то сам ездил на Бештау.



Цебельда. Река Кодор.

В 1925—1926 годах иеромонах Стефан в поисках уединения оставил обитель и ушел в горы со своим первым келейником Серафимом, который был особенно близок ему по духу. Впоследствии им пришлось расстаться[62]. Отцы поездом доехали до Новороссийска, затем пароходом до Адлера, откуда по долине горной реки Кодор ушли в глубокую пустыню Цебельды. Там они устроили себе небольшие кельи и жили настоящей отшельнической жизнью[63]. В 1925 году старца посещал в горах его духовный сын Сергей Петрович Ситиков, в монашестве Сергий. Сергей Петрович познакомился с отцом Стефаном еще в студенческие годы в горах Кавказа и впервые ощутил близость Живого Бога благодаря общению с ним. Будучи делателем Иисусовой молитвы, он впоследствии написал книгу "Забытый путь истинного богопознания" о внутреннем монашеском молитвенном делании, получившую широкое распространение в Самиздате[64].

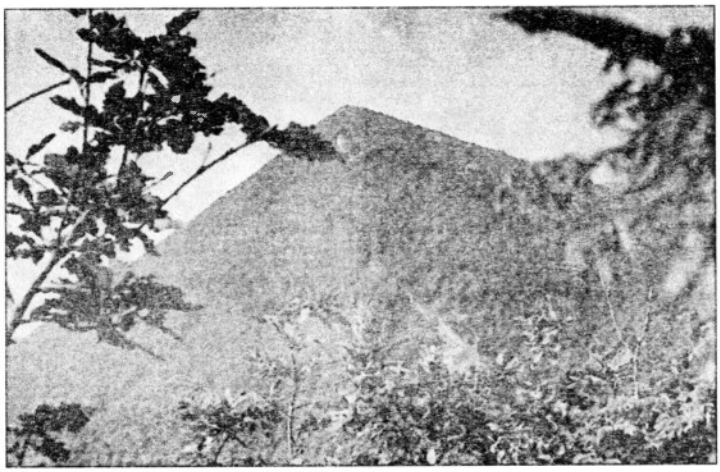


Цебельда. Река Кодор.

Окончательно батюшка покинул монастырь на Бештау после праздника святых апостолов Петра и Павла в 1926 году вместе с остальными монахами, когда большевики закрыли обитель. Братия ушли в горы. Место для жилья вначале выбрали в глухом лесу высоко в горах Псху. Рядом с ними пролегал глубокий овраг, по дну которого бежал ручей. За водой спускались вниз по веревке, развели небольшой огородик, посадили овощи, кукурузу. Зерна кукурузы мололи между двух камней и потом пекли из муки лепешки на костре[65].

Климат на Псху благодатный, мягкий. В лесу растут груши и орехи, которые составляют лакомство не только для людей, но и медведей, частых гостей пустынников. Пустынь на Псху славилась строгостью жизни монахов и называлась "Глубокая"[66].

За съестными припасами ходили в Сухум. Шли туда двое суток, поэтому ночевать приходилось в лесу. Старец рассказывал отцу Матфею: "Идем, идем, и



Святая гора Адагуа.

настанет пора устраиваться на ночлег. Мы выберем где-нибудь грушу постарше, побольше, потому что под ней всегда много листвы. Мы листву поближе к стволу подгребем — мягко. Устроимся так и спим. Ночью разбудит шелест — что такое? А это мишка слезает с груши". Огороды, где росло все самое простое — капуста, кукуруза, пустынники огораживали нехитрой изгородью из жердей от кабанов, туров. Но мишкам — что эти жерди? Часто навещали они огороды. Заберется мишка, наломает кукурузы и несет, как дрова. Что ему сделаешь? Отцы жили с ними мирно, звери не нападали. Любили монахи смотреть с вершины горы на Черное море. Ради этой дивной красоты целый день могли карабкаться на самый верх, где ничто не мешает взгляду. Забирались и подолгу любовались раскинувшейся внизу морской далью. "Чудны дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси..."

В свободное время занимались рукоделием: из лозы плели изящные, красивые корзины, переплетали книги. Переплеты были простые, скромные, монашеские.

Жило на Псху около пятисот пустынников. Монахам удавалось поддерживать монастырский распорядок, богослужебный строй. Жили они плотно: убогие келейки, хижинки недалеко отстояли одна от другой. У каждого был свой огородик, садик. Ежедневно собирались на утреннее и вечернее правило, на литургиях бывали неопустительно[67]. В скромном монашеском поселении стояла небольшая церковь, к которой с разных сторон от келий вели протоптанные дорожки. Духовником братии был отец Пимен (Гавриленко) (в будущем — схиархимандрит Пимен, духовник и старец Псково-Печерского монастыря. — *Сост.*). В 1920-х годах отец Пимен подвизался в горах, иеромонах Стефан исповедовался у него[68]. Впоследствии отец Пимен, кроткий, гостеприимный, благодатный старец, много рассказывал глинскому иеромонаху Павлину (будущему схиархимандриту Гурию) о своей жизни в горных пустынях. Обычно монахи жили по два-три человека в келье. Держали по два-три улья для собственных скромных нужд и для угощения посетителей. Особенно им досаждали жившие по соседству греки и сваны, легко готовые оскорбить, ограбить, избить. Вместе со старцем Пименом в 1920-е годы в горных пустынях близ Сухума жили отец Херувим, друг батюшки Стефана, будущий митрополит-старец Зиновий (Мажуга). Владыка Зиновий однажды, слушая рассказ монахини Андроники о знакомстве с иеромонахом Стефаном (Игнатенко), назвал его "наш Димитрий"[69].

Изредка отец Стефан находил возможность навещать своих духовных чад в Минеральных Водах. Зиму они с послушником проводили в живописных горах Псху. Летом спускались в более жилые места. Доступ к отцам был очень труден: вершины гор осенью обледеневали, и до самого лета спуск становился невозможным. Снег, выпадая, покрывал землю на два-три метра. В последние годы своей жизни старец вспоминал, что пустынники под покровом благодати Божией умудрялись без страха ходить по таким отвесным кручам, где нога едва находила себе опору, а с гор летели громовые снежные лавины. Батюшка говорил, что даже по прошествии десятков лет он без внутреннего содрогания не мог вспоминать жуткие горные ущелья и пропасти. "В горы не нужно уходить, живите в городах. Мы жили в горах, но пережили такие страшные трудности, что по сю пору отойти не можем",— говорил он своему двоюродному внуку[70]. При слабом здоровье, больном желудке отец Стефан окончательно надорвался физически в пустыне, следствием чего была громадная грыжа, от которой он мучительно страдал до конца жизни.

Живя в горах, батюшка встретился со своим вторым келейником, Симеоном Иудовичем. С юности у Симеона было сильное стремление к монашеству.

Когда ему исполнилось восемнадцать лет, крестная взялась отвезти его в Успенский монастырь на Бештау к известному своей рассудительностью и духовной опытностью иеромонаху Стефану. Пока добрались, обитель закрыли, а насельники ушли в горы. Расспросив, они отправились искать монашеское поселение в горах. Лишь только вышли на нужную дорогу — сразу повстречали самого отца Стефана. Симеон остался

со старцем, помогал ему вести хозяйство, но однажды случилось несчастье: собирая спелые плоды с высокого грушевого дерева, он наступил на сухую ветвь, которая подломилась под его тяжестью, и послушник упал с высоты, повредив себе позвоночник. Братия перенесли Симеона в келью и срочно послали за отцом Стефаном, отлучившимся куда-то. Батюшка вернулся с пол-дороги и потом около полугода ухаживал за больным, как заботливая нянька. Понимая, что травма была очень серьезна, он отправил послушника в Пятигорск к опытной женщине-костоправу. Шел 1928 год. Поднимались повсеместные волнения против новой богоборной власти. Многие монахи с Бештау собрались в монастырь, надеясь по-прежнему жить монастырским укладом. Симеон Иудович остался с ними[71].

В 1929 году был отменен нэп. Развернулась кампания против частного предпринимательства. Церковь рассматривалась как частное предприятие. Началась активная массовая принудительная коллективизация, расказачивание, насильственная высылка миллионов крепких крестьянских семей в Сибирь и на Север. В начале 1929 года за подписью секретаря ЦК Л. М. Кагановича на места была отправлена директива, в которой подчеркивалось, что религиозная организация оставалась единственной силой, имевшей влияние на массы. Повально закрывались церкви, монастыри. В докладе Е. Ярославского (Губельмана), вождя Союза воинствующих безбожников, отмечался новый религиозный подъем во второй половине 1920-х годов. Он предполагал торжествовать победу безбожия в 1930-е годы[72].

В 1929 году закрыли скит Покровского монастыря Екатеринодарской епархии "Темные буки", где начинала свою монашескую жизнь мать Сергия Клименко, окончательно закрыли монастырь на Бештау, арестовали насельников. Вместе с ними попал в тюрьму и Симеон Иудович. Правда, в заключении он находился всего несколько дней, его скоро отпустили по хлопотам родственников.

Прекратилось недолгое бытие кавказского светильника веры — Второ-Афонского Успенского монастыря на горе Бештау под Пятигорском. В конце 1920-х годов в братском корпусе монастыря располагался санаторий для инвалидов. В 1930-е годы в Успенском храме находилось Общество пролетарского туризма и экскурсий. Перед началом Великой Отечественной войны в бывшей обители разместили детский дом для детей, вывезенных из Испании. Полностью разрушили монастырь в 1950-е годы[73].

В 1926 году на Псху в восьми храмах служило двенадцать священников. 29 апреля 1930 года на Псху прибыли объездчики и кнутами выгнали из келий пустынников. Отшельники, которых было около ста человек, шли с пением псалмов и благодарили Бога за испытание. Группу монахов, около полуторасотен, по дороге просто расстреляли. Стариков, больных либо пристреливали, либо они умирали сами от изнеможения. Молодые несли стариков на руках, если хватало сил. Монахов отлавливали в горах, как диких зверей, и вначале собирали на пересылочном пункте. Пересылка была устроена в бывшем Драндском монастыре. В Сухуме пустынников поделили на две группы. Один этап пешком погнали в Тифлис (Тбилиси). Без

особых крепких башмаков из буйволиной кожи (постолов) на каменистой дороге монахи в кровь стирали ноги. Вторую партию арестованных отправили в Новороссийск и большую часть казнили. По преданию, многих погрузили на баржи и потопили в море[74].

Монахиня Сергия после закрытия "Темных буков" надеялась найти в горах отца Стефана, но заболела и слегла с обострением туберкулеза. Она вспоминала печальную картину: плывшие по морю тяжело нагруженные баржи, переполненные арестованными монахами. Предупреждая ее о своем уходе из Лат, небольшого селения на реке Кодор на границе Сванетии и Абхазии, старец передал ей письмо, но уйти ему не удалось. В Латах его арестовали и отправили в Тифлис.

В Тифлисе власти образовали трудовую артель-лагерь из прибывших монахов. Один из влиятельных сотрудников ОГПУ-НКВД, впоследствии — заместитель министра НКВД Грузии, Борис Николаевич Колонтаров, после бесед с батюшкой Стефаном особенно расположился к нему. Он сам и его жена, отличавшаяся редкой красотой и изяществом, дочь бывшего вице-губернатора Тифлиса, Вера Ильинична Ермакова, были верующими людьми и в мутные послереволюционные годы страдали без духовного руководства. Супруги нашли возможность внести крупную сумму денег и освободить покорившего их сердца смиренного, молчаливого, мудрого иеромонаха. Вначале они прятали батюшку у себя на даче в качестве сторожа[75]. Затем некоторое время отец Стефан скрывался у монахинь из Дидубийского поселка, Анны (в схиме Иунии) и Мариам (в схиме Марфы)[76]. Квартира Мариам находилась недалеко от Сионского собора в Тифлисе.

В середине 1930-х годов Татьяна Ивановна Клименко нечаянно во время учебы в Московском медицинском институте встретила бывшего послушника батюшки Стефана, Филиппа Антоновича Федоренко, с письмом которого некогда впервые пришла в монастырь на Бештау. Узнав у него адрес дорогого старца, мать Сергия возобновила с духовником переписку. В одном из писем иеромонах Стефан предостерегал ее от участия в новейшем церковном расколе против митрополита Сергия (Страгородского). Считая его законным главой Русской Православной Церкви, батюшка с болью наблюдал, как раздирался хитон Христов ревновавшими о Церкви. "Грех раскола,— предупреждал он свое духовное чадо,— не смывается даже мученической кровью". Действительно, в 1929 году матушка Сергия ушла в раскол, не желая признать митрополита Сергия. "Отломившись от древа жизни... внутренне высохла, омертвела, и только по заступничеству Пресвятой, Пречистой Владычицы нашей Богородицы вернулась в лоно церкви",— писала она много лет спустя[77].

К. С. Родионов побывал у старцев в пустыне "Глубокой" в высокогорной долине Псху в 1928 году после появления знаменитой Декларации митрополита Сергия 1927 года. Монахи при нем обсуждали этот документ. Они приняли его настороженно, но послушно. Отцы вспоминали случаи открытого сопротивления Святой Церкви государственной власти, когда власть явно нарушала Закон Христов. Так, они приводили в пример святого митрополита Филиппа, преподобного Нила Сорского. Старцы Псху соборно решили, что выступление церкви возможно лишь против беззаконных и преступных действий конкретных лиц, но не против исторически

складывающихся государственных структур. Святая Церковь никогда не становилась и не должна становиться на путь революционной борьбы с государством. В России послереволюционной такая борьба стала бы контрреволюционной, вызвала бы новые кровавые потоки и новое ответное безумство страстей[78].

Епископ Алипий вспоминал, что благодаря отцу Стефану у него выработалось глубоко уважительное отношение к патриарху Сергию[79, 80].

Спровоцировав разделение, власть вначале нанесла удар наиболее бескомпромиссным и твердым членам церкви. Первая волна гонений 1929—1932 годов пришлась, в основном, на сельские храмы и удаленные монастыри. Вторая пятилетка, 1932—1937 годы, была объявлена пятилеткой уничтожения религии. Закрывались оставшиеся обители, начались преследования верующих в городах. Вторая волна наступления на церковь пришлась на 1932—1934 годы. К 1934 году не оставалось ни одного монастыря. В 1936—1938 годы третий вал гонений обрушился на церковный народ. Справившись с наиболее последовательными и крепкими в стоянии за церковь, взялись за тех, кто поддерживал митрополита Сергия (Страгородского), и даже за обновленцев. Верующих уничтожали поэтапно[81].

Вероятно, имея глубокое духовное рассуждение и понимание происходившего, скорбя о раздирании ризы Христовой, иеромонах Стефан (Игнатенко) не поддерживал тех, кто отошел от митрополита Сергия. Он чувствовал, что те, кто сеяли злобные семена раздора внутри церкви и радостно наблюдали самоубийственные расколы,— при первой возможности по

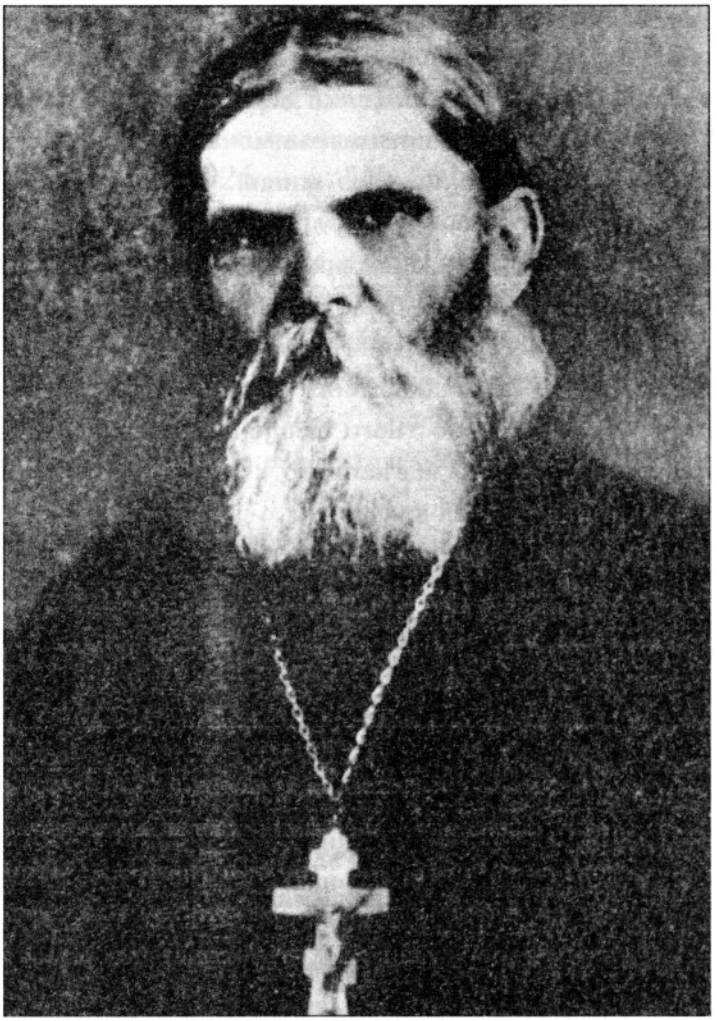
очереди расправлялись как со своими противниками, так и со своими сторонниками. Мудрость отношения кавказских старцев к митрополиту Сергию ныне подтверждают опубликованные секретные протоколы заседаний ЦК 1926 года. "№ 66... 11.11.25... Постановили: Поручить т. Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев", "№ 72... 1926 г. ...Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. Вести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным Местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом..."[82].

Старец Стефан пробыл в Грузии до 1937 года. Вернувшись, он остановился во Владикавказе, где вскоре его нашел и присоединился к нему, приехав из Абхазии, Симеон Иудович. Батюшка пробовал изменить место своего жительства, даже купил для этого домик в Горячеводске, где жил с 1943 по 1947 год. Духовные чада старались поддерживать его материально, но монахине Серафиме, которая остро нуждалась, отец Стефан помогал сам. В апреле 1948 года старец с Симеоном Иудовичем вернулись во Владикавказ. Ему хотелось остаться в Пятигорске, но по болезни сердца он не смог осуществить свое намерение из-за неподходящих климатических условий[83].

После встречи 4 сентября 1943 года И. В. Сталина с ведущими иерархами Русской Церкви верующим было сделано временное послабление[84]. Открывались приходы, священников не хватало. Многим из тех, кто скрывался, было позволено вернуться к служению. В те годы архиепископом Ставропольским и Бакинским

был назначен будущий митрополит, тогда архиепископ, Антоний Романовский, человек редкой доброты и деликатности, сохранивший верность православной церкви, сторонник и почитатель монашества, сам проводивший подвижническую жизнь. Владыка прошел через тюрьмы, ссылки, лагеря, поэтому, насколько это было возможно, старался помочь бывшим ссыльным монахам. Его епархия была под наблюдением восьми уполномоченных представителей от советской власти. Когда кто-то из них изгонял несимпатичного лично либо особенно ревностного священника, архиепископ Антоний направлял изгнанного к другому, к третьему — "играл, как на клавишах".

Владыка принял отца Стефана и в 1949 году приписал его к клиру Ставропольской епархии. Желая оградить батюшку от излишнего внимания властей и мирской суеты, старался направлять в удаленные, глухие станицы. Постоянного прихода у иеромонаха Стефана не было, он считался командировочным священником. Так, он служил в Крестовоздвиженском храме станицы Кисловодская, сослужил или по необходимости замещал почитаемого на Кавказе подвижника, иеромонаха Иоасафа (Будилева), в станице Архонская, где впервые увидел старца Стефана будущий архимандрит Матфей. В 1950 году батюшка обучал молоденького священника отца Иоанна (Глущенко) во время Страстной и Пасхальной седмиц. Будучи тогда двенадцатилетним мальчиком, отец Матфей пономарил во время служб, которые вел отец Стефан. Служение старца навсегда запечатлелось в сердце маленького пономаря как благоговейное предстояние перед Живым Богом.



Иеромонах Стефан.
I половина 1950-х годов.

Отец Матфей вспоминает, что иеромонаха Стефана все любили, он везде создавал вокруг себя мир Христов. Станица Архонская отличалась дивной тишиной. Приезжая туда время от времени, батюшка останав-

ливался в доме семьи Мормылей, в особой келейке. В ней он вычитывал свое монашеское правило, а потом выходил на веранду и безмолвно тянул четки. Бабушка будущего архимандрита всегда старалась угодить чтимому старцу и, приготовив салат из овощей, посылала внука к отцу Стефану. Батюшка кушал только огурцы, остальное возвращал, чем доставлял мальчику большое удовольствие, потому что любимые им помидоры все доставались ему[85, 86].

В 1949 году иеромонах Стефан проходил курс лечения больной печени, катара желудка и сердечных недомоганий в Кисловодске, но ощутимых положительных изменений не было. Организм был подорван окончательно[87].

Долгое время родные считали старца Стефана погибшим. Сестра его отца, Ксения Давидовна, совершила заочное отпевание и поминала его как усопшего.

После войны батюшка сумел отыскать своего старшего брата Василия в Нальчике. Между ними состоялся серьезный откровенный разговор. Василий непримиримо-резко отрицал веру в Бога, был убежденным коммунистом. В конце беседы отец Стефан обещал брату никогда более его не беспокоить. Впоследствии он не только не возобновлял общения, но даже не поминал Василия на проскомидии. Видимо, отступление брата от Бога было решительным и бесповоротным. В 1955—1956 годах старец встретился с дочерью Ксении Давидовны, Евгенией Павловной, в Баксанской станице. С семьей своей двоюродной сестры отец Стефан сблизился и был дружен до самой кончины[88].

Мать Сергия договаривалась о встрече со старцем в Кисловодске в 1945 году, но встреча не состоялась. Во Владикавказе отец Стефан продолжал духовно окормлять жителей Северного Кавказа. Он всегда старался помочь бедствовавшим монахам. Так, в середине 1950-х годов он устроил в доме будущей жены отца Владимира З. двух монахинь — схимонахиню Митрофанию и монахиню Антонию[89]. Монахиня Сергия Клименко вспоминала: "Необыкновенная сдержанность была его главной чертой. Он был также необыкновенный бессребреник. Помню такую сцену: я была на беседе у батюшки. Пришел один монах и, ничего не сказав, сел. Батюшка помолчал. Они молча друг на друга посмотрели. Отец Стефан открыл шкафчик и, достав какое-то кушанье, дал его пришедшему. Тот взял молча и ушел, а у самого батюшки ничего не осталось"[90].

В 1950 году иеромонах Стефан Игнатенко был награжден архиепископом Антонием Романовским наперстным золотым крестом[91]. Управляющий епархии отзывался о батюшке как о простом, смиренном, кротком монахе трезвого и безупречного поведения.

Отец Матфей говорил, что к старцу часто приходили с обысками, но его смиренная кротость, невыразимая тихость Христова так покоряли всех, что ни в одном человеке он не вызывал враждебного чувства[92].

В начале 1950-х годов протоиерей Филипп Устименко из Пятигорска во время своей учебы в Ставропольской семинарии познакомился во Владикавказе с батюшкой Стефаном. Он вспоминал, как "приехал в Ставропольскую духовную семинарию из глухого, пустынного, высокогорного села Псху в 1949 году. В семинарии я встретился с выходцами из осетинского города Дзауд-

жикау, как тогда назывался Владикавказ, столица Осетии. Не могу сказать точно, в тот же год или на следующий, мой друг-осетин Вадим Цаликов, ныне заслуженный протоиерей, пригласил меня к себе домой провести зимние каникулы. Естественно, Рождественские праздники мы проводили в храме, принимая участие в пении, чтении и других практических занятиях. Храм был посвящен святому пророку Илие. Настоятелем храма был отец Григорий (Гончаров), а помогал ему отец Стефан.

Познакомившись с батюшкой, я узнал, что иеромонах Стефан вместе с несколькими собратиями-монахами, такими, как отец Херувим, некоторое время подвизались в посте и молитве в моем родном селе Псху. Почему-то я приглянулся отцу Стефану, и он подарил мне книги, которые в те времена было трудно достать. Купить их я не мог, поскольку был в очень стесненных денежных обстоятельствах. Некоторые из них сохранились у меня до сих пор: Требник Елизаветинского времени, Службы на Светлую седмицу, Иерейский молитвослов. После того времени я не видел отца Стефана очень долго"[93].

1950—1960-е годы были тяжелым временем обострения гонений на церковь. "С 1949 года наблюдается осторожное сокращение количества действующих храмов. Рост их числа, начавшийся в 1955 году, был незначительным и закончился в 1957 году. С 1959 года начинается массовое закрытие и храмов, и монастырей, и семинарий"[94]. Надвигалась "хрущевская оттепель". Новая волна религиозных преследований пришлась на 1960—1962 годы. Особенно пострадали при Хрущеве монастыри.

В те годы в Пятигорске служил бывший настоятель обители на Бештау схиархимандрит Иоанн (Мирошни-

ков). В Пятигорск вернулся игумен Паламон (бывший иеромонах Успенского монастыря, в схиме Пафнутий) и архимандрит Савва, некогда регент обители на Бештау.

В условиях новых гонений отцы бывшей Успенской обители на Бештау стремились собраться вместе, чтобы иметь возможность исповедаться друг у друга, получить взаимную поддержку в трудную минуту. После смерти отца Иоанна (Мирошникова) в 1956 году отцы Савва и Пафнутий стали обращаться к батюшке Стефану. В 1953 году старец был уволен за штат как пенсионер по болезни[95].

В 1956 году знакомые предложили старцу вместе с его келейником Симеоном Иудовичем переселиться из Владикавказа в Кисловодск. Город им нравился, и, что удивительно, учитывая тяжелое заболевание сердца отца Стефана, ему подошли климатические условия Кисловодска. Решили перебираться. Хозяева дома во Владикавказе, Ирина Никитична и Андрей Петрович Гуняевы, настолько полюбили своих жильцов, что не допускали мысли о разлуке с ними. По их неотступным просьбам, батюшка благословил переезжать всем вместе. Нашли подходящий беленький, маленький, но поместительный, домик с голубыми ставнями на самой окраине Кисловодска у подножия Кабан-горы. При доме был сад и огород.

Дом окружал белёный оштукатуренный заборчик. Крошечную калитку покрывал небольшой, окрашенный в голубой цвет навес. От калитки к келейке батюшки вела узенькая дорожка. Домик утопал весной в белоснежном облаке цветущих вишен. Комната старца была в два окошка, обстановка в ней — пустыннически-простая: небольшой шкаф с книгами, походная кровать, застелен-

ная серым ватным одеялом, простые домотканые коврики на полу и на стене. Во дворе — море цветов, которые отец Стефан очень любил. Особенно запоминались пышные шапки остро пахнущих фиолетовых флоксов и яркие звезды разноцветных георгинов. Казалось, попадая во двор батюшкина домика, попадали в преддверие рая.

Ирина Никитична специально старалась подыскать удобную планировку, с покойной отдельной кельей для отцов. Продали дом во Владикавказе. Прописаться в Кисловодске было очень трудно, но помогли супруги Сачковы, Агафья Федоровна и Максим Павлович, служивший начальником Кисловодского УВД.

Пока хозяева заканчивали свои дела во Владикавказе, отец Стефан с Симеоном Иудовичем переехали в Кисловодск и стали устраиваться. По простоте Симеон открыл дверцу большой деревянной клетки с хозяйскими курами. В незнакомом месте птицы быстро потеряли ориентацию и убежали в горы. Приехавших хозяев ждала большая скорбь: они лишились птичника. Долго Ирина Никитична не могла успокоиться, волновалась, ворчала, упрекая отцов в неосторожности: "Батюшка, что же вы сделали! Всех кур выпустили!" Поскорбев со старушкой, отец Стефан обещал ей, что святитель Николай соберет ее курочек. Всю ночь после трагикомичного происшествия в келье отцов горел свет: молились. Утром хозяйка растерянно обнаружила во дворе сбежавшихся птиц. Кинулась к отцу Стефану, тот, пряча улыбку, ласково встретил ее: "Вот, святитель Николай собрал твоих курочек..." Андрей Петрович скончался в 1956 году, вскоре после переезда[96].

Похороны Андрея Петровича, мужа Ирины Никитичны, в 1956 году
Ирина Никитична: первый ряд, вторая слева.
В центре — иеромонах Стефан, иерей Александр (митрополит Гедеон), Семен Иудович, Иван Михайлович.
Последний ряд — Николай (иерей Николай Финев).

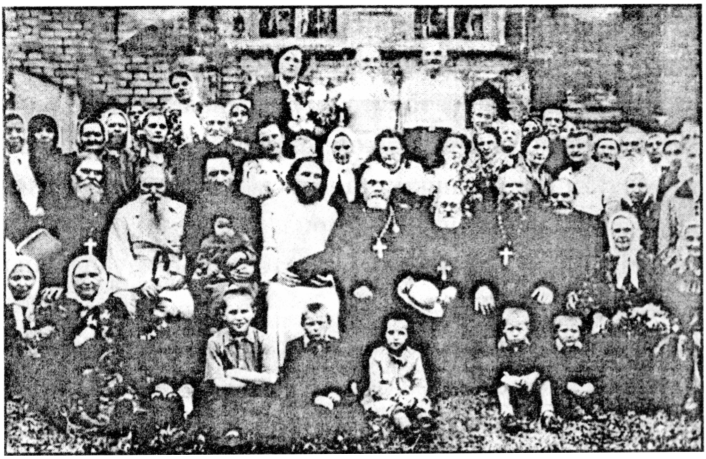
До самой смерти старец жил в Кисловодске, хотя по необходимости выезжал то во Владикавказ, то в Тифлис.

Об одном эпизоде в Тифлисе с улыбкой рассказывал старец Иоанн (Мешалкин). Как-то они с отцом Стефаном оказались вместе в городе. Батюшка попросил отца Иоанна причастить жену знакомого военного. Горячий, вспыльчивый отец Иоанн, тогда еще иерей, резко возразил: "Ох, батюшка, не хочу я причащать этих блудниц!". Долго молчал иеромонах Стефан. Затем, склонив голову на руки, с глубокой печалью, протяжно, тихо, с глубоким внутренним смирением ответил: "Господь разбойника на кресте простил, Господь блудницу простил, Господь всех кающихся прощает, а отец Иоанн не хочет простить..." Потрясенный отец Иоанн немедленно вскочил: "Батюшка, простите, сейчас бегу причащать!"[97]

В Кисловодске он помогал служить и исповедовать в храме во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона. Несмотря на то, что ему перевалило за седьмой десяток, отец Стефан пешком ходил в церковь. На обратном пути послушники старались поймать ему такси. Часто, видя тихо идущего старца, водители, любившие его, специально останавливали автобусы в неуказанных местах[98, 99].

Матушка Сергия вспоминала, что некоторые молодые священники не всегда почтительно относились к старцу. Официально он не состоял в причте Пантелеимоновского храма, но случалось, что, невзирая на его преклонный возраст, болезненность, ему приходилось помогать сверх своих сил. "Батюшка, не смущаясь, по своему истинному смирению, послушно взял кадило и, несмотря на свою слабость, выполнил все так, как он все делал: благоговейно и спокойно. Какой он сам был особенный, так и служба была особенной по простоте и благоговению"[100]. Бывало, что он приходил к ранней литургии и его просили исповедовать народ. Старец кротко вставал к аналою и исповедовал до конца поздней литургии. Близкие жалели его: "Батюшка, Вы устали". Отец Стефан мягко улыбался: "Мои батюшки меня любят". Общую исповедь старец проводил полно, но без беседы или проповеди во время нее, затем каждого внимательно слушал. Никогда ничего он не вытягивал из исповедника, ничего не навязывал ему. При необходимости мог спросить: "Святые отцы говорят так-то об этом предмете, а как у Вас в семье?" Однако, решив вопрос, стоял твердо: если человек упирался и настаивал на своей воле, отвечал: "Не на пользу"[101].

Александр Николаевич Докукин, ныне — митрополит Ставропольский и Владикавказский Гедеон, был



30-летие отца Александра Докукина
(б. митрополита Гедеона).
В центре второго ряда — о. Александр.
Во втором ряду — крайний справа иеромонах Стефан.
1959 г.

прислан в качестве священника в Пантелеимоновский храм города Кисловодска. Когда в город в 1956 году приехал отец Стефан, он стал обращаться к нему за советом, глубоко почитая батюшку, как кротчайшего, духовно опытного старца. С особым благоговением относилась к иеромонаху Стефану мать владыки, Матрона Григорьевна Докукина. Отец Александр, будущий владыка Гедеон, помогал батюшке Стефану материально и удивлялся присущей старцу природной культуре, врожденной деликатности, изяществу. Запомнилось владыке осторожное отношение старца Стефана к постригу.

Более всего запечатлелся в памяти владыки Гедеона разговор со старцем о возможности воссоединения с католической церковью. Батюшка твердо придерживался мнения о том, что присоединение католиков к Святой Православной Церкви возможно исключительно при

условии их глубокого и искреннего раскаяния в отступлении от истинного вероучения[102]. Никаких компромиссов отец Стефан в этом вопросе не принимал[103].

22 июня 1956 года, перед праздником Святой Троицы, умер большой друг отца Стефана, иеросхимонах Иоасаф (Будилев) из станицы Архонская. Перед смертью батюшка постриг отца Иоасафа в схиму, оставив ему прежнее имя. Будучи прежде насельником Свято-Троицкого Владикавказского мужского монастыря, старец Иоасаф был прекрасным рукодельником. Казалось, не было вещи, которую он не умел бы сделать. По характеру отцы различались. Если иеромонах Стефан был созерцательного направления, внутреннего молитвенного делания, уклонялся от каких-либо вмешательств в дела прихода, то отец Иоасаф был активным, деятельным. О смирении, кротости старца Иоасафа повествует краткий эпизод. Его верная послушница, близкая ему по духу инокиня Вера, однажды заметила, что он бумагой смахивал крошки со стола, и в простоте укорила отца: "Батюшка, поссоримся!" Отец Иоасаф весело засмеялся в ответ: "Хоть голенищем стирай, ругаться не буду!"[104] Старец Стефан присутствовал на похоронах, участвовал в отпевании друга, потом приезжал на поминки.

В середине 1960-х годов собрались закрывать церковь во имя святого великомученика Пантелеимона. Нередко в алтарь храма стреляли неизвестные комсомольские активисты. Иван Михайлович Т., бывший в то время церковным старостой, поехал в Московскую патриархию с ходатайством о прекращении дел по закрытию церкви. Отец Стефан понимал, что поездка будет безрезультатной, но не вмешивался. Иван Михайлович

попал на прием к заместителю В. А. Куроедова, выдержал тяжелую и бесплодную беседу. Приход перевели на Минутку, церковь закрыли и взорвали в 1965 году. После закрытия Пантелеимоновского храма отец Стефан предпочитал молиться дома[105].

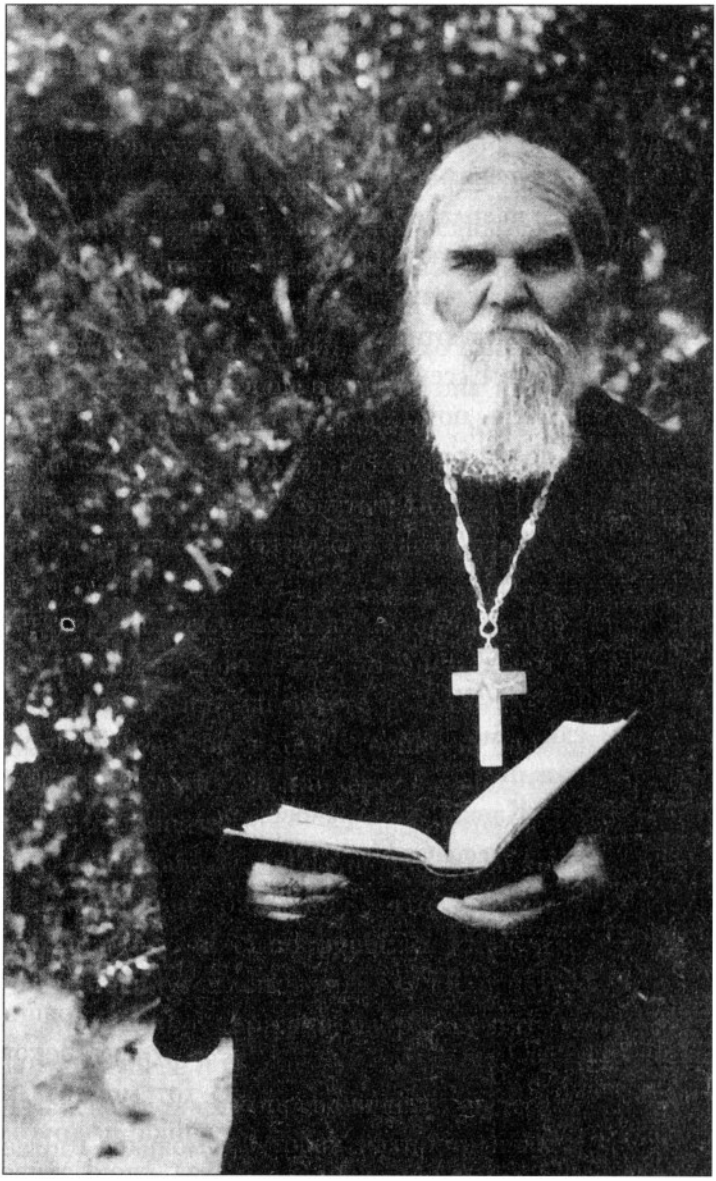
С церковью во имя святого великомученика Пантелеимона у батюшки был связан необыкновенный случай.

В 1950—1960-х годах в городе Ессентуки жила монахиня Исидора. У себя в доме она прятала большую храмовую икону Богоматери "Скоропослушница". Не исключено, что это был именно тот образ, которым в 1904 году старцы братства афонских монастырей благословили вновь открывшуюся тогда Второ-Афонскую Успенскую обитель на горе Бештау[106]. Матушка Исидора была стара и очень немощна. Она трепетала за судьбу святыни в случае своей смерти и часто с плачем обращалась к Богородице: "Матушка! Укажи, куда Тебя деть?" После особенно продолжительной слезной молитвы мать Исидора в изнеможении задремала и в полусне услышала голос от иконы: "Отправь Меня в Пантелеимоновскую церковь". Старушка недоумевала, что делать, поскольку поблизости не было храма с таким названием. О происшествии она никому ничего не открывала и находилась в смятении. Однажды в начале 1960-х годов к ее дому подъехала легковая машина. Из автомобиля вышел почтенный пожилой человек, который представился ей как иеромонах Стефан, служивший в храме во имя святого великомученика Пантелеимона в Кисловодске. Батюшка сказал, что приехал за иконой Божией Матери "Скоропослушница", которую мать Исидора должна передать в Пантелеимоновскую церковь. Изумленная

матушка проводила отца Стефана к иконе. Старец благоговейно поднял на руки тяжелый образ Владычицы, не выпускал его всю дорогу от Ессентуков до Кисловодска, затем один, без чьей-либо помощи, внес большую икону по высоким ступеням в храм и поставил справа от царских врат. Все недолгие дни оставшейся жизни старенькая монахиня Исидора проводила около любимого образа Царицы Небесной, плакала и просила Богородицу не оставить ее и после смерти[107].

В 1957 году в Ессентуках матушка Исидора скончалась. Люди очень почитали ее, храм во имя святителя Николая во время отпевания был полон. Отец Стефан приехал из Кисловодска, чтобы отпеть монахиню Исидору. Его служение оставило неизгладимое впечатление: старец словно обращался к матушке: "Подведен итог твоей жизни. Мы все с любовью тебя прощаем, надеемся на встречу и с любовью провожаем... До встречи"[108].

Схимонахиня Ангелина из Одессы была лечащим доктором схиигумена Кукши и близким его духовным чадом. Однажды, по благословению духовника, ей пришлось быть на Кавказе. В Кисловодске матушка посетила иеромонаха Стефана. Побеседовав с ним о своих духовных проблемах, она упомянула о том, что отец Кукша был ее старцем. Батюшка улыбнулся, словно услышал имя близкого друга. Вернувшись домой, мать Ангелина рассказала схиигумену Кукше о встрече с настоящим старцем. Услышав имя батюшки, отец Кукша ласково улыбнулся, как старинному другу. В тот момент матушка словно узнала одного праведника в другом. Впоследствии она вспоминала, что за свою жизнь увидела двух настоящих старцев — отца Кукшу и отца Стефана[109].



Иеромонах Стефан.
Начало 1960-х годов.

Иногда батюшка Стефан ездил отдохнуть к Евгении Павловне на Баксан. Его сопровождала Ирина Никитична, всегда с нетерпением ожидавшая эту поездку: она любила Евгению Павловну и отдыхала в неторопливых старческих беседах с ней. Дома же, в Кисловодске, она несла тяжелый подвиг служения посетителям отца Стефана.

Двоюродный внук старца вспоминал один из приездов дедушки. В 1964 году юноше исполнилось шестнадцать лет, он заканчивал девятый класс. Вот уже два года он самостоятельно приезжал в Кисловодск, чтобы пользоваться наставлениями батюшки. В тот день внук занимался уборкой, помогал бабушке мыть полы. Неожиданно мелькнула мысль: "Что, если бы теперь приехал дедушка? Как бы я его встретил? Рад был бы я ему или нет?" "Наверное, был бы рад",— размышлял он, припоминая добродушие старца.

Имея ясный, пытливый ум, мальчик много увлекался чтением, а по природной живости характера любил убежать куда-нибудь на природу, поэтому иногда уроки оставались в стороне. За плохие отметки дома, конечно, попадало. Дедушка Стефан, приезжая, обязательно просил его показать тетради. Со стыдом и неловкостью тот приносил свои записи. Батюшка неторопливо, внимательно листал одну страничку за другой и тихо успокаивал сконфуженного мальчика, приговаривая: "Так, так... ничего, ничего. Не переживай... Двойки и пятерки — отметки одинаковые..." Ласковый дедушкин голос певуче отгораживал от всех мирских горестей и забот. Радость внука была непередаваемой, его сердечко светилось благодарной любовью к единственному человеку, который не мучил упреками и понимал настоящую цену вещей.

Вспоминая отца Стефана, юноша, улыбаясь, радовался тому, какой замечательный был у него дедушка. Внезапно приятные раздумья прервал стук в калитку. Мальчик бросил тряпку в ведро, оставил работу и побежал открывать... Перед ним стоял светло-смеющийся батюшка Стефан. Мгновенный ответ на его размышления поразил юношу. От нахлынувшей радости он смутился, растерялся, закрыл калитку и собрался было быстрее бежать за бабушкой Евгенией Павловной. Дедушка, не выдержав, рассмеялся: "Ты подожди, подожди, что же ты меня на улице оставляешь? Во двор-то впусти!" Смешавшись окончательно, внук открыл калитку вновь и припустил на огороды за бабушкой.

В один из таких приездов на Баксан у старца случился сердечный приступ. Он тихо подозвал внука и попросил принести глины. Испуганный мальчик разволновался и, чтобы получше услужить любимому дедушке, набрал и притащил тяжелую кринку. "Куда так много!" — улыбнулся отец Стефан, взял ложечкой из горшка немножко глины, размешал в воде и выпил.

Протоиерей Трофим, настоятель церкви в Баксанской станице, почитал батюшку и всегда предлагал ему вести службу. Тот неизменно уклонялся со словами: "Что ты, что ты! Ты — настоятель, а я — гость!"— и служил только вторым, помогающим.

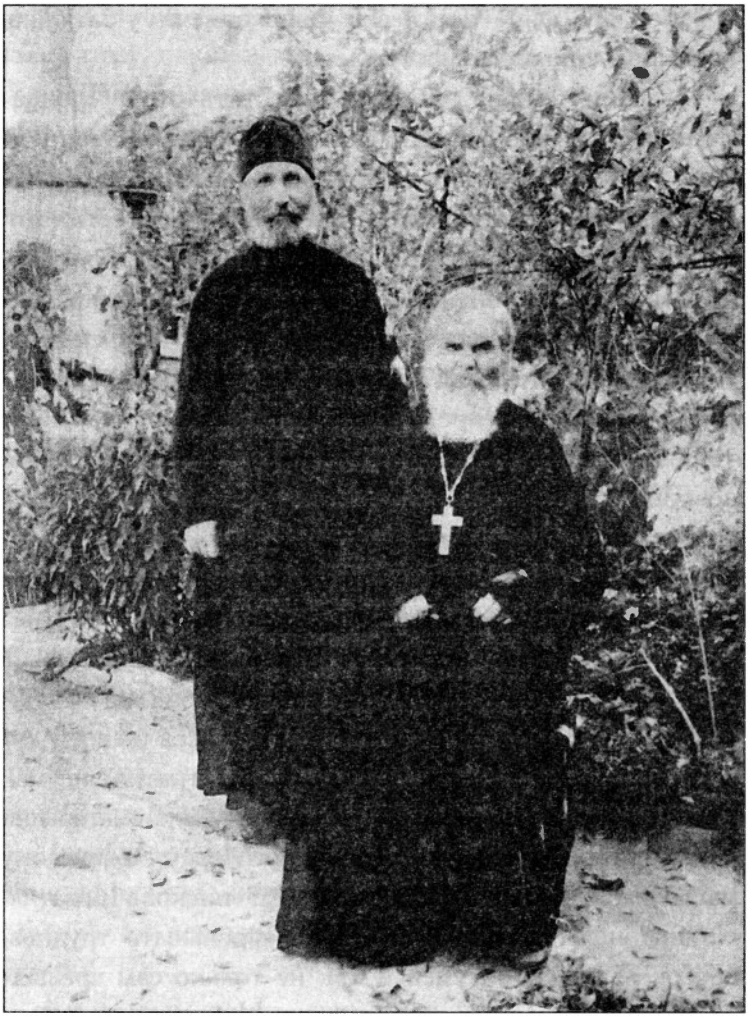
В Кисловодске старец постоянно принимал людей, чей поток был нескончаем, калитка не закрывалась. Кроме прихожан, отец Стефан, будучи духовником благочиния Кавминвод, исповедовал духовенство. За советом и наставлением к нему приезжали не только с Кавказа, но и из центральной, северной России. Архимандрит

Феодор из Троице-Сергиевой лавры отмечал у батюшки необыкновенный дар рассуждения.

Однажды старца приехали навестить отцы Троице-Сергиевой лавры: Кирилл, Дамиан и Рафаил. Отец Кирилл спросил у батюшки, что бы он хотел услышать. "Спойте Се Жених грядет в полунощи",— ответил тот. Отцы запели. Батюшка Стефан слушал это чудное, проникновенное песнопение в исполнении прекрасно слаженного трио и плакал о том, что угасла на Северном Кавказе монастырская жизнь, не звучит более ангельское монашеское пение.

Бывали у него архимандрит Матфей со своим другом, покойным игуменом Марком Лозинским. Старец много рассказывал отцу Матфею о творениях Игнатия Брянчанинова, и тот предложил другу взять в качестве темы кандидатской диссертации творчество епископа Игнатия, с произведениями которого в то время отец Марк не был знаком. Испросив благословение почитаемого им старца Стефана, который руководствовался в своей духовной жизни творениями святителя Игнатия, игумен Марк проделал огромную работу по сбору, систематизации и комментированию материала. Отцу Марку Лозинскому мы обязаны полным собранием писем епископа Игнатия. Семинаристы помогали ему расшифровывать трудный почерк владыки. Игумен Марк не только сам чрезвычайно увлекся наследием святителя Игнатия, но привил любовь к нему своим студентам, предлагая им темы для курсовых работ, связанные так или иначе с личностью Брянчанинова.

Архимандрит Наум беседовал с отцом Стефаном об Иисусовой молитве: старец имел непрестанную молитву.



Симеон Иудович (стоит) и иеромонах Стефан. Начало 1960-х годов.

В конце 1960-х годов внук батюшки Стефана учился в Московской духовной семинарии. Однажды друзья заметили нечаянно выпавшую из его молитвослова фотографию старца с Симеоном Иудовичем. Им давно хоте-

лось посетить настоящего духоносного отца, они стали теребить товарища, допытываясь, чья была у него фотография. Нехотя и в большом смущении ему пришлось признаться, что это был его дедушка. Друзья просили отвезти их к дедушке. Юноша был в сильном смятении, поскольку не смел везти кого-либо к отцу Стефану без особого благословения, но, с другой стороны, ему не хотелось огорчать братию. Писем дедушке он никогда не писал, но письмом попросил бабушку Евгению Павловну позволить провести с друзьями несколько дней на Баксане. Та охотно дала свое согласие и радушно приняла молодых людей.

Друзья много гуляли по окрестностям Баксанской станицы и однажды во время прогулки вздумали вброд переправиться через Баксан. Баксан — бурная, опасная горная река. Трое юношей пошли вброд, четвертый не умел плавать и остался на берегу. Оказалось, что местный проводник, Геннадий, спутал место брода, попал на опасный участок реки, не смог справиться с сильным течением и стал тонуть. Его двоюродный брат-семинарист бросился на выручку. В результате гостю, Георгию, пришлось спасать двоих от верной гибели.

После двухдневного отдыха в станице семинаристы все-таки решились ехать в Кисловодск к отцу Стефану. Внук старца, как ни старался, не мог скрыть глубокого волнения из-за того, что приходилось поступать без благословения батюшки, которого он свято чтил. Наконец, они добрались до беленького домика у

Кабан-горы. Благословив, старец строго укорил его: "Мы вас уже два дня ждем, пока вы там лазаете. Ты зачем повел братию на Баксан? Разве ты не знал, какой он коварный?"[110]

В 1967 году тяжело заболела старенькая преданная Ирина Никитична. Задолго до болезни она молилась о том, чтобы смерть была скорой, не желая стать обузой отцам. Вначале Ирина Никитична слегла, у нее отказали руки и ноги. Обнаружив паралич, ее помощница, Вера Константиновна, побежала к отцу Стефану. Батюшка благословил читать канон на исход души. Сразу после окончания канона Ирина Никитична скончалась[111]. Устройством похорон занимался Симеон Иудович, старец молился и почти не выходил из кельи. Ушел близкий по духу человек, и он не мог не скорбеть.

Ирина Никитична была простой, кроткой рабой Божией, с ангельским терпением и смирением. После кончины этой добрейшей послушницы хозяйство в доме перешло в руки Анны Степановны. Это была прямая противоположность Ирины Никитичны. Она была большой труженицей, отличалась справедливостью, но имела властный, жесткий, трудный характер. Анна Степановна преданно служила старцу Стефану, но в ее служении был заметен оттенок ревнивого отношения собственницы.

Жалея отца Стефана и опасаясь гонений со стороны властей, Анна Степановна с послушниками Иваном и Николаем старались, насколько было возможно,

уменьшить поток людей, препятствовали частым посещениям, вызывая этим множество огорчений и обид. Батюшка пригрозил сойти с квартиры, если они продолжат свою заботу о нем не по разуму. Всем приходившим, особенно приехавшим издалека, предлагалась трапеза.

По своему обыкновению, еще с семинарских лет, бывая в Кавминводах, отец Матфей непременно навещал старца. Он старался не обременять его длительными посещениями, но всегда получал духовную поддержку, укрепление в вере православной. В годы "хрущевской оттепели" это было самым важным. Времена были такие, что верующие писали в письмах своим близким: "Если будет тяжело, обратись за помощью к "Марии Акимовне", имея в виду молитвенное обращение к Пресвятой Богородице.

В 1968 году батюшка Матфей прилетел в Минводы и, как обычно, заехал к отцу Стефану. Старец спросил его о дальнейших планах и, помолчав, добавил: "Пора в схиму". Обдумав, отцы решили отложить великий постриг до возвращения отца Матфея в Москву. Батюшка Стефан попросил оставить имя. 2/15 августа 1968 года, в день памяти святого архидиакона и первомученика Стефана, отец Матфей постриг старца в великую схиму в честь первомученика. Поскольку батюшка Стефан ничего не делал по своей воле, можно предположить, что на постриг его, как и впоследствии Симеона Иудовича, благословил митрополит Зиновий (Мажуга)[112, 113].

Иеросхимонах Стефан. 1968 г.

Протоиерей Иоанн Мешалкин, старинный друг и в последнее время духовник старца Стефана, однажды приехал исповедовать его и полушутя пообещал, что батюшка проживет еще лет десять. Отец Стефан разволновался, расстроился, заплакал, что духовник благословил ему еще десять лет мучиться[114].

Во внешнем распорядке жизни иеросхимонах Стефан и его келейник Симеон Иудович старались следовать монастырскому укладу, принятому еще в Успенской обители.

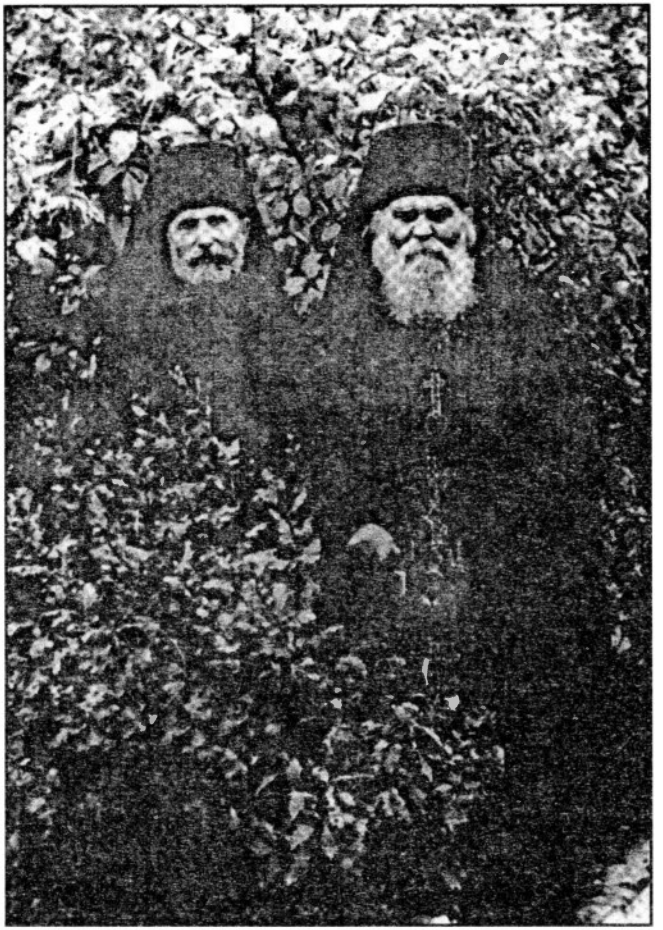
При встречах и проводах приходивших к нему людей у батюшки Стефана было обыкновение читать молитву "Достойно есть".

Летом поднимались в четыре часа утра, зимой — в пять. Потихоньку, по-стариковски умывались, одевались. Затем читали утренние молитвы, служили полунощницу. За полунощницей — первый, третий и шестой часы. Псалтирь и рядовые каноны читались неопустительно. У отца Стефана была сердечная недостаточность. Если бывало нехорошо с сердцем, послушник Иван заваривал ему кофе. После часов служили обедницу, на которой вычитывали рядовые Апостольские и Евангельские чтения, поминали живых и усопших.

Отслужив обедницу, отдыхали, причем если Симеон Иудович не был занят в храме, то читал жития рядовых святых.

В девять часов утра старец начинал принимать народ. Около десяти он завтракал вместе с посетителями. Батюшка был очень воздержан в пище и питии, соблюдал строгую меру. Анна Степановна рассказывала, что у него был особый столовый прибор.

Стол у отца Стефана был почти всегда постный. Любил иногда нежирное молоко. Вместо чая батюшка Стефан заваривал травы, особенно нравилась ему календула. Из первых блюд предпочитал борщ и очень любил вишневый компот. Гостей обязательно угощал шпротами, считая их лучше других консервов.



Иеросхимонах Стефан и монах Исаак (Симеон Иудович). 1968 г.

После завтрака, проходившего в молчании, отец Стефан продолжал принимать народ до обеда. Обедали около четырех часов вечера. После обеда служили девятый час с вечерней в пять часов вечера. За вечерней следовало повечерие, на котором читались каноны Божией Матери и рядовым святым. Акафистов во время повечерия не читали. Помолившись, отдыхали, занимаясь каким-нибудь рукоделием[115].

Батюшка прекрасно шил рясы, камилавки, обычную мужскую одежду. Так, он шил для послушника Ивана, нуждавшегося в одежде. Мать Сергия вспоминала: "Я так любила смотреть на все движения батюшки, они были необычайно гармоничны. Он никогда не спешил, все движения его были закончены, внутренняя гармония сквозила во внешней". Симеон Иудович резал по дереву, пробовал реставрировать иконы и был часовых дел мастером.

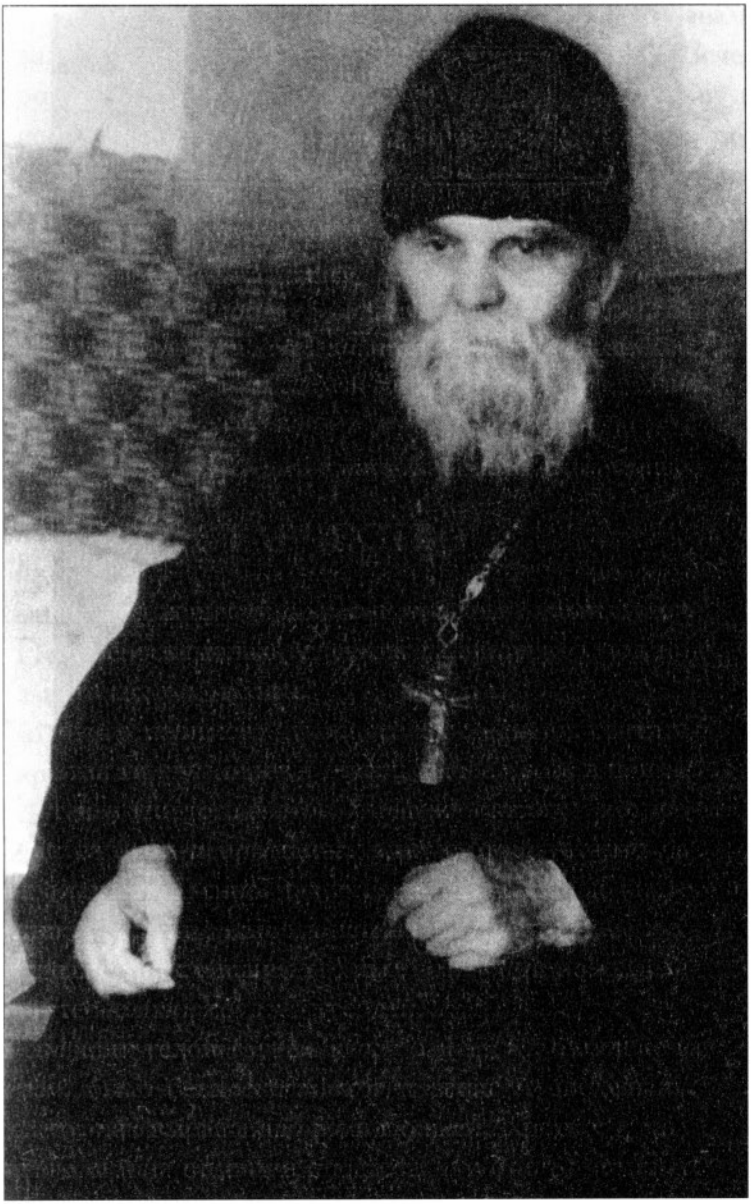
Иногда после вечернего правила старец оставался для беседы с людьми. В таких случаях вскоре из его кельи раздавался резкий стук. Вздыхая, отец Стефан говорил: "Пора идти! Семен стучит! Не знаю, кто из нас старец!"[116]

Не позднее десяти часов вечера отцы ложились. В келье было две кровати, для гостей ставились две раскладушки. Ночью батюшка на молитву не вставал, но от боли почти не спал, мучаясь из-за большой грыжи. Он скрывал свое заболевание и при обострении, если не в силах был удержать стон, жаловался то на головную, то на сердечную боль. В последний год, отвечая на вопрос, что у него болит, отец Стефан отвечал: "Ничего у меня не болит, просто тело в землю просится, все в нем отмирает"[117]. Перед кончиной он тяжело болел: из-за катара дыхательных путей ему трудно было говорить, болело сердце, не справлялись надорванные почки, томила грыжа, беспокоила печень, которую старец лечил аллохолом. Незадолго до кончины к старцу приехал из Ставрополя известный

юродивый Матфей, которого в просторечье звали Матюхой. Он зашел в комнату, забрался под кровать отца Стефана, улегся, сложив руки на груди крестом, и замер. Молча полежал некоторое время, молча встал и ушел[118].

Духовная дочь батюшки, Вера Николаевна Д., рассказывала, что он за три года предсказал время своей кончины. Однажды она зашла к старцу и увидела, что перед его кельей взволнованно о чем-то переговаривались обеспокоенные люди. Шепотом ей сказали, что у отца Стефана был тяжелый приступ, пришлось вызывать неотложную помощь. Опасались за его жизнь. Только на следующий день Вере позволили навестить духовника. Она не сумела скрыть свой испуг и огорчение, удержать слезы. Батюшка Стефан ласково улыбнулся и тихо сказал, что умрет "рано-рано весной". После этого каждое приближение весны заставляло Веру Николаевну мучительно переживать и готовиться к смерти отца. Но прошла первая весна, за ней пролетел год. Незаметно подошла вторая. Батюшка был все такой же слабенький, но радостный. Пролетел другой год[119].

К своей кончине отец Стефан относился очень покойно: навещая его, мать Сергия иногда заставала его с Симеоном Иудовичем за тем, что они рассматривали крест, приготовленный старцу на могилу. Казалось, он в любой момент был готов разрешиться от земных уз для долгожданной встречи со Христом[120].



Иеросхимонах Стефан. 1973 г.

Иеросхимонах Стефан. 1973 г.

Накануне кончины батюшки Стефана к нему зашла Е. И. Т. Он уже почти не говорил. Побыв немного у старца, Е. И. вышла из его келейки. Вслед за ней выбежал Симеон Иудович и попросил вернуться к батюшке. Иеросхимонах Стефан знаком попросил Симеона Иудовича приподнять себя, благословил девушку и одел на нее серебряный крест. Эта встреча оказалась прощальной[121].

Перед самим отходом батюшки в Вечность позвали знакомого врача, Нину Васильевну Думенову[122]. Вечером она нашла его в очень тяжелом состоянии и посоветовала не медлить, пригласить священника, пообещав зайти на следующий день. В ту ночь с отцом Стефаном ночевал архимандрит Савва из Пятигорска. В последний раз он причастил старца в полном сознании в восемь часов утра. В девять часов утра пришла Нина Васильевна. Она увидела, что приблизилась кончина, и предложила читать канон на исход души. Врач стала в изголовье, чтобы удобнее было наблюдать за умирающим. Батюшка Стефан тяжело дышал. Рядом с Ниной Васильевной встала Анна Степановна. Симеон Иудович начал читать канон. Все, кто находился в келье, встали на колени перед постелью отходившего старца со свечами в руках и с трепетом прислушивались к его дыханию. Перед окончанием чтения врач поднялась с колен. Едва завершился канон на исход души, иеросхимонах Стефан вздохнул в последний раз, и на выдохе из его уст исшел круглый, диаметром примерно три сантиметра, снопик света, состоявший из мелких золотистых лучей. Свет прошел над телом почившего до самых его ног и исчез[123]. В мире батюшка отошел в вечную жизнь в 10 часов 25 минут утра 31 января/13 февраля 1973 года, накануне праздника Сретения Господня. На следующий день, 14 февраля, пошел снег.

Протоиерей Иоанн (Мешалкин) приехал уже после смерти. Вместе с архимандритом Саввой он облачал тело покойного, готовил его к погребению. Лицо усопшего старца напоминало описания успения древних святых в патериках: это был светлый, словно восковой, прозрачно-прекрасный лик[124].

3/16 февраля 1973 года состоялись похороны иеросхимонаха Стефана (Игнатенко). Уже по-весеннему ярко светило кавказское солнышко, хотя снег еще не сошел. Отпевал батюшку благочинный Кавминвод протоиерей Стефан (Саланда) с собором духовенства.

После богослужения, прощаясь, народ прикладывался к Евангелию и руке усопшего старца. Руки батюшки были мягкими, словно у спящего человека.

Когда дул ветерок, был чуть слышен едва заметный запах тления. Гроб везли на кладбище в крытом катафалке, за которым шли люди по четыре человека в ряду. Народу было очень много, но все соблюдали благоговейную тишину и порядок. Собором пели "Святый Боже". Городское движение остановилось из-за огромного стечения людей[125].

В тот же день торжественно хоронили городского прокурора. Участники тех, вторых, похорон были поражены, многие пытались заглянуть в катафалк, чтобы узнать, кого могли так величественно провожать. Продавцы выбегали из-за прилавков с вопросом: "Это генерала хоронят?" Мать Сергия, горячий человек, не выдержала: "Да! Генерала! Только Божьего!"[126] На кладбище оказалось, что забыли взять табуретки, поэтому, пока послушники Иван и Николай готовили могилу-склеп, отцы служили панихиды, гроб попеременно держали на руках пятнадцать человек[127].

День похорон был пасхально-праздничный, чудесный. Под теплым солнышком в горах на проталинах нежно засветились голубые глаза подснежников. "Белый снег, голубые цветы и солнце — все переливалось неописуемой красотой". В первый день после погребения

Внук на могиле старца. Слева от него — Евгения Павловна. 1983 г.

духовные чада батюшки Стефана принесли ему в дар на могилу свежие подснежники. Положив небесный букетик на сырую землю, Вера Николаевна Д. вспомнила, как три года назад из уст отца Стефана услышала: "Я умру рано-рано весной"[128].

Великий старец, горящий духовный светильник, ушел в Вечность, чтобы там, у престола Божия, предстать в молитве за дорогих чад, за Святую Русскую землю. В молитве пламенной, неотступной, как некогда он неотступно предстоял Богу у этого престола на земле, в церковном алтаре.

Отче Стефане, моли Бога о нас, грешных!

Источники и примечания

1. Послужной список Д. И. Игнатенко (Стефана). 1953 г.: 25.10.1876 г.— архив Ставропольской епархии.

Протоиерей Иоанн Мешалкин, друг и в последние годы — духовник отца Стефана, свидетельствовал, что они с иеросхимонахом Стефаном были сверстниками, но в годы репрессий батюшка, как многие представители духовенства в то время, прибавил себе десять лет возраста, чтобы было меньше претензий со стороны властей, как к старому человеку.— Воспоминания игумена. 1995. Архив сост.

2. В конце XVIII века, ради укрепления русских границ, с Украины, из Астрахани переводились на Кавказ казачьи полки. Особенно заметным было переселение 1783—1784 годов казаков с семьями незадолго до основания последнего русского укрепления Владикавказ, ознаменовавшего окончательное владычество России над кавказским краем. После упразднения Екатеринославского казачьего войска на Днепре в 1796 году часть казаков была переведена в состав нового Вознесенского казачьего войска, которое так и не было создано. В 1801 году казаки упраздненного Екатеринославского и несостоявшегося Вознесенского войск были переведены на Кавказ. Не исключена возможность того, что название села Вознесенское связано с этим эпизодом.

Воспоминания епископа Алипия. 1996.— Архив сост.

Об истории кавказского казачества см.: В. А. Потто. Два века Терского казачества. 1577—1801. Т. 1, 2.— Владикавказ, 1912.— Ставрополь, 1991.

За справку об истории казачьих полков благодарю С. А. Гавриляченко, исторического живописца, проректора МГХИ им. В. И. Сурикова.

3. Одну из сестер иеросхимонаха Стефана звали Варварой, одного из братьев — Василием.— Воспоминания игумена.

4. Сергия (Клименко), монахиня. "Минувшее развертывает свиток...".— М., 1998. С. 31.

5. Воспоминания инокини Нимфодоры (Марии Ивановны Грачевой). 1995.— Архив сост.

6. Послужной список. 1953 г.: 1888 г.

"Минувшее...". С. 31.

7. Воспоминания игумена.

Воспоминания архимандрита Матфея. 1998.— Архив сост.

Послужной список. 1949 г.: по 1908 год занимался крестьянским трудом.

8. Иеросхимонах Герасим, в миру — Глеб Петрович Попов, родился 6/19 августа 1859 года в селе Рожкове Орловской губернии. Вскоре после рождения сына Поповы переехали на жительство в село Правокумское Новогригорьевского уезда Ставропольской губернии. В возрасте двадцати трех лет Глеб Попов пришел на Афонскую гору и был принят в число братии русского монастыря во имя святого Иоанна Предтечи при Хиландарской сербской обители настоятелем, иеромонахом Нафанаилом. В 1886 году отец Герасим был рукоположен в иеромонахи архиепископом Парфением и назначен наместником обители. По афонскому обычаю, после смерти старца Нафанаила, своего духовника, он унаследовал его монастырь и стал настоятелем. Живой, практичный, энергичный, он скоро привел монастырь в порядок. Число братии увеличилось настолько, что небольшой Предтеченский скит стал стеснителен. Старцы Хиландаря предложили отцу Герасиму восстановить полуразрушенную келию XIII века во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, некогда красивейшую обитель Афона.

Оставив в келии святого Иоанна Предтечи старых, немощных и чередных монахов для богослужения, настоятель вместе с братией перешел в 1896 году в Богословский монастырь. После напряженного, упорного труда обитель ожила, стала набирать силу. В мае, в день памяти апостола Иоанна, был торжественно освящен храм во имя

его.— Двадцатилетний юбилей настоятеля Второ-Афонского Успенского монастыря иеросхимонаха Герасима.— "Монастырь". 1908. № 5. Русская обитель святого Иоанна Богослова Хиландарского монастыря на Святой горе Афон.— "Монастырь". 1908. № 9.

9. Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е — Сергиев Посад, 1914.

Дневник настоятеля Сухумского кафедрального собора протоиерея Георгия Голубцова.— Российская церковь в годы революции 1917—1918.— М., 1995. С. 127.

В течение веков греки упорно утверждали свое старшинство и первенство в вопросах веры и церкви. Они полагали, что русские были неспособны к самостоятельной церковной жизни и нуждались в постоянных руководителях и учителях. Особенно тяжело это отразилось на русских монахах, насельниках афонских обителей. К 1870-м годам опека греческого монашества над русскими афонитами превратилась в тяжелый экономический и юридический гнет.

10. "Бештау" означает в переводе на русский язык "Пять гор". Родники и ключи, берущие начало на Бештау, питают источники Пятигорска и Железноводска. Гора Бештау перед наступлением дождей "одевает шляпу", закутываясь облачным плащом, и служит точным барометром местным жителям. В глубокой древности на ее вершине располагался главный лагерь скифов и сарматов, готов и аланов. Но задолго до них персы устроили на вершине купольный храм солнцепоклонников.— Е. П. Савельев. Храм солнцепоклонников на горе Бештау.— Записки Ростовского-на-Дону Общества истории древностей и природы. Т. 2.— Ростов-на-Дону, 1914. С. 337; А. Воскресенский. Второ-Афонский Успенский мужской монастырь близ г. Пятигорска. Путевые впечатления паломника.— "Владикавказские епарх. ведомости". 1906. № 4. С. 128.

— Поразительно, что там, где язычники-огнепоклонники молились природному Солнцу, Промысл Божий устроил через многие тысячелетия храм, где поклонялись Солнцу Правды — Христу.

11. Прошение отца Герасима даровать Второ-Афонскому монастырю права Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря Священный Синод оставил без удовлетворения.— ЦГИА. СПб. Ф. 796, оп. 190. 1 отд. Ст. 2а. 1909. С. 334.

12. 3/16 ноября 1904 года последовал Указ Священного Синода, а 25 ноября/8 декабря — Указ государя императора о разрешении уполномоченным пустыни во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова при Хиландарском монастыре на Афоне устроить около Пятигорска, на юго-западном склоне горы Бештау, мужской монастырь во имя святого благоверного князя Александра Невского в память почившего государя царя-миротворца Александра III в целях миссионерских.— "Церковные ведомости" 1904. № 8. ЦГИА. СПб. Ф. 796, оп. 186. № 560.

13. А. Павловский, Второ-Афонский Успенский монастырь на Кавказе.— Изд. 2-е. М., 1905.

14. Подворье начало свое существование в небольшом доме, пожертвованном монастырю помощником августейшего ктитора обители Дмитрием Павловичем Шишковым в 1905 году. В день памяти преподобного Серафима, 19 июля/1 августа 1908 года, на подворье была освящена маленькая домовая церковь во имя преп. Серафима.— Монастырское подворье Второ-Успенской обители в г. Пятигорске.— "Владикав. епарх. вед.". 1908. № 31, 32.

15. Послужной список. 1949.

Воспоминания игумена.

Воспоминания арх. Матфея.

16. Монастырь не имел никакой ограды, что впоследствии послужило причиной нареканий епархиального начальства.— ЦГИА. Ф. 796, оп. 190. № 334.

Более подробно об истории бытования Второ-Афонского монастыря см. издания:

А. Павловский. Второ-Афонский Успенский монастырь на Кавказе.— Изд. 2-е. М., 1905.

А. Воскресенский. Второ-Афонский Успенский общежительный мужской монастырь близ города Пятигорска. Путевые впечатления паломника.— "Владикав. епарх. ведомости". 1905, 1906.

Потапов Федор. Второ-Афонский Успенский общежительный мужской монастырь близ г. Пятигорска Терской области.— Пятигорск, 1912.

Алексей Воскресенский. Второ-Афонское всенощное бдение. Из путевых записок паломника.— "Владикав. епарх. вед.". 1908. № 29.

Обзор деятельности Второ-Афонского Успенского монастыря за время с 1904 по 1907 год.— Пятигорск, 1907.

В святом уголке (Второ-Афонский монастырь).— М., 1907.

17. А. Воскресенский. Второ-Афонское всенощное бдение.

18. Послужной список. 1949 г.

19. Епископ Антонин, в миру — Александр Грановский. Обновленческий "митрополит" Московский. Родился в 1865 г. Принял постриг в 1890 г. С 1914—1917 г.— епископ Владикавказский и Моздокский. Весной 1922 г. уклонился в обновленчество. Руководил собственной церковью — "Союзом церковного возрождения". Наиболее последовательный представитель обновленческой церкви. Еще в 1907 г. в проповеди заявил, что самодержавие есть исчадие сатаны. Скончался в Москве в 1927 г.— Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России. Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917—1943 г. Сборник в 2-х ч. Сост. М. Е. Губонин.— М., 1994. С. 904—905; Д. В. Поспеловский. Русская Православная Церковь в XX веке.— М., 1995. С. 89—92.

20. Освобожденный из-под ареста во время Февральской революции 1917 года бывший митрополит Петербургский Питирим был изгнан из Петрограда и надеялся найти покой во Второ-Афонском монастыре на Бештау. До служения в столице владыка занимал Владикавказскую и Моздокскую кафедру и был горячо любим своей паствой. Жить ему пришлось на подворье обители в Пятигорске в ужасающих условиях. Митрополит голодал и терпел множество унижений от распропагандированных и революционизированных насельников подворья. Дежурный иеромонах был бессилен помочь и, сострадая, мог только плакать вместе с владыкой.— Н. Д. Жевахов. Воспоминания товарища обер-прокурора Священного Синода. 2 т. Март 1917 — январь 1920 г.— М., 1993. С. 97—100.

21. Воспоминания игумена.

22. Никон (Рождественский), архиепископ. Мои дневники. Вып. IV. 1913.— Сергиев Посад, 1914. С. 188—194.

23. "Минувшее...". С. 11.

24. Воспоминания игумена. 1998.

25. Ставропольский архив. 1089. 515. Ф. 135. Оп. 72. Ст. 2. 1914. О жизни схимонаха Илариона.

"На горах Кавказа". Беседа двух старцев пустынников о внутреннем единении с Господом наших сердец через молитву Иисусу Христу, или Деятельность современных пустынников. Изд. 4-е, испр.— СПб., 1998. С. 901, 902.

Павел (Флоренский), священник. Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова с присоединением писем иеросхимонаха Германа Зосимовского...— Томск, 1998. С. 203.

Беседы схиархимандрита Оптинского скита старца Варсонофия с духовными детьми.— СПб., 1991. С. 58.

26. "На горах Кавказа" впервые издана в 1907 г. За пять лет выдержала три издания.

27. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне.— СПб., 10.— СПб., 1994. С. 663.

28. "Минувшее...". С. 7.

29. "На горах..."

"Богословские труды". 33.— М., 1997. С. 157.

30. "Богословские труды". С. 165—169.

31. Павел Флоренский. Переписка... С. 135—136.

32. Ставропольский архив. 515. Ф. 136.

33. А. Ильинская. Тайна старца Феодосия.— М., 1997. С. 50, 54.

34. Павел Флоренский. Переписка... С. 233—234.

35. А. Тахо-Годи. Лосев.— М., 1997. С. 108—116.

36. Там же.

И. Половнев. Страна Псху. Очерки.— Сухум, 1931. С. 63—75.

37. "Свете тихий". Жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского). Т. 1.— М., 1996. С. 315—316. "Чувствовалось, что афонские иноки в своем сердце давно уже произнесли суд не только над собравшимися здесь иерархами, но, как впоследствии оказалось, и над самим Святейшим Синодом".

38. Воспоминания монахини Игнатии (Валентины Ильиничны Пузик), автора жизнеописания старца Игнатия (Лебедева): "Монашество последних времен".— М., 1998.

39. "Минувшее...". С. 10.

40. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Аскетические опыты. Т. 1.— М., 1993. С. 229.

41. Никон (Рождественский), архиепископ. Меч обоюдоострый.— СПб., 1995. С. 202.

42. Святитель Игнатий. Т. 2. Аскетические опыты. С. 214—215, 235, 242, 243, 252.

43. То же.

Епископ Арсений (Жадановский). Аскетические советы. Духовный дневник.— М., 1997. С. 199—201.

44. Никон (Воробьев), игумен. Нам оставлено покаяние. Письма.— М., 1997. С. 104.

45. Никон (Рождественский). Меч... С. 138—141, 152.

46. "Минувшее...". С. 7.

47. Псху: горная область Абхазии в верховьях реки Бзыбь. Здесь важное соединение-перекрестье горных троп. Труднодоступное ущелье связано с внешним миром лишь несколькими тропами через Главный Кавказский хребет. Зимой переходы непроходимы из-за глубоких снегов. Долина Псху издавна была своеобразной абхазской вольницей. В народной памяти сохранилась память о некогда почитавшейся на Псху древнехристианской святыне и месте, где чтилось место древнехристианского храма.— "К свету". 16. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь.— М., 1997. С. 112. За справку по истории Псху благодарю историка Д. К. Чачхалиа. За справку о географическом местоположении благодарю Н. Д. Бондарева.

Цебельда: горная область Абхазии в среднем течении реки Кодор. Древняя вольница с независимым населением. Так же труднодоступна, как Псху. Правители Цебельды происходили из древнего княжеского рода Амарцан. Сохранились руины древнего христианского храма.— За историческую справку благодарю Д. К. Чачхалиа.

48. В. Свенцицкий. Граждане неба. Мое путешествие к пустынникам Кавказских гор.— СПб., 1994.

49. Воспоминания игумена.

50. Архимандрит Арсений (Корди). Письма к А. С. Мамонтовой 1926—1927 г.— Архив С. Н. Чернышева, которому приношу благодарность за любезно предоставленные материалы.

51. Воспоминания Веры Николаевны Доценко. 1991. Из архива сост.

52. Д. В. Поспеловский. Ук. соч. С. 62—82.

53. Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. 1870-е гг. Рукопись.— РПБ. СПб. Ф. 1000, оп. 2. № 531.

54. "Минувшее...". С. 31—33, 50—53, 117, 118.

55. Крестные ходы в монастырь стали традиционными со времени его основания, так же как и крестные ходы из монастыря. Они устраивались с миссионерскими целями. Самый замечательный многодневный крестный ход во Владикавказ состоялся в 1910 г. Современники описывали его, как необыкновенное событие, как торжество православной веры. Огромная радостная живая лента празднично одетых казаков и казачек, яркие знамена и хоругви, горящие на солнце кресты представляли собой чудесное зрелище. Каждая станица встречала громаду крестного хода своим, малым ходом. "Православный русский народ при все приближающемся к станице крестном ходе слился в одно величественное тело с одной пламенной верой и молитвой".— Шествование крестного хода из Пятигорского, что на Бештау, монастыря в г. Владикавказ.— "Владикав. епарх. вед.". 1910. № 7, 10—15.

56. "Минувшее...". С. 56

57. Воспоминания прот. Иоанна (Шандрикова). 1997.— Архив сост.

58. "Минувшее...". С. 55—56.

59. Воспоминания игумена.

Воспоминания арх. Матфея.

60. "Минувшее...". С. 85—94.

61. Там же. С. 56.

62. Воспоминания игумена.

63. "Минувшее...". С. 56.

64. Три встречи.— М., 1997. С. 245, 435, 529—530.

Воспоминания игумена.

65. Воспоминания епископа Алипия.

Воспоминания инокини Нимфодоры.

Послужной список. 1949 г.: "По болезни выбыл в Тбилиси на иждивение племянника в 1926 году".

66. Воспоминания протоиерея Филиппа (Устименко). 1998.

67. Воспоминания арх. Матфея.

68. Воспоминания игумена.

69. Воспоминания схиархимандрита Гурия. 1997.

Воспоминания монахини Андроники (Матроны Ивановны Пискаревой). 1997.

70. Воспоминания игумена.

71. Там же.

72. В. Цыпин. История Русской Православной Церкви. 1917—1990.— М., 1994. С. 91.

73. "Кавказская здравница". № 147. 29.08.92.— В. Танасьев. Второ-Афонский общежительный монастырь.

74. Воспоминания К. С. Родионова. 1892—1991.— Вестник РХД. 164. 1992 г.

И. Половнев. Страна Псху.

"К свету". 16. С. 112.

75. Воспоминания игумена.

76. Воспоминания Ивана Михайловича Тарасова, послушника отца Стефана. 1995.— Архив сост.

77. "Минувшее..." С. 90.

78. Воспоминания В. Д. Лиорко-Пришвиной. Рукопись. С. 483—484.— Благодарю Л. А. Рязанову за любезно предоставленный материал.

79. 29 июля 1927 г. митрополит Сергий Страгородский после ареста ста шестнадцати из ста шестидесяти епископов пошел на уступки Советской власти и опубликовал "Послание", более известное, как "Декларация". Он писал: "Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи". Для карательных органов власти "Декларация" стала мерилом, по которому определяли людей, лояльных по отношению к Советам, и контрреволюционеров. Был найден удобный предлог для массовых арестов, поскольку наиболее традиционные представители духовенства встали в резкую оппозицию к митрополиту Сергию. Архиепископ Иларион (Троицкий) считал: "Вызвавшее многообразные и вполне заслуженные отрицательные критики посла-

ние митрополита Сергия и его Синода не бросило ли возглавляемую им церковную организацию в омерзительные, прелюбодейные объятия атеистической, богохульной и христоборной (антихристовой) власти и не внесло ли страшное нечестие в недра нашей церкви?" — Акты свят. Тихона... С. 509.

80. Акты свят. Тихона... С. 524.

81. В. Цыпин. История... С. 91—109.

Д. В. Поспеловский. Ук. соч. С. 157—182.

82. Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 2-я. Тверь, 1996. С. 15, 477.

83. Воспоминания игумена.

Послужной список. 1949: "С переездом племянника в г. Орджоникидзе переехал с ним в 1937 г."

Письма старца Стефана.

84. По страницам православной прессы.

85. Воспоминания игумена.

86. Воспоминания арх. Матфея.

87. Письма...

88. Воспоминания игумена.

89. Воспоминания матушки Раисы Знаменской. 1995.— Архив сост.

90. "Минувшее...". С. 60.

91. Послужной список. 1953.

92. Воспоминания арх. Матфея.

93. Воспоминания протоиерея Филиппа. 1996.

94. Д. В. Поспеловский. С. 280—313.

95. Воспоминания игумена.

Послужной список. 1953.

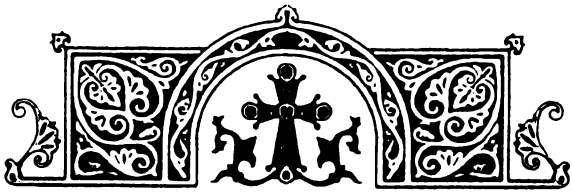
96. Воспоминания игумена.

97. Воспоминания монахини Надежды (Веры Петровны Бородиновой). 1997.— Архив сост.

98. Послушники отца Стефана: Ваня (Иван Михайлович Тарасов) и Коля (иерей Николай Финев). Воспоминания матушки Сергии. 1991—1994.— Архив сост.

99. Воспоминания арх. Матфея.

100. Воспоминания матушки Сергии.— Архив сост.
101. Воспоминания арх. Матфея.
102. Воспоминания митрополита Гедеона. 1997.— Архив сост.
103. Воспоминания арх. Матфея.
104. Там же.
105. Воспоминания И. М. Тарасова.
106. А. Павловский. Ук. соч.
107. Воспоминания И. М. Тарасова.
108. Воспоминания арх. Матфея.
109. Воспоминания послушника Олега. 1998.
110. Воспоминания игумена.
111. Воспоминания Веры Павловны Брюховецкой. 1995.— Архив сост.
112. Воспоминания арх. Матфея.
113. Воспоминания игумена.
114. Воспоминания Х.
115. "Минувшее...". С. 58.
116. Там же.
117. Воспоминания епископа Алипия и игумена.
118. Воспоминания иерея Николая Финева. 1995.— Архив сост.
119. Воспоминания В. Н. Доценко.
120. "Минувшее...". С. 59.
121. Воспоминания Е. И. Т. 1997.— Архив сост.
122. Воспоминания Нины Васильевны Думеновой. 1991—1995.— Архив сост.
123. Там же.
124. Воспоминания игумена.
125. Воспоминания Х.
126. "Минувшее...". С. 64.
127. Воспоминания игумена.
128. Воспоминания В. Н. Доценко.



Они находились в непрестанной духовной беседе: то беседовали молитвою с Богом, то беседовали от лица Божия с человеками. В той или другой беседе действовал один и тот же Святой Дух.

Епископ Игнатий Брянчанинов

СТАРЧЕСТВО

Словно под защитой орлиных крыльев, жили духовные чада иеросхимонаха Стефана (Игнатенко) под покровом его святых молитв.

По совету любимого духовного собеседника, святителя Игнатия Брянчанинова, старец выбрал себе в пример своего тезоименитого святого Стефана Нового, "которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливы, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынническое; послушание его было безропотливое, делание — терпеливо, труд — усерден"[1].

Основным условием тех, кто обращался к батюшке за советом, было беспрекословное доверие и послушание его слову, как выражению воли Божией. Кроткого, молчаливого старца отличала простота, строгость, истинная скромность и смиренное покорение своей воли воле ближнего. Обычно он только предупреждал о нежела-

тельности предполагавшегося поступка или действия, но, за редким исключением, никогда не настаивал на своем мнении, не навязывал его. Если вопрошавший упорствовал в своем желании, отец Стефан уступал ему, предоставляя совершать свою волю. Сказанное им однажды непременно сбывалось, даже по истечении многих лет. Драгоценный дар рассуждения, утвержденный на творениях святых отцов, помогал старцу прикрывать дар ведения сердец и судеб человеческих. Просто и мудро он разрешал самые сложные проблемы и ситуации. Рассудительность касалась не только духовных, но и самых обыденных человеческих проблем.

Сердце человеческое было прозрачно для батюшки со всеми его радостями и горестями. Глаза исполнялись такого глубокого сострадания, такой всепрощающей и всеобъемлющей любви, что души сами раскрывались ему навстречу и невольно у посетителя лились слезы.

Иван Михайлович Т. дал отцу Стефану трогательно-точную характеристику: "Это был умно-ласковый старец"[2].

В основе отношения иеросхимонаха Стефана к людям была милость и любовь Христова. Однако вместе с милующей любовью, снисходительностью к человеческим немощам, кротостью батюшке была присуща строгость.

Его влияние на человеческую душу было удивительным: истинным веянием Святого Духа. Одна из жительниц Владикавказа говорила, что ее брат приходил от отца Стефана "бархатным"[3].

Особенностью старческого руководства батюшки Стефана владыка Алипий считает его сокровенность, происходившую от глубочайшего смирения. Он никогда ничего не говорил от себя, но отвечал на вопросы, опира-

Иеросхимонах Стефан с отцом Алипием
и внуком. 1973 год.

ясь на мнение святых отцов. Батюшка никогда не настаивал на своем совете, чувствуя упорное сопротивление, говорил: "Да будет Ваша святая воля!"

Владыка, вспоминая, называет старца Стефана одним из древних отцов, представителем созерцательного направления в монашестве. Батюшка был творцом умносердечной молитвы и имел редкостный, драгоценный дар внутреннего плача.

Дивное зрелище представлялось отцу Алипию, когда он видел, что у батюшки все трепетало внутри и он весь содрогался от внутренних рыданий. Мудрые старческие глаза светились небесной радостью, а по щекам текли слезы. От внутреннего молитвенного горения лицо то бледнело, то покрывалось румянцем. При необыкновенном смирении отец Стефан не мог вполне скрыть своей глубинной, исполненной Святого Духа, сокровенной жизни[4].

"Батюшка Стефан относился к людям непередаваемым: ни фотографии, ни описания словесные не могут заменить беседу с ним. Передать его исповеди, беседы я не могу. Все это будет не то. Один Бог знает, как излагать слова своих избранников... Эту простоту и благоговение... Я недостойна для этого: мудрость и простота! Надо было видеть и слышать его лично!" — вспоминала матушка Сергия[5].

Так же, как монахиня Сергия Клименко, Е. И. Т. особо отмечала, что никакие изображения не могут передать солнечный образ старца. Его светлый лик лучился нежной, сострадающей и радостной полуулыбкой. Широко открытые глаза озаряли собеседника теплом живого сочувствия к его горю. Ничье сердце не могло устоять перед милующей любовью "дедушки Стефана"[6].

Ныне митрофорный протоиерей Вячеслав в начале 1950-х годов служил алтарником в храме.

Иеросхимонах Стефан навсегда определил для мальчика идеальный образ русского православного старца. Батюшка излучал доброту, умиротворенность, душевный покой. Он был совсем особенным человеком.

Скромность, смиренная незаметность для окружающих отличала его. Часто приходилось старцу утешать горячего, вспыльчивого юного алтарника. Бывало, батюшка незаметно приласкает Славу, положит ему на голову свою добрую руку, подморгнет с улыбкой и тихо скажет: "Смирись, потерпи, послушай". Любовь отца Стефана умягчала любое огорчение и растапливала все обиды.

Ниоткуда по отношению к нему невозможно было представить ни малейшей злобы или раздражения. Даже, казалось бы, у явных недоброжелателей, представителей власти, приходивших к нему с обысками, он не вызывал гнева. Настолько старец покрывал всех тихостью

Христовой, покорял кротостью[7]. Его образ духовный более всего созвучен с образом любимого ученика Господа Иисуса Христа, святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, любовь которого умягчала сердца самых лютых врагов настолько, что он был единственным апостолом, не принявшим мученическую кончину. Не случайно именно апостол Иоанн был одним из самых близких ему святых[8].

Иеросхимонах Стефан внешне отличался особой аккуратностью. Он всегда был подтянут, опрятно одет, причесан. В нем чувствовалась глубокая внутренняя культура, врожденное благородство манер. Батюшка носил синюю фетровую шляпу, синий плащ, ходил с тросточкой. Будучи из простого казачьего сословия, он выглядел очень интеллигентно, изящно. Вместо подрясника старец носил серый балахончик, который сворачивал и прятал под пальто.

Дома отец Стефан любил одевать скромные жакеточку и шляпу коричневого цвета[9].

Особенно запоминались красивые, густые, тяжелые волосы, посеребренные сединой, которые батюшка туго подбирал. Удивительное было у него лицо. Оно сияло благодатью. Лик ангела. Кожа словно восковая, бледновато-желтая — монашеская бледность. Несказанная, неземная, небесной чистоты и ласковости полуулыбка и внутренняя тишина озаряли его[10].

Две складочки прорезали его полные, скуластые, нежно окрашенные румянцем щеки, на которых, несмотря на преклонный возраст, не было морщин. Весь облик батюшки говорил о внутренней тишине и мерности. Его лицо особенно поражало отца Алипия: величаво-спокойный, строгий и вместе кроткий лик святого[11].

Матушка Надежда (Вера Петровна Бородинова) характеризует старца, как образ смирения и голубиной, нежной кротости. Его лик святого угодника или блаженного был исполнен мира и внутреннего тихого покоя. Его невозможно даже вообразить раздраженным, гневливым, настолько он всегда был сдержан и невозмутим. Его внешний облик отмечала печать высокой культуры.

Старец Стефан творил много милостыни, но старался делать это тайно. Он был крайне скрыт от внешних. Большинство людей не понимали его высоты. Просто принимали его, как милого старого дедушку, к которому тем не менее чувствовали невольное почтение. Благодать Божия таинственно покрывала его, сокрывая от внешних. Но и для самого батюшки была характерна личная скромность, кротость, внутренняя тишина. Это помогало легко избегать внешних претензий со стороны недоброжелательно настроенных людей, но одновременно предохраняло старца от тяготы чрезмерного почитания, а значит, от соблазна тщеславия.

В день своих именин он старался скрыться из города, часто уезжал к родным на Баксан. Советов, наставлений и замечаний своих батюшка не повторял, никогда не настаивая на своем. На заданный вопрос отвечал после долгого-долгого молчания кратко, немногословно[12].

Никогда, ничем старец не выказывал себя, не открывал своих дарований. Иван Михайлович Т. называет его отцом последних времен, покрытых смирением.

Монахиня Сергия укоряла келейников батюшки в том, что, пробыв много лет рядом с иеросхимонахом Стефаном, они не унаследовали главного — его необычайного смирения[13].

Доверие и послушание слову отца Стефана было так велико, что не возникало никаких сомнений или беспокойств. По его благословению, дела устраивались сами собой. После встречи с батюшкой летели, как на крыльях.

Будучи сам смиренным и сокровенным, старец советовал так же вести себя и другим: девушкам-студенткам из Владикавказа он не благословил как-либо оказывать себя, выделяться и выпячивать напоказ свое благочестие.

Однажды к нему из Троице-Сергиевой лавры приехал архимандрит Феодор с его внуком. У отца Феодора подрясник был подвернут под плащ, юноша же носил подрясник навыпуск. Отец Стефан сделал внуку замечание: "А ты зачем так ходишь?" С одной стороны, он смирил младшего перед старшим, чтобы не было превозношения, с другой — действительно, 1960-е годы были опасным временем для церкви. В Баксане в тот раз их остановили представители власти, мусульмане, требовали документы. Внук объяснил, что приехал к себе на родину. За молитвы дедушки все обошлось[14].

У старца был прекрасный голос и абсолютный слух. С помощью скрипки он проверял голоса певчих.

Смеялся батюшка закатистым, невинным, чистым смехом. Он по-детски заливался, захлебывался и долго не мог остановиться. Особенно умел его рассмешить артистичный и остроумный отец Алипий, знавший массу забавных украинских историй. Так же открыто, как он радовался, отец Стефан плакал. Слезы неиссякаемым потоком текли по щекам, скользили по аккуратно расчесанной седой бороде. Отец Алипий удивлялся тому, какой чудесный был дедушка, насколько прозрачно и чисто было его сердце.

Старец был крайне немногословен, больше молчал, лишь изредка делая замечания. Из него невозможно было вытянуть лишнее слово.

Батюшка давал человеку общее направление его жизни, никогда не навязывая своего желания, своей воле он всегда предпочитал волю ближнего. Однако он имел при этом свое, твердое убеждение и внутреннее глубокое направление, всегда стоял в истине. Свои собственные духовные дарования он скрывал. Однажды внук спросил, какую степень Иисусовой молитвы стяжал дедушка. "Никакой",— тихо и протяжно ответил ему старец.

Сослуживший с отцом Стефаном протоиерей Сергий (Лиманов) отмечал, что впечатление от службы со старцем оставалось, как от службы со святым. Если ему хотелось представить образ святого человека, он вспоминал отца Стефана. Он так благоговейно осенял себя крестным знамением, так глубоко клал поклоны, такой был исполнен внутренней тишины и собранности, что нельзя было не почувствовать его предстояния перед Богом Живым[15].

В великие праздники — на Пасху, на Рождество Христово отец Стефан принимал народ и обязательно старался со всеми приходившими побыть за столом. Вначале разговлялись священники, и батюшка неизменно садился сбоку, уступая первое место старшим по чину гостям[16].

Несмотря на то, что отец Стефан ел очень немного, он никак не показывал своего воздержания, не капризничал, кушал все, что подавали[17].

Он старался никому не быть в тягость: сам чистил печь, готовил дрова, пока был в состоянии. Советовал не обременять себя лишней заботой и обходиться теми продуктами и средствами, которые были в доме.

Отец Стефан всегда, во всех обстоятельствах, был ровен, спокоен и невозмутим. Мать Сергия запомнила только один случай, когда он пришел в негодование. Батюшка услышал после утреннего правила в четыре часа утра праздный разговор Симеона Иудовича: "Ведь Вы все потеряете! Можно ли после молитвы столько говорить!" Будучи внимательным, заботливым по отношению к другим, старец старался никогда никого не утруждать, "и все у него получалось тихо, организованно, без малейшей суетливости. Главное в его беседах было духовное рассуждение, основанное на писаниях святых отцов". Особенно он любил и ценил творения епископа Игнатия Брянчанинова. Мудрость сочеталась в нем с необыкновенной красотой.

Отец Стефан всегда был сдержан, собран, тактичен. После смерти схиигумена Пафнутия, своего близкого друга, в Ново-Пятигорске, он молча, тихо плакал о нем. Услышав громкие рыдания Анны Степановны, ухаживавшей за отцом Пафнутием, он просто и строго сказал: "Нет! Нет! Плакать не время. Люди голодные пришли, их кормить надо"[18].

Желая помочь любимому старчику, прихожане приносили ему массу самых разных лекарств. Из деликатности батюшка принимал все с любовью, благодарил за заботу, но ничего не употреблял и шутил, что, если бы они с Семеном выпили те горы лекарств, которые у них были,— давно бы умерли. Впрочем, по настойчивым требованиям заботливых духовных чад, старец время от времени употреблял какие-либо легкие средства, например активированный уголь, аллохол[19].

Тактично и мягко он указывал людям на неуместность, нескромность их поведения. Когда Анна Степановна бесцеремонно вмешивалась в беседу старца с посе-

тителями, он не обрывал ее, не делал резких замечаний, но время от времени шутливо приговаривал: "Анна, вари борщи!"[20]

Старец творил много добра, щедро помогая нуждавшимся в трудные 1950—1960-е годы.

Видя болезненность и крайнюю бедность обремененного большой семьей отца Петра, батюшка часто помогал ему материально — то деньгами, то предлагая в подарок необходимые вещи, например подарил пальто [21].

В один из приходов к отцу Стефану за благословением О. И. получила нечаянный подарок — новое одеяло. Возвращаясь домой, она удивлялась, откуда батюшка мог узнать, что она, в самом деле очень нуждалась именно в одеяле, поскольку ее собственное крайне обветшало. Старец Стефан творил много тайной милости, жертвуя деньги, вещи, книги [22].

Любушка жила более чем скромно, часто нуждалась. Однажды, попав в очередной раз в стесненные обстоятельства, она размышляла, допустимо ли было попросить у батюшки немного денег, но не посмела. Отец Стефан при встрече сам предложил ей взять, сколько было необходимо, но девушка все-таки стеснялась. На следующий день она шла на работу, и несколько раз внутренний голос заставлял ее сворачивать с дороги. На каждом повороте она находила несколько денежных купюр. Найденная сумма ее поддержала, и она была уверена, что это произошло по молитве батюшки Стефана[23].

Елена Ивановна В. любила бывать в "красной" Пантелеимоновской церкви. Там она исповедовалась у иеросхимонаха Стефана и часто приходила на беседу к нему домой вместе с маленькой внучкой Леночкой. Ста-

рец ласково шутил: "Вот, пришли Лена большая и Лена маленькая". Он никогда никого не отпускал, особенно детей, без утешения, дарил конфеты, орешки, платочки, благословлял иконочками, книгами. До сих пор у его духовных чад сохраняются эмалированные кружки с дарственными надписями, данные им в благословение[24].

Мысль о том, чтобы духовным чадам иеросхимонаха Стефана дарить на память о нем чашки, кружки с благословением старца, пришла в голову Анне Степановне, когда батюшка уже не вставал с постели. Однажды его спросили: "Если что смертное выпьешь из этой кружечки, не повредит?" "Не повредит",— тихо ответил старец [25].

Постоянно отец Стефан передавал крупные суммы денег в монастыри на поминовение близких усопших.

На вопрос о том, как нужно относиться к просьбе помолиться, если в благодарность за молитву жертвуют что-либо, батюшка отвечал, что жертву следует принимать, чтобы не проснулась гордость.

Приехав в Кисловодск, отец Алипий с другом пошли помолиться в местную церковь. Пришли задолго до начала службы и устроились ждать на скамеечке в храме. К юношам подошла старенькая прихожанка и подала малую милостыню, около двадцати копеек. Они отказались и предложили ей отдать деньги нищим. Когда друзья вернулись после службы домой, отец Стефан сделал им замечание, сказав, что, не приняв жертву старушки, они проявили гордость. Батюшка объяснил, что следует принять милостыню с благодарностью, помолиться, и если есть необходимость — употребить, если нет — отдать нуждающимся. До сих пор владыка Алипий руководствуется живым словом старца[26].

Е. И. Т. запомнила отца Стефана, как носителя любви Христовой. Его отличала необыкновенная чуткость и тактичность. Уже совсем больной, батюшка по стеночке едва выходил из своей кельи, понимая, что затравленная тяжелыми взаимоотношениями в семье, нервная девочка не смогла бы открыться при его келейнике Симеоне Иудовиче. Е. приходила к старцу раздавленная, на грани самоубийства. Он брал на себя ее тяжелое детское горе и отпускал просветленную, любящую, радостную.

Господь даровал ему слезы.

Однажды Е. рассказала батюшке Стефану о том, каким издевательствам подвергались маленькие дети в детском доме, где ей довелось побывать. Воспитатели не давали им пить в летний зной, чтобы ребятишки меньше просились в уборную. Когда девушка описывала потрескавшиеся губки двух-трехлетних малышей, старец рыдал в голос, захлебываясь от слез.

В Кисловодске жила замечательная супружеская пара, Михайловы. В тяжелую минуту они спасли семью Е. И. Т. от отчаяния, приняли их у себя дома и поддержали материально. Впоследствии, устроившись, Е. И. Т. часто навещала их с мамой. Дядя девушки, случайно узнав о том, что хозяйка верила в переселение душ, категорически запретил сестре и племяннице бывать у Михайловых. Его близкие страдали от вынужденного неблагодарного отношения к чудесным людям, которым были много обязаны. Отец Стефан, напротив, не позволил бросать людей, которые так поддержали Е. И. с мамой в трудную минуту.

Сохраняя обычай Успенского монастыря, старец обязательно приглашал к себе духовных чад после Пасхи за праздничный стол. Невзирая на немощь, он радостно

встречал гостей. Однажды батюшка не смог удержать слезы умиления. Заметив это, Е. Т. расплакалась. Одна из посетительниц сделала девочке резкое замечание. Отец Стефан долго и печально смотрел на блюстительницу устава. Что видел он в ее судьбе?[27]

Милующее, нежное сердце батюшки сострадало не только человеку, но и всей Божией твари. Он любил цветы, жалел животных, но не допускал чрезмерной привязанности к ним, болезненно-пристрастного отношения.

Однажды любимицу Веры Николаевны, маленькую дворовую собачку, искусал огромный пес. От потери крови собака погибала. Всеми средствами хозяйка пыталась ее спасти. Как-то раз, вечером, заплакав от жалости, Вера захотела осенить песика крестным знамением, но что-то ощутимо помешало ей это сделать. Удивленная и испуганная, наутро она рассказала старцу о странном происшествии. Он строго запретил ей впредь делать подобное, объясняя, что любовь к животным должна иметь меру, что очеловечивать их нельзя и грешно[28].

Перед входом в келью старца, в углу небольшой прихожей, отец Алипий с изумлением заметил большой лесной муравейник с настоящими красными лесными муравьями. После легкого завтрака отец Стефан спросил своего келейника, Симеона Иудовича: "Семен! Ты муравьев кормил?" — "Нет, батюшка, забыл". Взяв щипчики, Симеон Иудович наколол сахар мелкими кусочками, смел крошки и высыпал все на муравьиную кучу. Пораженный молодой человек наблюдал, как деловито сновали муравьи, пристраивая в своем сложном хозяйстве предложенное им угощение. Обычно эти насекомые доставляют много хлопот, но,

по замечанию владыки Алипия, они никогда ничем не беспокоили старца[29].

Евгения Павловна, гостившая у брата, хотела было смести их веником и разорить их жилище, но батюшка тихо ее остановил: "Нет-нет, не надо — это мое стадо"[30].

С благоговейной любовью батюшка относился к творению Божию, любовался горением звезд, цветов, плетением трав [31].

Так, с великой любовью относился отец Стефан ко всякому творению Божию. Тем более по-отечески заботливо он оберегал человеческие души от греховной заразы.

Удивительными были терпение, безропотность и полная покорность отца Стефана Промыслу Божию.

Преданность старца воле Божией была абсолютной, неколебимой. Ей невольно покорялись окружавшие его люди. Приехав в первый раз к батюшке, отец Алипий сразу стал теребить его внука, своего близкого друга, беспокоясь, что они опоздают купить обратные билеты. Беспокойство было вполне основательное, поскольку они прибыли в Кисловодск в разгар курортного сезона и транспорт был перегружен. Друг успокаивал его, говоря, что все в доме происходило по молитвам батюшки, и отказался входить в какие-то хлопоты. Отец Алипий был смущен: его озадачила подобная видимая беспечность. По прошествии некоторого времени старец Стефан сам назначил день и время отъезда, указал, как лучше было добираться. Семинаристы точно следовали советам батюшки, благополучно доехали до Минвод, откуда неожиданно легко улетели в Москву [32].

Батюшка учил полностью покоряться воле Божией: если невозможно было человеческими средст-

вами избежать скорби — следовало принять ее, как попущение или волю Божию. Скорбь или огорчение от людей, претерпеваемые за доброе дело,— знак того, что это добро угодно Богу, а угождение Богу — это радость[33].

Старец Стефан обладал редкостным, исключительно высоким духовным даром рассуждения. "Всякому деланию должно предшествовать рассуждение: без рассуждения и благое дело обращается во злое по безвременности и неумеренности. Когда же рассуждением определятся время и место благому, тогда бывает чудный прибыток",— писал любимый учитель батюшки, епископ Игнатий[34].

Дважды побывав у Веры Николаевны Д. дома, на глухой окраине Кисловодска, батюшка благословил ей возвращаться домой засветло, не рисковать и даже запретил посещать вечерние богослужения. За двадцать лет он предсказал ей, что она будет вынуждена уехать из любимого города. Действительно, через шестнадцать лет после смерти духовника, в 1989 году, Вера Николаевна навсегда покинула Кисловодск [35].

Протодиакон Петр Григорьевич З., сорок лет прослуживший в храме во имя Покрова Пресвятой Богородицы в Пятигорске, также обращался за советами к иеросхимонаху Стефану. После смерти схиархимандрита Иоанна (Мирошникова) настоятелем храма стал протоиерей Иоанн (Прокопович), вторым священником — протоиерей Иоанн (Мешалкин). Служить с новым отцом настоятелем было трудно. Вначале отец Иоанн (Мирошников), а затем и старец Стефан призывали отца диакона терпеть скорби и смиряться. Отец Стефан наставлял его: "Служи с душой, со смирением. Даже

батюшки не все спасутся. Куда бы ни послали, за послушание, со смирением — иди".

По благословению батюшки Стефана, дети отца Петра уклонились от вступления в члены ВЛКСМ без каких-либо дурных последствий для себя и все получили образование.

Для исцеления больного желудка врачи рекомендовали отцу дьякону пить колодезную воду. Он загорелся устроить во дворе своего дома колодец. Дом стоял высоко на горе, и геологи отговаривали отца Петра от его затеи. Не получив благословения отца Стефана, отец диакон начал работы. Батюшка молча отрицательно качал головой. Труда на колодец положено было много, но без пользы: вода в нем едва набиралась и по качеству не годилась даже на поливку. Расстроенный отец Петр просил прощения у батюшки Стефана за своеволие. Старец дал ему денег на легкий водопровод, предложив поднять воду из реки Юцы. Водопровод вышел удачным, и до сих пор вся семья протодиакона пользуется чистой, свежей речной водой[36].

С рассуждением отец Стефан относился к воздержанию и постам. Когда один из его послушников занимался тяжелыми земляными работами, он позволял ему вкушать скоромное в течение поста. Симеон Иудович любил прибаутки и часто говаривал молодому послушнику-семинаристу, что для того, чтобы не бороли страсти, нужно оставлять сласти. Батюшка мягко поправлял келейника, говоря, что во время учебы сладкое необходимо для мозга. Симеон Иудович суетливо предлагал за трапезой черствый хлеб, но отец Стефан медленно отвечал: "Нет, нужен свежий".

Очень осторожен был старец, когда разговор касался каких-либо видений, явлений, снов и прочего. Он ничего не принимал и не благословлял принимать[37].

Часто Иван Михайлович приносил переписанные от руки записи каких-либо чудес, необыкновенные молитвы. Старец относился к ним неодобрительно и просил сжигать. Снам верить запрещал. Чаще всего батюшка обращался к творениям святителя Игнатия Брянчанинова, которого глубоко чтил.

Внешне отец Стефан был покоен и невозмутим, но он глубоко переживал чужое горе: часто, слушая чей-либо скорбный рассказ, плакал. Нижние старческие веки пульсировали, дрожали. Он никогда никого не хвалил, следуя святоотеческому завету о том, что нельзя ни хвалить, ни ругать. Когда Иван рассказывал о том, как его хвалили за хорошее чтение шестопсалмия, батюшка его смирял, отвечая, что угодное людям могло быть не угодно Богу, поскольку делалось с тщеславием.

Иван Михайлович Т. жил в Кисловодске с 1950 года. После приезда батюшки в 1956 году он стал обращаться к нему за духовным советом, много помогал и часто исполнял различные поручения. Иван Михайлович особенно отмечал смирение, кротость и простоту "дедушки Стефана".

Старец видел духовные и душевные возможности своих чад и никогда не давал им послушания, которое бы превышало их силы. После того, как Ивана Михайловича несколько раз вызывал к себе уполномоченный по делам религии Кисловодска, баптист, отец Стефан посоветовал своему послушнику "уйти в подполье, быть тише воды, ниже травы, незаметнее всех" и выйти из состава церковного совета. Батюшка опасался, что Иван мог не

вынести гонений или ссылки. После выхода из церковного совета Иван Михайлович продолжал прислуживать в Крестовоздвиженской церкви на Минутке.

Идти на служение в церковь старец благословлял с большой осторожностью: Ивану не советовал, считая, что спастись ему будет удобнее, не принимая священный сан. "В священстве большая ответственность, ты можешь погибнуть",— говорил ему батюшка[38].

Нина Андреевна К. познакомилась с разведенным человеком, привязалась к нему и не знала, как следовало поступать. Батюшка ответил ей: "Молись Богу. Пусть он будет у тебя единственным. Жизнь твоя устроится хорошо". Слово старца исполнилось. Он советовал читать ей что-нибудь простое, доступное, трогающее сердце — например, жития святых. Защищая однажды Нину от гнева ее хозяйки, которой она подала слишком горячий чай, отец Стефан заметил: "Горячий остынет, а холодный не нагреется". Любое слово батюшки было исполнено глубокого смысла. От встреч с ним оставалось необыкновенное впечатление летящей, светоносной радости. Нина Андреевна особенно запечатлела в своем сердце ожидание выхода старца из Пантелеимоновского храма после службы: тихой старческой поступью батюшка шел, окруженный своими чадами, согревая их мягким внутренним светом. Вокруг него, ласково касаясь его плеч, кружился яркий калейдоскоп осенней листвы[39].

Мария Петровна С. впервые попала к отцу Стефану на исповедь Рождественским постом 1956 года. Постепенно она предала себя в его духовное руководство и старалась ничего не делать без благословения батюшки. Он мудро вел душу к Богу, с великим рассуждением.

Так, по просьбе Марии он позволил ей прочесть "Лествицу" святого Иоанна Лествичника, но предупредил, чтобы по горячности она не взваливала на себя никаких подвигов. Говорил старец очень мало и кратко, что частенько ее огорчало.

Батюшка сам был очень прост, естественен и не допускал никакой лжи, никакого лицедейства, артистизма в чадах. Мария имела склонность к внешнему копированию понравившихся ей жестов или поступков. Поэтому он особенно строго останавливал ее попытки подражать кому-то. При нем невозможна была никакая вольность, фамильярность, легкомысленное поведение, нецеломудренная одежда. Без каких-либо слов или замечаний со стороны старца любая тень нескромности становилась неуместной.

Старец не позволял ездить из праздного любопытства по известным духовникам или блаженным, хотя охотно благословлял паломничество по святым местам, особенно в Троице-Сергиеву лавру к преподобному Сергию[40].

Протоиерей Алексий (Моздор) вспоминал, как ему довелось познакомиться с отцом Стефаном.

После окончания духовной семинарии в 1967 году он получил назначение в город Дербент. Там молодому, неопытному священнику пришлось столкнуться с сектантской группой молодежи. Он был в большом затруднении и молился Богу о встрече с опытным духовником.

В 1969 году его друг, священник Николай (Щелочков), предложил обратиться к старцу Стефану (Игнатенко), уверяя, что по совету и молитве батюшки все рассеется. Иеросхимонах Стефан определил состояние необычных прихожан отца Алексия, как состояние духовной лжи, то есть прелести, и предупредил, что обра-

тить таких людей на путь покаяния очень трудно. Так эти сектанты и остались в своем заблуждении.

Один из родственников отца Алексия ушел к баптистам, и он всячески пытался вернуть его в церковь. Старец советовал не спорить напрасно: родственник так и остался у баптистов.

Первым впечатлением от встречи с батюшкой было ощущение поразительного сходства его с владыкой Антонием Романовским. Они были одного духа[41].

Отец Стефан вел своих чад по царскому пути рассуждения: так, он отклонял их от подвига юродства, предлагая путь внутреннего глубокого покаяния, смирения и сокрытия себя.

Молодых монахов он старался уберечь от возможных внешних и внутренних соблазнов даже в мелочах.

Встречая гостей-семинаристов из Троице-Сергиевой лавры, отец Стефан предложил им по рюмке кагора. Один из них отказался от вина. Батюшка заметил ему: "Здесь, по благословению, можешь немножко выпить, а без благословения больше нигде не пей". Старец одновременно смирил его тщеславие и предупредил о необходимости трезвения в будущем. Следуя советам святых отцов, проверенных собственным опытом, он не рекомендовал употреблять не только вино, но и возбуждающие продукты, такие, как мед, кофе, какао.

Обладая высоким даром рассуждения, старец, по смирению, с почтением относился к мнению других духовников. Однажды к нему пришла женщина с рассказом о том, как духовный наставник учил ее Иисусовой молитве. Ей хотелось уточнить этот вопрос у отца Стефана. Тот отправил ее обратно, чтобы в таком серьезном деле не было противоречий. В то же время, когда игумен

Марк Лозинский сообщил бат юшке о непомерно большом молитвенном правиле, которое тот же известный духовник назначил детям, старец возразил, что правило превышало детскую меру.

Как-то раз Е. в школе задали выучить к следующему уроку безбожное стихотворение Тараса Шевченко. Ее дядя, узнав, резко запретил девочке выполнять домашнее задание и приказал открыто перед всем классом исповедать свою веру в Бога. С ужасом отправилась в школу маленькая исповедница. Мама, разволновавшись, бегом побежала к старцу и нервно рассказала о сложившейся ситуации. Посетители батюшки возмутились: "Девочку в классе затеррористируют!" Отец Стефан благословил спешно снимать ребенка с урока под любым предлогом. Мама не успела, занятия начались. Преподаватель по списку вызывал учеников к доске, наконец, дошла очередь и до трепетавшей от страха девочки. Но в тот момент прозвенел звонок, и за молитвы старца все разрешилось благополучно.

Пионерский галстук, как символ антихриста, батюшка не позволял носить постоянно, но лишь одевать его на себя в крайних случаях.

Незадолго до окончания школы Е. И. Т. пришла к отцу Стефану решать вопрос о дальнейшем образовании. Учиться ей очень хотелось, чтение книг, особенно на исторические темы, сделалось страстью. Не было библиотеки в Кисловодске, где она не имела бы абонемента, исключая специальные. Чрезмерное увлечение чтением беспокоило мать Е., она жаловалась на дочь старцу, но батюшка спокойно отвечал, что придет время, когда на столе будет лежать историческая книга, а Е. на нее не взглянет. Итак, девушка с волнением ждала решения

отца Стефана о своем будущем. Анна Степановна и Симеон Иудович, жалея ее и искренне желая безбедного существования, наперебой советовали идти в псаломщицы. Старец молчал... Долго длилось нервное ожидание девушки. Наконец, улыбаясь, батюшка озорно засиял глазами и весело сказал: "Нет, по-вашему не будет. Благословляю Е. поступать в медицинское училище". После его слов замолчали послушники. Вначале казалось, что год будет потерян: сроки подачи документов были пропущены безнадежно, и Е. уехала отдыхать. Вернувшись за день до экзаменов, она чудом получила допуск на экзамены, блестяще сдала их и легко поступила в училище[42].

Имея глубокое видение человеческого сердца, старец помог отцу Алипию полностью открыть мучивший его помысел. Многие слова отца Стефана запечатлелись в памяти владыки, как сказанные пророчески о его судьбе[43].

Изобилуя любовью, батюшка мог быть и строгим, даже жестким по-человечески. Сестра Марии Петровны, Екатерина, ждала возвращения сына из армии. Отец Стефан сказал: "Появится — гони его!" Материнское сердце не выдержало, и она не послушалась совета старца. Сын вернулся, женился, и они с женой жестоко вели себя с матерью[44].

По ряду причин Николай решил поменять работу. Он рассчитался на первом месте и бодро отправился во вторую организацию, где предполагал устраиваться. Прошел две трети дороги и, когда осталось совсем немного, почувствовал сильную тяготу. Остановился, постоял, подумал — и решил вернуться. Сразу стало легко. Удивившись, Николай повернул обратно и вновь ощутил тяготу. После третьей попытки ему стало не по себе, и он бегом

побежал к "дедушке Стефану", как звали старца послушники. Тот тихо улыбнулся взволнованному рассказу Николая: "Что же ты так своего ангела томил, настаивал на своем. Тебе было бы там плохо".

Николай был свидетелем того, как одну из своих посетительниц отец Стефан попросил не торопиться домой после беседы, а полчаса помедлить. Несмотря на то, что женщина опаздывала на автобус, она задержалась. Позже выяснилось, что в эти полчаса с ее автобусом случилась авария и она могла погибнуть[45].

Интересный случай духовного ведения батюшки связан с семьей псаломщика Федора Тимофеева. Псаломщик вел благочестивую, богобоязненную жизнь, имел огромную семью и, узнав о великом старце, загорелся желанием попросить у него благословение для всех членов семьи. Семеро человек детей брать в далекую дорогу было невозможно, поэтому взяли только двоих. Желая показать остальных, взяли их фотографии. Супруги попросили благословения старца для себя, для тех детей, которых привезли с собой, а потом показали фотографии. Федор хотел было рассказать о каждом, но отец Стефан мягко остановил его и, внимательно всматриваясь в фотографические карточки, сказал о судьбе всех детей[46].

Своей духовной дочери О. И. отец Стефан строго запретил продолжать общение с ее давним другом, к которому она была привязана и которому была обязана своим воцерковлением, Михаилом. Для женщины это было большой скорбью. Пришлось слушаться духовника, заливаясь горькими слезами. Впоследствии оказалось, что ее друг имел близкие знакомства в среде диссидентствовавшей интеллигенции. В его кружке особенно тогда

превозносилось посредственное произведение В. Д. Дудинцева "Не хлебом единым". Атмосфера собраний была неполезна, а то и прямо разрушительна для души православного человека. Духом старец ощутил это и проявил необычную строгую настойчивость.

Однажды О. И. задумала поехать на праздник преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиеву лавру. Договорилась с начальством, купила билет и пошла за благословением к отцу Стефану. Батюшка ответил: "Поедешь, но позже". О. И. плакала, упрашивала его изменить свое слово. Старец молчал. Неожиданно нагрянула ревизия, и ей пришлось задержаться[47].

В 1970 году подруга Анны Степановны, Людмила Сергеевна Крамарова, пришла к отцу Стефану в большом огорчении: брат застал ее за чтением Псалтири и, вырвав из рук, разодрал книгу в клочья. "Это не он порвал",— ответил батюшка, объясняя действие брата влиянием злого духа.

Монахиня Людмила (в миру — Любовь) жила в Пятигорске и храм любила с детства. Однажды на улице по дороге из церкви ей встретилась пожилая семейная пара. Супруги завели с девочкой разговор, стали отговаривать ее от посещения храма и приглашали к себе. Девочка смутилась и потом дорогой горячо молилась Спасителю, чтобы Он Сам указал ей правильный путь спасения и послал человека самой правильной веры. После этого случая она увидела сон, что ей было даровано Евангелие и названы три имени — Евдокии, Ольги и Марии. Утром Любушка вместо Лазаревской отправилась в храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. После окончания службы ее пригласили пообедать две церковные служительницы, Евдокия и Ольга. Из разговора, который они вели между собой по дороге, было

ясно, что они ждали кого-то в гости и ее появление было несвоевременным. Вначале ее предупредили, что ждали грозного и строгого деда, а потом Ольга просто заперла Любу в сарае. Девочка была глубоко огорчена и обижена: она успела увидеть дедушку, который неторопливо входил в их дом. Он был одет в синий плащ и синюю велюровую шляпу, держал в руке легкую тросточку, лицо дедушки было очень ласковое и доброе — совсем не страшное и не суровое. Через несколько минут прибежала заплаканная Ольга, отворила сарай и сказала, что дедушка приказал привести к нему "девушку Любу, закрытую в сарае". С того дня Любушка жила под духовным руководством старца Стефана.

Как-то раз, уходя домой после беседы с отцом Стефаном, она подумала про себя, что хотела бы иметь такую же, как у батюшки, икону святителя и чудотворца Николая, изображенного вместе со Спасителем и Богоматерью с омофором в руках. Прощаясь, старец снял из святого уголка икону и благословил ею девушку.

Начальник Любы относился к ней крайне недоброжелательно. Дошло до того, что, подделав документы, он пытался обвинить ее в злоупотреблениях и довести до суда, а в худшем случае — до заключения. Девушка рассказала старцу о своей беде. На следующее утро начальник надолго слег с инфарктом. Беда миновала.

Любовь училась в Ставрополе на заочном отделении института. Там ее познакомили с семинаристом Василием. Она стеснялась сказать о своем знакомстве духовнику, но батюшка сам ответил ей на ее мысли: "Василий — твой". Через два года она вышла замуж за Василия, его рукоположили, и молодожены переехали в Геленджик.

Вздумалось молодой матушке купить себе телевизор, на что она решила спросить благословение у отца Стефана. Трижды задавала она вопрос, всячески упрашивая при этом батюшку разрешить покупку. Трижды, наклонив голову, он отвечал: "Грех". Тем не менее, вопреки советам мужа и запрету духовного отца, Любовь заняла нужную сумму, купила себе дешевенький телевизор и поставила на самое лучшее место в комнате. Любивший ее супруг не смог отказать. Вскоре после этого внезапно молоденькая матушка тяжело заболела: в двадцать три года ее парализовало. Она плакала и роптала на свою болезнь, но в сердце толкнуло: "С Богом не шутят, Его не обманешь". Любовь поняла, что тяжко согрешила, нарушив запрет старца, обманув его. Когда отец Василий зашел проведать жену, она решительно потребовала, чтобы он без промедления вынес телевизор из дома. Освободившись от "домашнего беса", матушка начала медленно выздоравливать, а потом и совсем поправилась.

Незадолго до смерти отца Стефана Любовь спросила его, на кого он ее оставлял. Батюшка ответил, что поручал ее мужу, отцу Василию, и творениям святых отцов. Отец Василий скончался в 1977 году. Овдовев, матушка Любовь приняла монашеский постриг и стала матушкой Людмилой[48].

Просфорница Феодора училась печь просфоры в Ессентуках. Старец Стефан помогал ей советами, поскольку в монастыре на Бештау ознакомился со всеми послушаниями. Феодора очень боялась внезапной смерти без покаяния и часто жаловалась на свой страх батюшке. Отец Стефан пообещал, что она умрет на Пасху. Шла пятая неделя Великого Поста, до Святой Пасхи оставалось всего две недели. Заливаясь слеза-

ми, Феодора готовилась, ожидая скорую кончину. Прошла Пасха, встретили Святую Троицу. Быстро промелькнул год. Просфорница умерла в первый день Пасхи следующего года. Она была истинной Божией рабой. Если что-то не ладилось при печении просфор — падала на колени перед иконой Царицы Небесной: "Матерь Божия, Пречистая! Тесто не идет, помоги!"

Интересна кончина ее родного брата Никандра, калеки с изуродованной левой рукой. Он зарабатывал на жизнь тем, что плел и продавал веники. Заработанные деньги большей частью раздавал на храм и на милостыню. Никандр жил в доме своей дочери Евдокии. С болью он убеждал ее верить в Бога, но дочь не слышала отца. Обходилась она с ним более чем непочтительно: больной, он лежал в холодном коридоре. В пасхальную ночь Никандр приподнялся, громко позвал: "Душка! Христос Воскрес! Веруй!" — и скончался[49].

По молитвенному заступничеству иеросхимонаха Стефана (Игнатенко), постепенно обращались к Богу целые семьи, жившие до этого далеко от церкви. Яркий пример этому являет судьба Анны Николаевны Д.

Анна Николаевна Д. из семьи раскулаченных крестьян. В 1936 году она познакомилась со своим будущим мужем Владимиром Петровичем, военным летчиком, сотрудником ОГПУ-НКВД. Вначале Анна упорно отказывалась выходить за него замуж, но он сумел ее убедить и уговорил. Ее терпеливое смирение и послушание помогли создать и сохранить семью. Как у многих летчиков, особенно боевых, нервная система у Владимира была расшатана. На болезненность накладывался нелегкий от природы характер.

В 1942 году, вследствие предательского поступка своего друга, Владимир получил тяжелую травму, которая на несколько месяцев приковала его к постели. Врач, понимая возможные последствия его заболевания, предлагал Анне Николаевне отказаться от мужа и оставить его в госпитале. Мужественная женщина не бросила супруга, выходила, поставила на ноги. Когда пришла пора выписываться и уезжать, врач предупредил, что, помимо нервной, задета психическая система, поэтому у Владимира Петровича могли бывать приступы ярости, гнева, полного беспамятного ослепления. Жена должна была внимательно следить за состоянием мужа и при первых признаках гневного припадка быть готова выскочить из дома, пережидая окончание приступа. Иначе исход мог быть печальным: в бешенстве Владимир мог убить.

В 1954 году мужа комиссовали по болезни. Семья переехала в Кисловодск, климатические условия которого были наиболее благоприятны для больного летчика. Росли две девочки, Евгения и Валентина. Иногда, очень редко, на Пасху, Анна Николаевна выбиралась в храм. Каждое посещение церкви сопровождалось безумным страхом перед мужем. В начале 1960-х годов старшая дочь Валентина закончила фармацевтический институт и по распределению уехала на работу в Ярославль. После возвращения из очередной командировки девушка услышала печальную весть. Скоропостижно скончалась сотрудница, мать двоих детей. Девочки пяти и десяти лет остались сиротами. Старшую отправили в деревню к родителям мужа, Георгия. Младшая осталась с отцом и ходила в детский сад. Однажды Георгий зашел с дочкой в аптеку, где работала его покойная жена. Их окружили

соболезнующие сотрудники. Малышка уверенно обратилась к Валентине: "Вот нам мама. Пойдем с нами, будешь варить нам щи". Так состоялось знакомство Георгия и Валентины. Сердце девушки дрогнуло, ее охватило желание заменить сиротам мать. Вскоре Валя вышла замуж за вдовца, стала воспитывать детей. Сообщать о браке домой в Кисловодск не решалась, зная тяжелый характер отца. Брат ее мужа, штурман, полковник, резкий и бескомпромиссный человек, был недоволен женитьбой Георгия. Оказавшись проездом в Кисловодске, он счел своим долгом зайти к родителям новой невестки и рассказать о Валином поступке.

В беседе он бросил неосторожную фразу о том, что за подобное своеволие собственную дочь застрелил бы. Владимир Петрович разволновался, потерял над собой контроль и выгнал Анну Николаевну с маленьким внуком от младшей дочери на улицу. Соседи боялись принять плакавшую женщину, не пускали. Она с ребенком осталась совершенно одна. Случайно ей встретилась знакомая и посоветовала обратиться к отцу Стефану, даже взялась проводить до калитки его дома. Анна едва шла от пережитого нервного потрясения и буквально ослепла от слез.

Батюшка принял ее, внимательно выслушал горький рассказ, но жалобы на дочь не принял, сказав, что брак Валентины совершился по воле Божией ради маленьких детей, которых нужно было воспитать по-христиански. Успокоив и утешив бабушку с внуком, он направил их домой и пообещал, что Владимир Петрович их больше не обидит. Муж продолжал настаивать на возвращении дочери, но та не оставила семью и стала обращаться за советом к отцу Стефану. Старец объяснял ей, как следо-

вало правильно воспитывать детей, воцерковлять их. Со временем Владимир Петрович смирился и даже помогал старшей дочери материально.

Отец Стефан настаивал на венчании Валентины с ее мужем Георгием. Имея высокое служебное положение, муж отказывался, опасаясь неприятностей по работе. Батюшка предупредил, что из-за своего упорства они рисковали потерять сына Алексея. Георгий был непреклонен. Алеша скончался скоропостижно в возрасте двадцати лет от сердечного приступа. Только после этого несчастья остальные дети уговорили отца обвенчаться.

Шло время. Владимир Петрович был серьезно болен. Однажды старец прислал к Анне Николаевне послушницу Параскеву передать, чтобы она не пропустила, когда Владимир перед смертью будет требовать попа. Вечером муж начал нервничать, паралич мешал ему говорить. Ясно было одно: "Попа!" Анна Николаевна заметалась: найти священника было очень сложно. Владимир настаивал: "Попа! Умру!" Перед кончиной его успели дважды соборовать и причастить. Знаками муж просил обвенчать его с Анной Николаевной, но отчего-то священник не исполнил его предсмертную просьбу[50].

Младшая дочь Анны Николаевны, Евгения, вспоминала, как по молитвам отца Стефана исцелилась ее маленькая дочка Аннушка. Дни батюшки были сочтены, он угасал и почти не вставал с постели. В младенческом возрасте Аннушка заболела и погибала. Медицина помочь была бессильна. В отчаянии мать бросилась к старцу. Он долго молчал, не отвечая, наконец утвердительно кивнул головой в знак того, что Господь известил его о благополучном исходе болезни. Скоро девочка пошла на поправку[51].

Так, по молитвам отца Стефана, постепенно исполнилась слезная молитва Анны Николаевны Д. о том, чтобы вся ее семья пришла к вере в Бога и к церкви.

Работая уборщицей в учреждении, Нина И. часто простужалась из-за сквозняков и болела воспалением легких. Отец Стефан пообещал ей работу, которая позволит ей побывать в таких местах, о которых она и мечтать не могла. Неожиданно для себя Нина И. устроилась работать на железнодорожный вокзал, получила право бесплатного проезда и за двадцать один год работы посетила многие русские святыни[52].

Пчеловод Е. почитала старца Стефана и часто обращалась к нему за советом. Однажды в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы к ней подошла дочь со своим женихом. Молодые люди просили ее благословения на женитьбу. Е. возмутилась несвоевременностью просьбы, поскольку в этот святой день не полагается заниматься никакими мирскими делами. Жених упорно настаивал на своем и пригрозил, что в случае запрета оставит свою невесту навсегда. Что было делать? Е. схватилась, побежала к старцу и рассказала о неожиданном происшествии. Батюшка благословил молодых на женитьбу. Семья оказалась крепкой, супруги прожили в мире четверть века, воспитали детей.

Вспоминала она эпизод, связанный с пчельником. У Е. возникло желание поклониться преподобному Сергию Радонежскому и поехать в Троице-Сергиеву лавру. Она пошла к отцу Стефану за благословением на дорогу. Старец предупредил Е., что ее муж Павел собрался продать пчел, и посоветовал вначале отыскать его пасеку. Е. знала, где стояли ульи, нашла мужа и уговорила его до продажи выкачать мед. Устроив домашние дела, она

вновь направилась к батюшке Стефану. Едва успела войти, тот встретил ее со словами: "Вот, Евдокиюшка с медом пришла"[53].

Когда Елену Ивановну оставил муж, она пошла разделить свою скорбь с отцом Стефаном. Узнав, что супруги были венчаны, батюшка обещал, что скоро муж вернется в семью. В самом деле, через месяц он пришел домой[54].

Супруги-монахи Киреевы все делали только по благословению старца. Отец Стефан благословил им покупать дом: "Купите по случаю". Да где он, этот случай? Однако за его молитвы нашли домик, сговорились о цене. Хозяйка, прощаясь, сообщила, что продавать дом решила по случаю: выходила замуж.

Незадолго до смерти иеросхимонаха Стефана к нему обратилась семья Екатерины И. К. При первой встрече старец поразил женщину, сказав, что они с мужем жили незаконно, поскольку были невенчаны. Супруги обвенчались и собрались строить новый дом. Вместе с Екатериной ее брат Василий также просил отца Стефана благословить его на постройку дома. Василию старец благословения не дал, а Екатерине разрешил, но предупредил, что в новом доме жить будет некому. Брат все же начал закладывать фундамент, но попал в автомобильную катастрофу и погиб. Екатерина с мужем всецело заняты работой и хлопотами о тяжелобольном сыне, поэтому в большом доме почти не бывают и лишь принимают в нем приезжих гостей.

К старцу Стефану супругов привело большое горе: в результате страшной родовой травмы был искалечен сын. Батюшка видел особый покров Божий над мальчиком и категорически запретил матери лечить его уколами. Ека-

терина не послушалась, поехала в специальную клинику в Ленинграде и позволила делать сыну уколы. Мальчику становилось все хуже, бедный ребенок погибал. Только тогда она вспомнила слова старца и прекратила лечение. Состояние здоровья сына улучшилось. При встречах с Екатериной батюшка был не в силах удержаться от слез, глядя на ее горе. Господь даровал ему сострадательное, отзывчивое сердце и глубокий плач[55].

Певчая правого хора, Нина Филипповна М., слышала, что в Кисловодске появился старый священник, которого одолевал народ. Она к нему не ходила и даже возмущалась тем, что старика много беспокоили. Пришел день, когда ей объявили, что ее дом на Минутке назначили под снос. Строение разрешалось продать. Специально ради этого Нина Филипповна взяла отпуск. Она готова была отдать дом за любые деньги, но покупателей не было. Закончился отпуск, она попросила второй, уже за свой счет. Наконец, и второй отпуск подошел к концу. Покупателей на дом не находилось. Соседка Нины Филипповны, видя ее огорчение, посоветовала обратиться к отцу Стефану. Послушавшись в отчаянии Александру Васильевну Криворучко, Нина Филипповна отправилась "беспокоить старика". Батюшка принял ее очень тепло и отпустил с обещанием, что скоро дом она продаст. Действительно, получив совет распродавать строение по частям, она быстро управилась и выручила за дом деньги, на которые не смела и рассчитывать. После этого она стала бывать у старца.

По благословению отца Стефана, внучка ее знакомой горничной поехала поступать в институт и легко прошла по конкурсу. Желая утешить старчика, женщины к праздникам старались испечь ему пироги[56].

Староста Крестовоздвиженского храма на Минутке вспоминала о знакомстве с батюшкой Стефаном.

До одиннадцати лет она глубоко верила в Бога, мечтала о монашестве. Отец был богатым человеком, имел в своем подчинении до шестидесяти человек рабочих. После революции, из страха перед начавшимися репрессиями, ради спасения жизни, Валентина Ивановна К. оставила мечту о монашестве и вышла замуж за военного химика, верующего человека из казаков. В 1939 году мужа-военного репрессировали. В начале 1940-х годов она вторично вышла замуж уже за простого рабочего, чтобы не потерять и его.

После 1960 года Валентина Ивановна познакомилась с иеросхимонахом Стефаном. Она стала часто у него бывать, получила молитвенное правило, которое аккуратно соблюдает до сих пор. Батюшка благословлял читать только восточных святых отцов, не позволяя читать западных авторов и не одобряя художественные романы на библейские сюжеты. Валентина Ивановна особенно отмечала серьезность, собранность старца, его полную преданность Промыслу Божию.

Она рассказала, как много лет назад ее четырнадцатилетний младший брат один поехал поездом в Астрахань к родным. Те были предупреждены заранее и встречали мальчика, но до Астрахани он не доехал. С тех пор о нем не имели никаких известий. На вопрос о том, как следовало молиться за пропавшего ребенка, отец Стефан ответил, что следовало заочно его отпеть и молиться о упокоении его души. Вскоре после начала заупокойных поминовений Валентина Ивановна во сне увидела усопших родных, и среди них — радостного четырнадцатилетнего братика Евгения[57].

Супруги Сачковы, Агафья Федоровна и Максим Павлович, которые помогали батюшке с пропиской при его переезде в Кисловодск, глубоко чтили его, как духоносного отца. Максим Павлович часто возил старца на своей машине на службу и со службы домой. Материально семья жила вполне достаточно, но супруги терпели глубокую скорбь: умирали дети.

В 1963 году умерла младшая дочь, двадцатилетняя Галина. У Гали, доброй, но малоцерковной женщины, не сложилась семейная жизнь, и родственники мужа не отдавали ей маленького ребенка. Был назначен суд, на котором должна была решиться судьба сына Павлика. Отец Стефан не благословил Галину ехать на суд, но она не вытерпела, не послушалась и все-таки уехала. Вскоре после возвращения заболела и скоропостижно, через три дня, умерла. В пятницу утром батюшка предупредил Веру Николаевну Д. о том, что в субботу их будут ждать Сачковы. В ночь с пятницы на субботу несчастным родителям позвонили из больницы и сообщили о смерти дочери. Они оцепенели от горя: скончался последний ребенок. Рано утром, в субботу Вера Николаевна с Ириной Никитичной принесли все принадлежности для погребения. Вслед за ними появился отец Стефан и попросил подождать. Вскоре приехали певчие из Пантелеимоновской церкви, которых привез церковный староста Иван Михайлович Т. Супруги были поражены: они еще никому не успели сообщить о своем горе. Обычно старец на требы не ходил: на дворе стояла "хрущевская оттепель", совершать богослужения на дому было строго запрещено и опасно. Но для Агафьи Федоровны и Максима Павловича он сделал исключение: когда-то они оказали ему помощь, а добро батюшка помнил всегда.

Кроме того, муж заведовал гражданскими делами в УВД Кисловодска, поэтому опасность была меньше обычной. Главное же было в том, что слишком велика была скорбь этих милых людей, потерявших одного ребенка за другим. Отец Стефан хотел их утешить, поддержать, оказать небесную, духовную помощь.

Еще раньше, после кончины первой девочки, у Максима Павловича были крупные неприятности по службе из-за того, что его жена стала ревностно молиться Богу. Отец Стефан заранее предупреждал Максима Павловича готовиться к тому, что у него будут скорби за веру в Бога, призывал укреплять мужество и не отступать от Христа. Поэтому, как только Максиму Павловичу стали угрожать на работе, он решительно положил на стол партийный билет и заявил, что лучше оставит работу, чем бросит семью. Он жалел жену, которая находила единственное утешение в церкви после смерти ребенка. Через год начальник милиции просил прощения у Максима Павловича, ему вернули партбилет, но со службы он все-таки уволился[58].

Желая сделать приятное отцу Стефану, С. А. Ш. подарила ему красивый и очень дорогой сервиз. Спустя некоторое время батюшка передал его знакомому священнику. Видя крайнее смущение молодого иерея от роскошного подарка, старец улыбнулся: "Пригодится". Действительно, впоследствии чудесный сервиз использовали для приема епархиального начальства.

Многие получали скорую помощь по молитвам отца Стефана. Часто к нему обращалась за советом монахиня Надежда. Впервые она пришла к старцу в 1956 году с монахиней Антонией. По благословению батюшки, все ее начинания оканчивались успешно.

Однажды она попала в трудную ситуацию: в Ставрополе лежал тяжелобольной астмой сын, в семи километрах от города жил старенький больной дядя. Кроме того, постоянного и серьезного ухода требовала сестра с полиартритом. Женщина разрывалась между близкими людьми, но, по благословению и молитве духовника, успевала ухаживать за всеми. "Никого только не оставляй, смотри за всеми",— предупредил ее батюшка. Испытание длилось недолго: пособоровавшись и приняв Святые Христовы тайны, дядя скончался в мире, а сын выздоровел[59].

Жена настоятеля, матушка Х., была вынуждена принять управление церковным хором из-за отсутствия хорошего регента. Вести хозяйство, готовиться к службам, управлять хором было очень трудно. Супруги решили просить благословения отца Стефана оставить матушке клирос. Батюшка сердечно их принял, усадил за стол, угостил пшенной кашей, которую матушка особенно любила, и с ласковой, теплой улыбкой обратился к ней: "Ох, матушка, как у Вас хорошо получается... Служите дальше". Священник незаметно жестом приказал жене молчать. Пришлось ей оставаться на клиросе, и, по благословению старца, она стала успешно справляться со всеми делами[60].

Перед кончиной батюшки Анна Степановна спросила у него, можно ли ей впоследствии обращаться за советом к Симеону Иудовичу. Отец Стефан такого благословения не дал, но посоветовал после своей смерти приходить к нему на могилку и рассказывать о своих горестях, как живому. Когда старец умер, Анна Степановна совершенно разошлась со схимонахом Серафимом (Симеоном Иудовичем)[61].

В 1928 году семья Устименко, желая избежать вступления в колхоз, перебралась из города Ипатова в высокогорное село Псху в Абхазии, древнюю вольницу. Устименко происходили из казаков-переселенцев с Украины, так же как и семья отца Стефана. Псху было убежищем не только казаков, но и духовенства. Множество монашествующих жили в деревянных рубленых кельях, в отдельных пустыньках, а на молитву собирались в маленький деревянный храмик. После разгона Псхуской общины в 1930-х годах церковку обратили в местную кузницу. Верующие разделялись на тихоновцев, непоминающих, к которым относилась и семья Устименко, и на поминающих митрополита Сергия. Одна семья придерживалась имяславия. Дважды отца арестовывали по 58-й статье, детей воспитывала тетя. После первого срока следователь, отпуская отца с Беломорканала, спросил у него: "Ты в Этого веруешь?" — "Да. Потому и жив остался". В 1949 году Филипп Устименко, восьмой ребенок в семье, поступил в Ставропольскую семинарию. Перед этим его исключили из школы за твердость в вере в Бога.

Протоиерей Филипп У. впервые встретил отца Стефана в 1950 году. После долгого перерыва, оказавшись в горестных обстоятельствах, он нашел старца уже в Кисловодске и стал обращаться к нему за наставлениями. В 1968 году отец Филипп приобрел домик в Пятигорске, который требовал большого ремонта и расширения. У отца Филиппа к этому времени было двое детей, в семье с деньгами было неважно. Рассказав батюшке Стефану свои обстоятельства, он ждал ответа. Старец молча выслушал его и продолжал невозмутимо тянуть четки. Нетерпеливый Симеон Иудович стал его

теребить и требовать ответ. "Скорее, скорее",— тихо проговорил отец Стефан. "Что скорее?" — допытывался Симеон Иудович. "Стройтесь!" — ответил старец. От радости, что получил благословение на перестройку, отец Филипп не шел, а летел домой. Вскоре, сразу после Святой Троицы, начали строиться. Дело шло так успешно, что уже через три месяца семья жила в новом, теплом, благоустроенном доме в Новопятигорске. Так Господь устроил семью отца Филиппа за молитвы старца[62].

Однажды матушка отца Алексия привезла старцу Стефану в подарок к Христову Рождеству хорошей рыбы и обещала привезти еще к Пасхе. "Не загадывай так далеко, до Пасхи много воды утечет",— ответил он ей. Матушка забеспокоилась: "А что, переведут?" "И переведут",— спокойно произнес батюшка. Отец Стефан посоветовал готовиться к переходу на другой приход. Спустя два месяца отца Алексея неожиданно в Дербенте уволили за штат. Увольнение пришлось на Крестопоклонную неделю Великого Поста. Старец приказал немедленно уезжать расстроенным супругам из города. Отцу Алексею советовали хлопотать, просить, жаловаться, но батюшка Стефан запретил: "Не надо никого просить, Господь Сам все уладит и все будет хорошо". Действительно, скоро владыка Иона нашел возможность перевести молодого священника в Моздок, и скорби на время забылись[63].

Неожиданно для себя самого Х., по благословению отца Стефана, стал священником. В 1967 году Х. окончил техникум и собрался поступать в институт. По совету родственника он обратился к старцу Стефану. Батюшка внимательно выслушал его намерение учиться на

врача, расспросил о семье и сказал: "Врачи земные отличаются от врачей духовных, как земля от неба. Раз ты воспитан в христианской семье, нужно идти учиться в семинарию на священника. Священники — те же духовные врачи". Видя нежелание юноши, отец Стефан благословил его идти служить в армию. Отслужив, спустя два года Х. вновь приехал к иеромонаху Стефану за благословением на учебу в институте. Батюшка стоял на своем: "Пусть в институте занимаются светские ребята, воспитанные вдали от церкви, а тебе следует идти по духовному пути". Ему хотелось видеть юношу монахом. Дважды пытался Х. уклониться от духовного пути, но старец был непреклонен и благословил его поступать в семинарию Троице-Сергиевой лавры, во второй класс. Узнав о намерении Х. жениться, сказал, что невеста для него уже готова. В лавре отношение Х. к священству изменилось. Он стал просить преподобного Сергия определить и управить его жизнь. После сдачи приемных экзаменов молодой человек напряженно ждал результатов. Услышав, что не прошел в первый класс, огорчился почти до слез. Однако неожиданно услышал свою фамилию среди студентов второго класса и просиял от радости. Вопрос о женитьбе его беспокоил, но батюшка Стефан уверял, что Господь все управит Сам Своей святой волей. Действительно, невесту ему приглядел уже его отец[64].

В детстве Е. И. Т. тяжело переживала одиночество и часто приходила к любимому старчику-утешителю в горьких слезах. Отец Стефан весело шутил, обещая ей необыкновенное замужество, и часто спрашивал, когда же она угостит его борщом. "Все пройдет, все будет у тебя хорошо",— успокаивал он маленькую плачущую посетительницу. Спустя много лет Е. И. Т. пришлось

принять участие в воспитании дочери своей духовной сестры. Так она обрела близких любящих людей, заменивших ей семью[65].

В середине 1960-х годов Матрона Ивановна Пискарева (монахиня Андроника) оказалась в Кисловодске по благословению отца Павлина (схиархимандрита Гурия). Вначале она жила в семье Знаменских, затем с помощью матери Нимфодоры проходила послушание у друга батюшки Стефана, игумена Паламона (схиигумена Пафнутия). Молодая девушка унывала, что в незнакомом городе ей не с кем было разделить радость встречи Святой Пасхи. Анна Степановна, ухаживавшая за отцом Паламоном, не хотела знакомить Матрену со старцем Стефаном, но он сам попросил Анну Степановну привезти к нему Мотю на Пасху. Ласково встретив девушку, отец Стефан посадил ее за стол рядом с собой и спросил ее святое имя. "Матрена",— ответила она. "А некоторые имена меняют", — неожиданно проговорил батюшка. Действительно, Мотя настолько стеснялась своего имени, что в миру называла себя Татьяной. Старец утешил ее, подарил куличик и разрешил при необходимости обращаться за советом.

В 1970 году у Матрены умер брат. Она очень тяжело переживала его смерть. Только после сорокового дня поехала к отцу Стефану, заливаясь горькими слезами. Встретив девушку, Симеон Иудович доложил о ней старцу, который немедленно ее принял. Мотя молча и неутешно плакала. Несмотря на то, что батюшка никем не был извещен о ее горе, он по отечески-нежно обнял Матрену и ласково, но твердо сказал, что о брате плакать грешно. Исповедав, напоил чаем и проводил домой. По дороге Мотя успокоилась.

Однажды на исповеди отец Стефан благословил Матрене выходить замуж за Иоанна, бывшего послушника Глинской пустыни и будущего врача. "С ним ты укрепишься в вере, и у вас будет хорошая семья",— говорил он ей. До этого старец не был знаком с Иоанном и никогда не слышал о нем. Матрена не послушалась его слова[66].

Удивительная встреча оказалась у С. А. Ш. с иеросхимонахом Стефаном. С. вышла замуж в 1955 году. Муж, военный в высоком чине, добрейший православный человек, очень любил свою жену, но имел пристрастие к вину, что, безусловно, осложняло семейную жизнь. В пасхальную ночь 1956 года С. А. Ш. молилась дома, читала Акафист Богоматери перед иконой Царицы Небесной "Взыскание погибших". Внезапно сердце охватила глубокая скорбь за супруга, она залилась слезами. Неожиданно в комнате появился тонкий неописуемый свет, С. А. Ш. затопила радость: "Христос Воскресе!" Этот эпизод поразил молодую женщину. Сама разобраться в природе странного явления она не могла, обращалась с вопросом о нем в Троице-Сергиеву лавру и даже смогла найти возможность быть принятой святейшим патриархом Алексием I (Симанским). Некоторое время ей пришлось подождать святейшего в прихожей. Затем ее пригласили в кабинет. Окна в комнате были зашторены. С. А. Ш. заплакала и упала на колени: патриарха Алексия окружал тот же тонкий небесный свет, который она видела в пасхальную ночь. Святейший положил руку на голову плачущей посетительницы. Рука его была горячая. Он расспросил ее, с кем она жила, была ли венчана, умела ли молиться Богу, читала ли Евангелие. На прощание патриарх благословил С. А. Ш. молитвосло-

вом. После этой встречи она впервые прочла Евангелие, обвенчалась с мужем, стала исповедоваться и причащаться.

В 1969 году один из старцев Троице-Сергиевой лавры, узнав о предстоявшей С. А. Ш. поездке в Кисловодск, дал ей адрес отца Стефана, которым она смогла воспользоваться только в 1972 году. Приехав в город, устроившись, С. А. Ш. отправилась по указанному адресу. Она нашла маленький домик у подножия Кабангоры, вошла в уютный садик, где качались крупные яркие шапки разноцветных георгинов, затем — в чистую белую комнатку. Ей показалось, что такой мир и тишина могли быть только в раю. Батюшка отдыхал, и женщине пришлось немного подождать. Наконец, она вошла в его келью и встала перед ним на колени. Старец положил ей руку на голову. Рука была горячая. В одно мгновение перед ней промелькнула вся ее жизнь. Сердце открылось отцу Стефану, как самому близкому и родному человеку, полились слезы...

Быстро летели дни кисловодского отдыха, С. А. Ш. навещала старца еще несколько раз. Казалось, все было мирно и спокойно. Но неожиданно пришла беда. Однажды С. А. Ш. вызвали к телефону главного врача санатория: звонили из Москвы. Ее мама была при смерти после перенесенного тяжелого инфаркта. Знакомые боялись, что она не доживет до возвращения дочери, и просили С. А. Ш. срочно вылететь домой. Жалея мужа, которому был необходим отдых, она решила лететь в Москву одна. Отправив его за билетом, женщина поспешила проститься и взять благословение у отца Стефана. Слабенький батюшка не сразу смог принять взволнованную С. А. Ш. Наконец, заливаясь слезами, она

вошла к нему в келью, стала на колени. Старец погладил ее по голове, посоветовал не унывать, а молиться Божией Матери. Он тихо уговаривал С. А. Ш. никуда не уезжать, оставаться в Кисловодске с мужем: "Твоя мама не умрет". Отчаяние сменилось радостью. Встретившись после беседы с мужем, женщина озадачила его внезапной переменой своего решения лететь домой. Билет пришлось сдать в кассу. На следующий день С. А. Ш. вновь подозвали к междугороднему телефону: мама почувствовала себя лучше и просила дочь не прерывать отдых.

Тем не менее С. А. Ш. выехала из Кисловодска несколько раньше, чем предполагала вначале, и первым делом поспешила к маме в больницу. Оказалось, та неожиданно почувствовала себя очень плохо: сердце пронзила нестерпимая, жгучая боль. Соседи вызвали неотложную помощь. В машину больную несли на носилках, в больнице поместили в отдельной палате кардиологического отделения, начали делать уколы, часто снимали электрокардиограммы. Дверь палаты приходилась прямо против пункта дежурной медсестры. Ночью старушка не спала и прислушивалась к мучительной боли внутри себя. Сестра что-то писала при мягком свете ночника. Вдруг больная почувствовала, что кто-то волнообразным движением провел рукой по всему ее телу от головы до ног и боли не стало. Мама сразу поняла, что выздоровела, поднялась с постели и босиком отправилась в туалет. Медсестра пришла в ужас: ей не только вставать, но шевельнуться было нельзя. Не слушая возражений, старушка властно попросила сестру проводить ее, затем приготовить чай. Выпив чашку сладкого, свежего чая, она крепко заснула, впервые за последние дни. Утром, во время обхода врачей, мама сказала, что поправилась.

Изумленные доктора недоверчиво разглядывали новую электрокардиограмму: рубца, свидетельствовавшего об инфаркте, не оказалось.

Рассказывая о случившемся, старушка была в радостном недоумении. С. А. Ш. объяснила матери, что исцеление произошло по молитвам старца Стефана из Кисловодска, что Господь дал маме время на покаяние и возвращение в церковь. После чудесного выздоровления мама стала вести церковную жизнь, часто ходила в храм и, примиренная с Богом, умерла в 1986 году.

Пораженная явным чудом, крестилась подруга С. А. Ш., бывшая свидетельницей события. Перед кончиной мать оставила дочери записку: "Первое — смирение. Не унывать, не судить, переносить напраслину. Мир в доме. Испытание за грехи. Гордыня"[67].

Послушник старца, Николай Ф., однажды серьезно вывихнул ногу. Жена побежала искать врача-костоправа, но по дороге привычно зашла к отцу Стефану поделиться скорбью. Не успела она вернуться домой — сустав у мужа встал на место, и боль прошла.

Маленькая племянница церковного старосты храма во имя великомученика Пантелеимона, Ивана Михайловича Т., собралась идти в школу в первый класс. Детское сердечко взволнованно билось: начиналась непонятная, новая жизнь. Неожиданно что-то случилось с указательным пальчиком правой руки: выскочила огромная черная бородавка, причинявшая сильную боль. Боялись, что придется оперировать палец, который распух и потемнел. Вечером Иван Михайлович навестил родных, узнал о беде племянницы, расстроился и рассказал обо всем отцу Стефану. В заботах о различных церковных проблемах он забыл о болезни девочки и только, придя к

сестре через несколько дней, вспомнил и спросил о здоровье дочери. Оказалось, что после того, как Иван Михайлович известил старца, пальчик очистился, боль прошла, и малышка спокойно ходила в школу на занятия[68].

Отчего-то у Е. стали болеть руки, на которых появились раны, причинявшие сильные страдания. Е. просила отца Стефана позволить ей поехать к преподобному Сергию Радонежскому для исцеления. С благословения батюшки она несколько раз бывала в лавре, и руки исцелились.

Отец Стефан в начале 1970-х годов благословил Александре Порублевой оперировать опухоль в нижней части живота. Женщина послушалась, сделала операцию и поправилась. Ее знакомая, Валентина, также советовалась с батюшкой относительно операции груди, где врачи обнаружили раковую опухоль. Отец Стефан дал благословение на операцию, но Валентина испугалась, не послушалась совета и вскоре скончалась[69].

В 1971 году к старцу обратилась со своим горем беременная женщина, Нина И. Д. Она каялась в том, что уносила мясо с мясокомбината и Господь наказал ее за это. Однажды, выходя с работы с очередной порцией мяса, она неловко упала и очень сильно ударила живот. Будущая мать боялась, что убила ребенка. Батюшка осенил ее крестом и успокоил, что плод не пострадал. Ребенок остался жив. Впоследствии отец Стефан очень любил ее последнего сына, ласкал и баловал малыша. Работу на мясокомбинате благословил оставить.

Муж у Нины И. был до болезненности ревнив. В припадках ревности он часто зверски избивал жену, особенно норовя ударить по голове. В слезах бедная приходила к батюшке. Крестом он осенял ее головку, и боль успокаивалась[70].

Анна из Владикавказа, по молитвам старца, получила исцеление от запущенной раковой опухоли. У нее была поражена нервная система, болело горло, отказывались служить глаза. Более двадцати лет она не могла читать. От боли и отчаяния она теряла рассудок и помышляла о самоубийстве. Знакомые повезли ее к отцу Стефану. Батюшка благословил ее ежедневно читать Акафист Иверской иконе Божией Матери. Постепенно, не сразу, она начала уразумевать незнакомые слова и почувствовала, что к ней стала возвращаться жизнь: укрепилось зрение, прояснился разум. Анна была больна с 1942 года. Лишь через двадцать три года, по молитвам отца Стефана, больная получила исцеление[71].

Последняя помощница отца Стефана, Анна Степановна, вспоминала, как знакомая ей женщина из Георгиевска после неудачной операции на глаза стала слепнуть. Она поехала со своим горем к батюшке спросить у него совет и благословение на повторную операцию. Войдя в келью к отцу, внезапно увидела резкий, яркий, как молния, свет. Она поняла, что к ней вернулось зрение, заплакала, бросилась к ногам старца. "По вере твоей получила ты исцеление",— медленно, ласково говорил ей старец[72].

Младший сын частых гостей иеросхимонаха Стефана был очень нервным мальчиком, беспокоился, много плакал. Батюшка всегда старался приласкать и утешить ребенка. Скоро его истеричность прошла.

Елена Федотовна Подуст в конце 1960-х годов пожаловалась старцу на образовавшуюся у нее опухоль. По его благословению, она прошла обследование, но, когда встал вопрос об операции, отец Стефан на нее разрешение не дал. По молитвам батюшки, опухоль рассо-

салась. В 1972 году старец неожиданно сказал Елене Федотовне, что ее мама скоро должна умереть, и оставил на похороны пакет с деньгами. На вопрос, с кем же она останется без мамы, ответил: "С Богом". Мама скончалась через одиннадцать месяцев после смерти батюшки[73].

Вера Николаевна Доценко получила на работе путевку в Прибалтику. Она выкупила ее за два месяца до отъезда и с радостью ждала поездку. Неожиданно за один день до выезда серьезно заболела мама. Вера побежала к батюшке с просьбой помочь ей передать кому-нибудь путевку. Отец Стефан поразил ее, благословив ехать, и прибавил, что с мамой ничего дурного не случится. Оставить больную мать по-человечески было невозможно. Невозможно было и ослушаться старца. Со слезами Вера Николаевна уехала, потом звонила домой из каждого города. Маме с каждым днем становилось все лучше. Посетив многие святыни, женщина вернулась в Кисловодск, где ее ждала с нетерпением выздоровевшая мама и радостно-улыбчивый батюшка Стефан. По святым местам Вера ездила часто, и старец охотно ее отпускал. Правда, она очень боялась, что, вернувшись, не застанет его в живых. Улыбаясь, отец Стефан провожал Веру Николаевну, обещая, что, придя на его могилку, она получит благословение батюшки[74].

Обычно батюшка советовал покаяться, причаститься вначале, а потом с мирным сердцем обращаться к врачам, потому что врачи от Бога.

Страшно было ослушаться слова старца.

В первой половине 1960-х годов одна из прихожанок церкви во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона просила у отца Стефана разрешение поехать в Москву пожить на квартире у сына, который собирался

в отпуск. Старец запретил. Боясь огорчить детей, женщина не послушалась и уехала. Квартиру ограбили, а женщину грабители убили.

Когда заболел брат Валентины Ивановны, она собралась ехать ухаживать за ним. Батюшка не дал ей благословения. После его кончины она все-таки не послушалась и отправилась к брату. В его второй семье Валентину Ивановну ждали большие скорби.

Однажды знакомая Валентины Ивановны просила старца благословить ее поездку в Москву. Батюшка не разрешил, но она все-таки уехала и попала в Москве под автомобиль.

Инокиня Нимфодора была свидетельницей того, как при ней женщина просила благословения старца поехать на свадьбу к племяннику, которого много лет не видела. Отец Стефан разрешил ехать с условием, чтобы до свадьбы она заехала помолиться у мощей преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре. Боясь опоздать на торжество, женщина ослушалась и сразу поехала к племяннику. Когда вернулась в Кисловодск, со слезами каялась старцу в своем непослушании: свадьба была нецерковная, шумная, закончилась безобразной пьяной ссорой и дракой.

Знакомая Веры Н. Д. просила у батюшки благословение на посещение святых мест. Все, что она наметила, старец одобрил, кроме Грузии.Несмотря на запрет, женщина решила заехать в Грузию, там заболела и, нигде не побывав, вернулась домой. Удрученная, она пошла к отцу Стефану. "Ну что, побывала в Грузии?" — спросил он ее. Та с плачем бросилась старцу в ноги[75].

Однажды, благословляя будущую матушку Раису, отец Стефан предупредил ее: "Раиса, если приедет семи-

нарист Владимир З. и будет просить твоей руки, ты ему не отказывай".

Владимир, будучи еще семинаристом, присмотрел себе невесту, дочь полковника. Он пришел к старцу просить благословения на женитьбу, но долго не смел сказать. В конце концов сам отец Стефан спросил его: "Зачем ты пришел? Езжай во Владикавказ. Там — вдова, у нее четыре дочери, там тебе жена". Вскоре Раиса переехала в Ессентуки, где встретилась с Владимиром и стала его женой.

Батюшка говорил ей: "Поживете, двоих детей наживете, живите целомудренно". По болезненности отец Владимир З. имел несколько раздражительный характер. Старец учил Раису терпеть его немощи, как он сам терпел свою болезнь. "Терпите оба со смирением, а награда будет одна",— утешал матушку иеросхимонах Стефан[76].

Несколько раз Иван пробовал устроить свою судьбу, но всякий раз отец Стефан отклонял его предложения. Наконец, ему приглянулась серьезная, спокойная, работящая и очень кроткая служительница Крестовоздвиженского храма на Минутке, Варвара Поликарповна. Иван Михайлович попросил ее зайти к отцу Стефану. Подойдя к старцу, Варвара услышала: "Благословляю, благословляю венчаться. Жить будете, как брат и сестра". Случай был особый: супруги оба были пожилыми людьми[77].

Одного семинариста батюшка благословил на монашеский путь, но тот не захотел его послушаться и женился, претерпев впоследствии много скорбей.

Молодая женщина овдовела и осталась с ребенком одна в доме мужа. Отношения со свекровью не склады-

вались, та выгоняла сноху на улицу. Отец Стефан советовал относиться к свекрови, как к матери, смиряться перед ней. Женщина старалась выполнить наставление старца, несмотря на то, что это было непросто, покрывала семейные неурядицы терпением. Впоследствии, по молитвам батюшки, она получила отдельную квартиру[78].

Антонина Михайловна А. из-за сложностей в семье оказалась в затруднительном положении. Отец Стефан посоветовал ей поменять квартиру в Тифлисе на квартиру в Кисловодске. По человеческим понятиям, это не представлялось возможным, но за молитвы старца одновременно появилось три варианта обмена[79].

Зинаида Ивановна Г. переехала из Георгиевска в Кисловодск в 1970 году, поступила на работу почтальоном. Около трех лет ей пришлось скитаться по чужим углам, поскольку получить квартиру было невозможно. Много огорчений было связано с полубездомной жизнью у посторонних людей. Однажды, заменяя заболевшую напарницу, она понесла корреспонденцию на улицу Свердлова, 5. Калитку открыла женщина, которую Зинаида Ивановна помнила по Георгиевску. Анна Степановна узнала почтальона, выслушала ее скорбный рассказ и предложила взять благословение у старца. В то время Зинаида в храм не ходила, но смутно осознавала, что предложение землячки было очень нужным и важным. Она вошла в келью отца Стефана: спинкой к ней стояло большое, глубокое кресло. Рядом с креслом, у окна, над чем-то работал простодушный круглолицый человек. Вдруг из глубины кресла раздался старческий тихий голос: "Зинаида, подойди ко мне". Обогнув кресло, женщина послушно подошла. "Наклонись, Зинаида. Бог тебя благословит, Бог тебя благословит",— дважды

повторил старенький священник, покойно сидевший в кресле. "Иди с миром". Зинаида Ивановна вышла из кельи с потеплевшей, растроганной душой, простилась с Анной Степановной и ушла. Через полгода вопрос с квартирой решился. Посещение старца забылось. Спустя два года, уже после кончины батюшки, Зинаида Ивановна нечаянно встретила на улице Анну Степановну, которая поинтересовалась ее судьбой. Прощаясь, Анна Степановна спросила у землячки ее имя. Зинаида удивилась вопросу, поскольку была уверена, что Анна Степановна хорошо его знала, раз представляла ее старому батюшке. Оказалось, Анна Степановна никогда не знала, как звали почтальона, и ее имя было открыто отцу Стефану Духом Святым[80].

В середине 1960-х годов в двери беленького домика у Кабан-горы постучали. Ирина Никитична доверчиво открыла дверь. Внезапно, сваливая ее с ног, старушку потащил, закружил какой-то пестрый вихрь. Оказалось, в дом ворвалась толпа цыган. С гортанным, хриплым смехом цыгане влетели в келью старца. Некоторые из них с криками угрожали ему и даже подняли на батюшку руку. Стефан молча крестился и молился. Так же неожиданно цыгане скрылись, производя невероятный шум. Перепуганная Ирина Никитична побежала к соседям. Оказалось, что в окрестностях никто цыган не заметил. Люди взволновались за жизнь чтимого старца. Что было это за странное посещение? Не бесовское ли нашествие? Батюшка Стефан молчал[81].

Екатерина Георгиевна Моздокели впервые пришла к иеромонаху Стефану со своей тетей, Саррой Николаевной Тамбиевой, в 1958 году. Узнав о том, что Екатерина работала в школе преподавателем французского языка,

батюшка предупредил ее о необходимости разумной осторожности в поведении, успокоив при этом, что атеистической пропагандой ей заниматься не придется. В супруги Кате отец Стефан предложил хорошего юношу, будущего священника, но она отказалась, зная о том, каким преследованиям подвергалось в те годы духовенство. Через некоторое время девушка вышла замуж по собственному выбору, вскоре мужа сбила машина, и молодая вдова осталась одна с двумя детьми на руках. Семейную трагедию Екатерина Моздокели воспринимает, как результат собственного малодушия и своеволия.

Во время одной из бесед Катя пожаловалась старцу на то, что она злая. Помолчав, батюшка медленно ответил: "В молодости и я был злой". Заботясь о духовном воспитании девушки, иеромонах Стефан часто предлагал ей для чтения книги, много рассказывал, используя примеры святых отцов.

Особенно любил старец Нерукотворный образ Спасителя. Поэтому Екатерина постаралась найти его для батюшки, чем обрадовала его несказанно[82].

Монахиня Сергия Клименко еще в юности обратила внимание на серьезное отношение отца Стефана к вопросам церковной дисциплины. В начале 1920-х годов после исповеди у старца, прощаясь с ним, она попросила благословения для своей родственницы. Отец Стефан озадачил ее вопросом, просила ли сама родственница благословить ее. После этого эпизода Татьяна Ивановна, как звали в миру мать Сергию, была внимательнее и осторожнее. Передавать другим сказанное духовным отцом на исповеди или в беседе было строжайше запрещено.

"В беседе отец Стефан был очень воздержан. Он часто предостерегал, чтобы не рассказывали о чужих грехах"[83].

Все свои радости и невзгоды старец принимал, как от руки Господней. Покорность Богу определяла его послушание Матери-Церкви, верность церковным канонам. Когда братия задали отцу Стефану вопрос о том, как относиться к почитанию святого Иоанна Кронштадтского, он ответил: "Без сомнения, он свят, но до тех пор, пока Русская Православная Церковь не прославит его официально, мы не можем прославлять его, как святого, а имеем право только служить по нему панихиды"[84].

Глубокое почтение отца Стефана к личности батюшки Иоанна Кронштадтского укрепилось рассказом его духовной дочери, Екатерины Васильевны. Во время блокады Ленинграда она оставалась в городе. От страшного голода опухла. Единственная надежда спастись была в эвакуации с партией грузовых машин. Однако ни сил дойти до места отправления, ни уверенности в том, что ее возьмут, не было. Тем не менее Катя поползла вдоль железной дороги, под вагонами, чтобы сократить путь. Ей встретился благообразный старчик с санками. Склонившись, он спросил у нее: "Деточка, куда ты ползешь?" Задыхаясь от изнеможения, девушка ответила. Старичок помог ей устроиться на саночках и как-то очень скоро довез до станции отправления транспорта из Ленинграда. Машины были облеплены отчаявшимися людьми. Мужчины грузили детей. Как только появились санки с Екатериной, один из мужчин потребовал, чтобы толпа расступилась, и поднял девушку в кузов грузовика. Передав ее с рук на руки, старчик незаметно скрылся. Катя

была спасена. С тех пор протекло много лет. Однажды в гостях она увидела на столе в рамке портрет своего спасителя. Им оказался праведный старец Иоанн Кронштадтский[85].

Бывало, что духовные чада отца Стефана заводили беседы о безбожной власти, о ее богоборческом характере. Батюшка не поддерживал подобные темы, считая, что все, что случилось и случалось с Россией и русским народом, было попущено Богом, что всем и во всем в мире руководит Господь[86].

Отца Филиппа Устименко часто переводили с одного прихода на другой. Он спрашивал совета у старца, как вести себя. "Не лезть на рожон, никуда не уезжать из епархии и никуда самому не проситься, потому что успеха не будет. Все терпеть с молитвой и рассуждением, твердо стоять в истине",— отвечал батюшка. Во время исповеди отец Стефан не был суровым, призывал крепче молиться, укреплять веру. Слушая грехи молодого священника, он снисходительно повторял: "Молодость, молодость". Служил отец Стефан, не выставляя себя, не навязывая монастырский устав, но все, что опускалось в богослужении, восполнял у себя в келье. Касаясь отношений с властями, батюшка был тверд и единомыслен с владыкой Антонием Романовским: он не допускал никаких соглашательств с властями и считал достаточным внешнее подчинение гражданским законам и церковным правилам[87].

Отец Матфей особенно отмечает, что старец никогда не позволял себе никаких эффектов на службах. Он служил мерно, ритмично, спокойно. Так же просто, ритмично читал. Служение отца Стефана можно сравнить с ровным пульсом духовно здорового человека. Пропове-

ди батюшки говорил редко и очень кратко, делая особенный упор на примеры глубокого покаяния[88].

Во всем, особенно в богослужении, иеросхимонах Стефан следовал тому, что заповедали святые отцы, не допуская никаких новшеств, относясь с исключительной серьезностью к богослужению[89].

По любви к своим чадам он задолго до службы приходил в храм, чтобы успеть вынуть за каждого частицу из просфоры на проскомидии. Для него это был вопрос принципиально важный. Когда старца спросили, можно вынимать общую частичку за многих, он возразил: "Нет, частичку нужно вынимать за каждое имя отдельно". В алтаре батюшка совершал все чинно, благоговейно, молча. Молча совершал проскомидию, обязательно вынимая отдельную частицу за душу каждого человека. Однако в большие праздники, когда нужно было прочесть горы записок, иеросхимонах Стефан допускал чтение первых четырех имен каждой записки "со сродниками". Но это не было правилом[90].

На службу батюшка приходил пораньше и, отдыхая, сидел на лавочке во дворе церкви, напротив Кольца-горы. Его с любовью окружали дети, которым он что-нибудь рассказывал, и ребятишки радостно смеялись.

В алтарь старец входил медленно, робко, с благоговейным трепетом и страхом Божиим как в Святая Святых. Он скромно проходил в уголок, стоял молча, замечания делал крайне редко. Иногда мог шутливо погрозить пальцем алтарнику или приставить палец к губам в знак необходимости соблюдать тишину.

На службе батюшка молча плакал, незаметно отирая слезы. Весь облик иеросхимонаха Стефана, как святого угодника Божия, вызывал невольный трепет и

своей надмирной чистотой, тихостью служил живым обличением и укором для тех, кто не мог выбраться из житейского плена[91].

Дома, после чтения Евангелия и Псалтири, отец Стефан очень долго поминал. Когда на службе приходилось делать замечания пономарям, старец обращался к ним потихоньку, шепотом, либо откладывал наставление до окончания богослужения, если это было возможно. На литургии молился в благоговейном молчании, не позволяя себе разговоров. Он стоял прямо, как струна, не делая ни одного лишнего движения и жеста. Однако, если кто-либо из служивших, будь то священник или диакон, обращался к нему с вопросом по службе, даже во время Евхаристического канона, батюшка кратко, со смирением, обязательно отвечал, не показывая свое углубление в молитву[92,93].

Когда батюшка Стефан служил в станице Архонская, он всегда просил всех, кроме служащих, выйти из алтаря во время Евхаристического канона[94].

С большим разбором иеросхимонах Стефан относился к тайным постригам в миру. Как-то раз с просьбой о постриге к нему обратились две женщины из Баксанской станицы. Старец спросил у них, вкушают ли они мясное, не приходится ли им оставлять молитвенное правило. Узнав, что они часто опускали правило и продолжали есть мясо, он отклонил их просьбу, поскольку к монашеству нужно готовиться. Только когда батюшка хорошо знал душу человека, он разрешал постриг, чтобы не было посмеяния монашеству. На духовный брак молодых людей не благословлял.

Следуя святоотеческому руководству, батюшка советовал выбирать в духовные отцы того, кому полностью

раскроется сердце: это единственное, что имеет право совершить монах по своей воле. Особенно следует обращать сердце к смиренным, благоговейным священникам.

Для чтения отец Стефан рекомендовал жития святых, творения святых отцов церкви, подчеркивая особенную важность для современного монашества трудов епископа Игнатия[95].

Молодым монахам, будущим священникам, пастырям отец Стефан рекомендовал как можно больше читать святоотеческих творений в молодости, когда ум еще не замутнен лишней информацией и впечатлениями. Особенно дороги ему были сочинения преподобного Исаака Сирина и святителя Игнатия Брянчанинова. Он полагал, что книги и наставления великих отцов древности сделались почти невозможными для практического делания нынешнего нищего, немощного поколения. Идеальным духовным руководством батюшка считал книги епископа Игнатия, который сумел сочетать глубокий опыт высокого внутреннего подвига древних отцов с пониманием меры современного обнищавшего, обессиленного человека.

Самыми близкими его небесными ходатаями были: апостол и евангелист Иоанн Богослов, праведный Лазарь, друг Божий и святой Симеон Богоприимец. Он советовал молиться им чаще, поскольку их прошения особенно скоро будут услышаны Господом[96].

В 1969 году студент семинарии Троице-Сергиевой лавры, будущий епископ Алипий, вместе с близкими друзьями посетил иеросхимонаха Стефана. По своему обыкновению, старец встретил их входной молитвой "Достойно есть", после чего братия подошла к нему под благословение. Отец Стефан был одет в серенький подрясник, маленькую схимку и схимническую скуфейку.

Монашествующих он особо учил во всем отсекать свою волю, не позволял оставлять по собственному желанию никакое монастырское послушание. Общение с батюшкой было большим духовным укреплением для молодых людей. После встречи с ним они обретали крылья.

В конце 1960-х годов в Журнале Московской Патриархии появилось много публикаций на тему подготовки к Восьмому Вселенскому Собору церквей. Поднимались вопросы о сокращении и полной отмене постов, о разрешении вдовым священникам вступать во второй брак, о переводе церковного календаря на новый стиль, о переводе богослужебных текстов с церковно-славянского на русский язык и прочее. Молодые монахи были очень обеспокоены этим и спрашивали совета старца, как им поступать в случае нарушения церковных канонов.

Батюшка Стефан ответил, что нужно самим твердо стоять в истине, но ни в коем случае своевольно не уходить из монастыря до тех пор, пока их не будут гнать в спину, чтобы не проявлять своеволия. Брать на себя подвиг пустынножития в горах он не советовал. Батюшка Стефан считал, что в случае крайней необходимости монахам предпочтительнее оставаться в больших городах, современной пустыне нашего столетия, из-за того, что здесь минимально приходится заботиться о внешнем[97].

"Никому ни в коем случае никаких пустынь,— говорил старец одному из семинаристов.— Теперь горы не могут быть пустынным местом. Всюду туристы, нет тишины, уединения. В больших городах, где люди месяцами не встречаются, живя на клетке одного этажа, теперь больше возможности для уединения".

Монахам, живущим в миру, батюшка предлагал следующее правило: "В 4 часа утра совершить утренние молитвы, полунощницу, утреню, прочесть Евангелие и Апостол. В 7 часов утра — к ранней литургии. Обязательно бывать на службе в праздничные, полиелейные дни. В 15 часов вычитать девятый час, вечерню, монашеское правило. Поужинать следует до чтения вечерних молитв".

На вопросы об Иисусовой молитве иеросхимонах Стефан почти не отвечал, но советовал внимательно изучать творения святителя Игнатия Брянчанинова, которыми сам руководствовался.

Однако предлагал определенный ритм в Иисусовой молитве: уложить сто Иисусовых молитв в тридцать минут. Во всем, что касается духовной жизни, особенно в молитве, должно хранить меру[98].

Старец никогда сразу не отвечал на вопрос, но молчал, долго внутренне молился, испрашивая волю Божию. За это время Симеон Иудович успевал дать множество противоречивых советов. Батюшка мягко останавливал его: "Ну, Симеон, подожди". В каждом человеке отец Стефан глубоко чтил образ Христов и потому никогда никого не осудил, не оскорбил, не проявил малейшего неуважения. Слыша о недостойных поступках человеческих, особенно если это касалось духовенства, он молча скорбно рыдал.

Горячая, порывистая, остро чувствующая чужую боль, Вера Петровна Бородинова (монахиня Надежда) тяжело переживала проблемы церкви. Она старалась творить добро и часто с горечью обличала недостойное поведение отдельных священников. Во время хрущевских гонений,

по чрезмерному усердию перед властями, многие священники отказывались причащать детей в отсутствие их родителей. Со слезами рассказывала Вера Петровна об этом старцу, даже пробовала жаловаться митрополиту. Понимая тщетность ее борьбы и жалея женщину, отец Стефан останавливал ее: "Бросьте их. Пусть делают, что хотят". Напротив, его друг, старец-протоиерей Иоанн Мешалкин, советовал бороться до конца: "Говорите, не молчите! Если Вы не тронете их, другой, третий не тронет, кто же остановит зло? Надо защищать церковь. Бейте их до конца".

В 1960-е годы много спорили о переходе на григорианский (новый) стиль в церкви. Знакомый ставропольский священник Веры Петровны настаивал на неизбежной необходимости нового календаря, объясняя свою позицию "учеными" рассуждениями о том, что с изменением ритма вращения земли меняется астрономическое время. Не в состоянии возразить ему "научно", Вера упорно не принимала доводов священника. С огорчением рассказала она о споре старцу. "Головы у них закружились,— сурово ответил батюшка.— Если введут и будут служить по новому стилю, ни в коем случае в храм не ходите". Огорчали отца Стефана и резкие сокращения в богослужении[99].

Отец Алипий с другом спрашивали у батюшки, как вести себя, если все станут переходить на новый стиль. "Не все, даже и архиереи, перейдут на новый стиль, но будут придерживаться старого. Надо будет держаться тех, кто останется верен православию",— отвечал иеросхимонах Стефан[100].

Старец часто повторял: "Пока есть возможность, ходите в храм. Придут времена, когда в церковь ходить будет нельзя. Церковь вновь уйдет в катакомбы. Но

Господь не оставит Своих верных рабов. Останутся истинные иереи и архиереи, которые тоже уйдут в катакомбы и будут причащать людей. Начнется страшное смятение. Народ побежит в разные стороны, но вы дальше Пятигорска не уходите"[101].

В 1970-е годы, незадолго до кончины, старец Стефан, отвечая на вопрос "совопросника века сего", говорил, что примерно по прошествии двадцати лет вновь начнутся гонения на Святую Церковь. Верующие станут уходить из центральных городов в три этапа: вначале добровольно, затем принудительно, а последних уже не выпустят. Уходить нужно первыми, сразу, ничего не жалея[102].

Услышав любопытный вопрос внука, успеет ли он дожить до антихриста, батюшка заплакал: "Ты хочешь дожить до антихриста?"[103]

В памяти внука старца Стефана запечатлелся замечательный случай: будучи в особом духовном состоянии, он увидел родной дом в станице. Дом был угловым и стоял на пересечении улицы с небольшой канавкой. За канавкой, на пригорке, тихо беседовали два преподобных отца. В одном из них он узнал преподобного Сергия Радонежского, а в другом — дедушку, иеросхимонаха Стефана. Речь шла о его судьбе[104].

Иеросхимонах Стефан Игнатенко поистине являл собой образец твердой веры и христианского благочестия, нелицемерные смирение и кротость, он учил воздержанию во всем и, что самое главное в духовной жизни,— рассуждению. Его жизнь по евангельским заповедям оправдывала доверчивую, живую любовь и веру батюшки к Спасителю, его пламеневшую молитву. Оттого так точно исполнялись слова старца, что сердце его было омыто и очищено покаянным плачем, ум ясен и твердо

воспитан в традициях святых отцов, непреклонна воля, прозрачно и чисто духовное зрение. Успение отца Стефана стало его рождением в Вечность.

Источники и библиография

1. Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. II.— М., 1993. С. 267.

2. Воспоминания Ивана Михайловича Тарасова. 1995.— Архив сост.

3. Воспоминания игумена. 1995.— Архив сост.

4. Воспоминания епископа Алипия. 1996.— Архив сост.

5. Монахиня Сергия Клименко. Минувшее развертывает свиток... М., 1998. С. 30.

6. Воспоминания Е. И. Т. 1998.— Архив сост.

Воспоминания митрофорного протоиерея Вячеслава Попова. 1998.— Архив сост.

7. Воспоминания архимандрита Матфея. 1998.— Архив сост.

8. Воспоминания Е. И. Т. 1997.— Архив сост.

9. Воспоминания игумена.

10. Воспоминания арх. Матфея. Воспоминания протоиерея Вячеслава Попова.

11. Воспоминания еп. Алипия.

12. Воспоминания игумена.

13. Воспоминания Ивана Михайловича Т.

14. Воспоминания игумена.

15. Там же.

16. Воспоминания Марии Петровны Сахаровой. 1995—1996.— Архив сост.

17. Воспоминания игумена.

18. "Минувшее...". С. 61—62.

19. Воспоминания игумена.

20. Воспоминания Х.

21. Воспоминания протодиакона Петра Григорьевича Забары. 1995.— Архив сост.

22. Воспоминания Ольги И. 1995.— Архив сост.

23. Воспоминания монахини Людмилы. 1991.— Архив сост.

24. Воспоминания Елены Ивановны Волгиной. 1995.— Архив сост.

25. Воспоминания Х.

26. Воспоминания еп. Алипия.

27. Воспоминания Е. И. Т. 1997.— Архив сост.

28. Воспоминания еп. Алипия.

29. Воспоминания игумена.

30. "Минувшее...". С. 64.

31. Воспоминания Е. И. Т.

32. Воспоминания еп. Алипия.

33. Воспоминания Антонины Михайловны Абрамовой. 1995.— Архив сост.

34. Свят. Игнатий. Т. II. С. 259.

35. Воспоминания Веры Николаевны Доценко. 1991—1997.— Архив сост.

36. Воспоминания протод. Петра.

37. Воспоминания игумена.

"Во время сна человеческого состояние спящего человека устроено Богом так, что весь человек находится в полном отдохновении... Таким образом сновидение, само по себе, не может и не должно иметь никакого значения... От внимания к сновидениям непременно вкрадывается в душу доверие к ним, и потому самое внимание строго воспрещается..." — Св. Игнатий Брянчанинов. Приношение современному монашеству.— Сергиев Посад, 1991. С. 346—350.

Святые отцы признают, что есть сны естественные, есть от врага и есть от Бога. Но немощным, чтобы не прельститься, лучше вообще не принимать их.

38. Воспоминания Ивана Михайловича Т.

39. Воспоминания Нины Андреевны Киракосян. 1995.— Архив сост.

40. Воспоминания М. П. Сахаровой.

41. Воспоминания прот. Алексия. 1991.— Архив сост.

42. Воспоминания игумена. Воспоминания Е. И. Т.

43. Воспоминания еп. Алипия.

44. Воспоминания матушки Галины Плотниковой. 1995.— Архив сост.

45. Воспоминания отца Николая Финева. 1995.— Архив сост.
46. Воспоминания псаломщика Феодора Тимофеева. 1991.— Архив сост.
47. Воспоминания Ольги И.
48. Воспоминания монахини Людмилы.
49. Воспоминания Ивана Михайловича Т.
50. Воспоминания Анны Николаевны Д. 1995.— Архив сост.
51. Воспоминания Евгении Владимировны. 1995.— Архив сост.
52. Воспоминания Нины Ивановны Д. 1995.— Архив сост.
53. Воспоминания Евдокии. 1996.— Архив сост.
54. Воспоминания Е. И. Волгиной.
55. Воспоминания Екатерины И. К. 1995.— Архив сост.
56. Воспоминания Нины Филипповны Матвеенко. 1995.— Архив сост.
57. Воспоминания Валентины Ивановны Кусковой. 1995.— Архив сост.
58. Воспоминания Агафьи Феодоровны Сачковой. 1995.— Архив сост.
59. Воспоминания монахини Надежды (Веры Петровны Бородиновой). 1997.— Архив сост.
60. Воспоминания Х.
61. Воспоминания Людмилы Сергеевны Крамаровой. 1997.— Архив сост.
62. Воспоминания протоиерея Филиппа Устименко. 1996.— Архив сост.
63. Воспоминания прот. Алексия.
64. Воспоминания Х.
65. Воспоминания Е. И. Т.
66. Воспоминания монахини Андроники (Матроны Ивановны Пискаревой). 1997.— Архив сост.
67. Воспоминания С. А. Ш 1995—1997.— Архив сост.
68. Воспоминания о. Николая. Воспоминания Ивана Михайловича Т.
69. Воспоминания Евдокии. Воспоминания А. М. Абрамовой.
70. Воспоминания Нины И. Д.
71. Воспоминания Анны. 1996.— Архив сост.
72. Воспоминания Ольги Федоровны Щербаковой. 1995.— Архив сост.

73. Воспоминания Х. Воспоминания Елены Федоровны Подуст. 1997.— Архив сост.

74. Воспоминания Веры Ивановны Д. 1997.

75. Воспоминания инокини Нимфодоры (Марии Ивановны Грачевой). 1995.— Архив сост.

76. Воспоминания Григория Федоровича и Полины Николаевны Городецких, матушки Раисы Знаменской. 1995.— Архив сост.

77. Воспоминания Ивана Михайловича Т.

78. Воспоминания Евдокии.

79. Воспоминания А. М. Абрамовой.

80. Воспоминания Зинаиды Ивановны Григорьевой. 1995.— Архив сост.

81. Воспоминания Е. И. Т. 1997.— Архив сост.

82. Воспоминания Екатерины Георгиевны Моздокели. 1998.— Архив сост.

83. "Минувшее...". С. 54.

84. Воспоминания еп. Алипия.

85. Воспоминания Е. И. Т.

86. Воспоминания игумена.

87. Воспоминания прот. Филиппа.

88. Воспоминания арх. Матфея.

89. Воспоминания Ивана Михайловича Т.

90. Воспоминания игумена.

91. Воспоминания митрофорного протоиерея Вячеслава Попова. 1998.— Архив сост.

92. Воспоминания Ивана Михайловича Т.

93. Воспоминания игумена.

94. Воспоминания арх. Матфея.

95. Воспоминания еп. Алипия, воспоминания игумена.

96. Воспоминания Е. И. Т.

97. Воспоминания игумена.

98. Воспоминания мон. Надежды.

100. Воспоминания игумена.

101. Воспоминания Е. И. Т.

102. Воспоминания Х.

103. Воспоминания игумена.

104. Там же.

Святым древним подражавшии и от Бога благодатию обогатившиися, помогайте нам, чадом вашим, присно восхваляющим вас, яко Божиих угодников

Канон молебного пения Всем святым,
в земле Русской просиявшим.
Творение епископа Афанасия Сахарова.

И ПО СМЕРТИ ЖИВОЙ...

"Рано-рано весной" 1973 года иеросхимонах Стефан (Игнатенко), великий кавказский старец, перешел из земной юдоли в небесные покои. Осиротели и разлетелись по дальним сторонам его чада. Казалось бы, остались одни воспоминания. Но светильник его жизни в Вечности, очищенный от копоти человеческих немощей, засиял еще ярче, еще светлее. "Иному уставу последует Божественная благодать, она сопутствует в загробную область стяжавшему ее здесь"[1]. Во время похорон чада отца Стефана пережили Пасху. После похорон они потянулись к нему на могилку так же доверчиво, как прежде в белый домик у Кабан-горы. Пошли со своими скорбями, жизненными передрягами, горестями и неудачами. На кладбище у батюшки чувствуют себя, как в Царстве Божием: приходят с горем, а уходят с миром сердечным, со светлой радостью.

Благочестивая супружеская пара Х. чтила батюшку Стефана и часто посещала старца. Узнав о его кончине,

супруги заказали хорошей рыбы для поминок. Настал час отъезда, но ехать приходилось с пустыми руками: купить было нечего. Расстроенные, они уже садились в автобус, как вдруг их близкий знакомый перед самым отправлением принес целый мешок прекрасной вяленой рыбы. Однако на этом огорчения почитателей иеросхимонаха Стефана не окончились. Пересаживаясь с одного автобуса на другой, второпях жена забыла в машине сумку с документами, деньгами и ключами. Опечаленные возвращались супруги домой после похорон дорогого старца. Пока ждали на автостанции рейсовый автобус, заметили, как в одной из подъехавших машин мелькнуло лицо знакомого им водителя.

Муж бросился к нему. Узнав пассажиров, водитель вернул ему надоевшую за долгое время сумку, забытую в автобусе. Так батюшка утешил своих почитателей[2].

В 1973 году Анна Нефедьевна Мирошниченко служила ризничей в храме во имя святителя Николая в Ессентуках. Ее трехлетняя внучка от пережитого испуга сильно заикалась, что, конечно, огорчало ее родных. Сестра Анны часто бывала у старца Стефана и посоветовала ей поехать на могилку батюшки, помолиться о своей внучке. Таксист от вокзала охотно довез сестер до кладбища и помог найти нужную им могилу. Помолившись, вернулись домой. Ночью Анна Нефедьевна в тонком сне услышала: "А мощи-то живые". Несколько раз бывала она после этого у старца вместе с больной девочкой. Однажды погода выдалась ветреная, была сильная метель. В Кисловодск бабушка с внучкой выехали, отстояв раннюю литургию. Пока добрались, погода изменилась, потеплело. До могилки с трудом дошли из-за сугробов. Обе, и внучка, и бабушка, плакали. Девочка припала к

снежному холмику... Неожиданно она подняла головку и весело сказала: "Бабушка, я же разговариваю!" Заикание у девочки прекратилось[3].

До 1974 года Р. А. К. слышала о старце Стефане, но никогда не бывала у него. Ее сын был тяжело болен: до двенадцати лет он страдал недержанием мочи. Врачи не могли помочь. Постоянные неудобства, связанные с заболеванием, насмешки товарищей тяжело травмировали мальчика. Его бабушка, мать Р. А. К., была прикована к постели. Бедная женщина измучилась как от постоянного душевного напряжения, так и от необходимости ухаживать одновременно за двумя больными людьми. Когда появилась возможность, она попробовала отправить сына в пионерский лагерь, надеясь получить небольшую передышку. Вскоре мальчик стал упрашивать ее забрать его из лагеря: замучили издевки товарищей. В отчаянии Р. А. К. кинулась в церковь, где ей посоветовали отслужить заупокойную литургию за иеросхимонаха Стефана. Трижды она заказывала литургии, помазывала сына маслом из лампады на могиле старца, и болезнь оставила мальчика. Он вырос, получил высшее образование, устроил свою семейную жизнь. Когда бывает в Кисловодске, обязательно навещает могилку батюшки, испрашивая у него благословение на дальнейшее.

Сын певчей В. А., сестры Р. А. К., возвращался с Урала в родной Кисловодск. Их большая семья из пяти человек помещалась в малогабаритной квартире, поэтому в прописке сыну было отказано. По совету сестры В. А. стала постоянно поминать отца Стефана на литургии. После этого сын вторично пришел в паспортный стол, но больше осложнений с пропиской не было: узнав

о том, что он был профессиональным водителем, его оставили в городе.

Послушник Андрей из Кисловодска с друзьями вечером решил поклониться могиле старца Стефана. В темноте они ясно видели, как от могилы исходил тонкий луч света наподобие свечи.

Жители Кисловодска настолько верят в помощь молитв иеросхимонаха Стефана, что прибегают к нему не только в скорбях, но и в самых будничных делах: собирая урожай, просят благословения, умиряя мелкие домашние ссоры, просят заступничества.

Сын одной из кисловодчанок был направлен проходить службу в город Грозный во время тяжелой осады в 1994—1995 годах. Мать измучилась от страха за его судьбу и стала поминать отца Стефана на каждой литургии, умоляя его спасти юношу. Сын вернулся невредимым.

Р. А. К. предлагали перейти из хора Крестовоздвиженского храма на Минутке в Никольскую церковь. Уходить ей не хотелось, поскольку из-за слабого знания устава она боялась не справиться с управлением хора. Р. А. продолжала служить псаломщицей на Минутке. Приглашение все-таки ее смущало, и однажды она подошла к чудотворной иконе Богоматери "Скоропослушница" с просьбой разрешить сложный для нее самой вопрос. Нечаянно на псаломщицу пролилось масло из лампады перед иконой Божией Матери. Приближалось Рождество Христово. В самый день праздника Р. А. К. уволили из Крестовоздвиженской церкви. Расстроившись, она пошла поделиться своей обидой с отцом Стефаном. Одновременно с ней пришли поклониться в светлый праздник старцу и прославить Христа на его могиле

протоиерей Владимир Знаменский с сыном, тогда иереем Иоанном. Отслужив панихиду по батюшке, успокоившись, Р. А. пела. Вскоре ей позвонил отец Иоанн и пригласил служить регентом в храме во имя святителя Николая. Она согласилась[4].

В одну из годовщин кончины иеросхимонаха Стефана его внук приехал послужить панихиду на могиле дедушки. Во время пения шестой песни в ограду могилы вошел незнакомый мужчина. После панихиды он представился, назвал себя Павлом, сказал, что живет в Георгиевске. У него на шее, почти в затылочной части головы, образовалась крупная раковая опухоль. Он боялся делать операцию и поехал помолиться на могилу старца Стефана. Молясь однажды со слезами, в печали забыв о времени, он не сразу заметил, что одежда на плече намокла. Оказалось, опухоль прорвалась и опала, из нее вытекло много жидкости. Постепенно рана совсем затянулась. С тех пор Павел посещает могилку батюшки ежегодно в день его кончины[5].

В марте 1975 года, во время дежурства одного из отделений милиции города Кисловодска, сотрудником этого отделения была совершена кража. Его сослуживцы скрыли преступление, поэтому на всех работников отделения было заведено уголовное дело. Всех шестерых уволили с работы, в течение долгого расследования все шестеро были под следствием. За два дня до суда им всем вручили обвинительные заключения. Виновнику — как совершителю кражи, пятерым — как соучастникам и укрывателям преступника. Одна из пятерых, Р., немедленно поехала с мамой на могилу к отцу Стефану. Обе плакали, молились, просили батюшку о помощи. На следующий день Р. поехала на кладбище уже одна и вновь

со слезами просила старца простить ее и помолиться о них обо всех.

Наступил день суда. В назначенный час пятеро обвиняемых пришли в здание суда с обвинительными заключениями и сразу прошли на скамью подсудимых. Судья предложил им выйти из зала и подождать в приемной. В недоумении они оставили зал суда, к ним вышла женщина секретарь и удивленно спросила, для чего они заняли скамью подсудимых, если были записаны как свидетели, а не обвиняемые. Все пятеро сотрудников отделения милиции были потрясены: этого не должно было быть. Сразу же после окончания судебного разбирательства Р. бросилась на кладбище благодарить иеросхимонаха Стефана.

Мама Р. часто бывала у отца Стефана при его жизни. Часто он заранее предупреждал ее о приезде дочери с учебы из другого города. Поздно ночью мама выходила встречать девушку на шоссе, чем немало удивляла дочь, которая не предупреждала о своем появлении. Через маму старец передавал девушке, чтобы она бросила курить. Сама Р. никогда не посещала батюшку.

Однажды, в первый день Пасхи, Р. со знакомыми отправилась на кладбище помянуть усопших родственников. По обычаю, друзья немножко выпили. Перед уходом Р. решила поклониться дорогой могилке отца Стефана. Часто бывая там, она, разумеется, прекрасно знала дорогу к ней, но в этот раз, обойдя все кладбище, не смогла узнать могилу. Женщина поняла, что ее молитва в этот раз была неугодна Богу и неприятна батюшке. Через день она вновь пошла на кладбище и легко нашла могилку старца[6].

Дочь одной из почитательниц отца Стефана отказывались прописать к матери. По совету духовной дочери

батюшки она стала постоянно поминать иеросхимонаха Стефана на литургии, и более никаких препон для прописки не стало[7].

Михаил с невестой решили перед свадьбой испросить благословение старца Стефана. Они долго и безуспешно пытались найти его могилу. Наконец, жених оставил невесту с тяжелыми вещами и решил один продолжить поиски. Он наклонился поправить развязавшийся на ботинке шнурок и неожиданно с радостью заметил, что оказался прямо против могилки батюшки[8].

Клавдия Ивановна Моисеева долгое время страдала нестерпимыми головными болями. Проводив отца Стефана в последний путь, она совершенно исцелилась от них.

У монахини Людмилы, по молитвам иеросхимонаха Стефана, которого она глубоко чтит, рассосалась раковая опухоль в области глаза[9].

Подруга Мелании Никитичны П., Анна, была тяжело больна и с трудом передвигалась. Мелания Никитична посоветовала ей принять участие в похоронах иеросхимонаха Стефана и попросить у него святых молитв. Анна послушалась ее слов, с трудом, но проводила батюшку в последний путь. После похорон отца Стефана она встала на ноги и окончательно окрепла[10].

Женщина, живущая недалеко от кладбища, взяла на себя подвиг ежедневно приводить в порядок могилу старца, зажигать лампаду. С тех пор, как она начала это делать, женщина никогда не испытывала острой нужды, несмотря на то, что имела очень скромный доход[11].

Помощник машиниста на железной дороге, Петр Пархоменко из Минвод, часто после кончины батюшки

Стефана размышлял над тем, где находится в Царстве Божием старец. Во сне он увидел отца Стефана. По мягкой траве прекрасного луга иеросхимонах Стефан, светло улыбаясь сиявшему солнечному дню, шел навстречу Петру. Батюшка сказал: "Не сомневайся, у меня всегда солнышко".

Анна Степановна передавала рассказ одной из прихожанок старца. Во сне та увидела, как бесы пытались схватить ее, спасения от них не было. В последний момент из чудной обители вышел иеросхимонах Стефан и защитил женщину. "Она к нам ходила,— строго сказал отец Стефан злым духам.— Пропустите ее".

После кончины батюшки Анна Степановна увидела во сне, как к ней вместе с Симеоном Иудовичем пришел старец Стефан и наделил хлебом, символизирующим благодать Божию. Он вынул из-за пазухи булку, разломил ее на две неравные части и меньшую подал Симеону Иудовичу, а большую — Анне Степановне.

Задумав однажды ехать в Троице-Сергиеву лавру, Анна Степановна увидела во сне отца Стефана: он просил собрать все, что было в церкви на кануне, и отвезти в монастырь[12].

В 1978—1979 годах тяжело заболела мама Е. И. Т. Она уже приготовилась идти к врачу на консультацию. В ночь перед посещением доктора увидела во сне больницу, где переплеталось множество коридоров, в которых больные ждали приема. Мама стала спрашивать, кто принимает, ей ответили, что прием ведет отец Стефан. Имея неколебимую веру батюшке, женщина решила отложить посещение врача и, несмотря на плохое самочувствие, пошла на могилку дорогого старчика. После молитвы она почувствовала, что исцелилась.

В 1983 году во сне Е. И. Т. увидела дорогих ей усопших: отца Стефана, монахиню Нину и монахиню Сарру. Она ввела к ним в комнату девочку, которую воспитывала, но в растерянности не понимала, как рассказать о ее судьбе. Старец Стефан ласково обратился к Е. И.: "Это Катенька? Мы ее давно знаем". Е. И. спросила, отчего они собрались все вместе. Сарра Николаевна ответила, что поминали день ее кончины. Проснувшись, под живым впечатлением виденного, Е. И. Т. подбежала к календарю: действительно в тот день монахиня Сарра Тамбиева перешла в иной мир, и Мария Петровна Сахарова готовила поминальный обед.

Зимой 1988 года Е. И. Т. решала серьезный вопрос на работе и очень волновалась. Она поехала на могилу иеросхимонаха Стефана с молитвой к нему, чтобы он помог ей разрешить недоумения. После молитвы на родной могилке душа успокоилась. Перед уходом с кладбища решила со своими близкими друзьями зайти на могилу к монахине Нине. В сердце тревожно звучал голос батюшки: "Скорее уходите!" Смутившись, она поделилась тревогой со своими спутницами, которые немедленно хотели убежать. Но Е. И. упрямо решила навестить свою духовную мать. Пошли вперед, хоть и были уже настороже. Приподнимая ветви кустарника, обратили внимание на большие отпечатки мужских ботинок. До могилки оставалось несколько шагов, тревога все больше усиливалась. Неожиданно из-за памятника выскочил высокий мужчина и бросился на женщин. К счастью, они успели убежать от него[13].

Елена Михайловна И. из города Кисловодска свято чтит память старца Стефана и часто посещает его могилу, где находит утешение в своих скорбях.

В канун Святой Пасхи 1996 года утром она привычно пришла на могилку батюшки поделиться с ним своей тоской: дети разбросаны по другим городам, вновь приходилось в одиночестве встречать Светлый праздник. В ту же ночь прилетела дочь. Совпадение было так невероятно, что мать не могла прийти в себя от изумления. Оказалось, зятю неожиданно выплатили заработную плату сразу за три месяца, и дочь Елены Михайловны получила возможность навестить маму.

В 1995 году, по принятому в семье обыкновению, Елена Михайловна ждала в день своего рождения приезда детей из Калининграда. К ее огорчению, дети сообщили телеграммой о том, что на своем автомобиле собрались ехать в Голландию и поэтому не могли утешить мать приездом. Опечаленная предстоявшим одиночеством, Елена Михайловна отправилась к старцу Стефану. Она долго молилась, просила помощи в дороге детям и сердечного успокоения для себя.

По истечении некоторого времени Елена Михайловна получила письмо дочери, в котором та подробно рассказывала о пережитом во время поездки происшествии. На глухой лесной трассе, недалеко от границы, им блокировали дорогу с двух сторон две машины. Из автомобилей вышло шесть мужчин в черных масках. Гибель была неизбежна. Неожиданно дочь вспомнила детскую пасхальную игру крашеными яйцами, когда одно яйцо всегда остается невредимым. Супруги стали по очереди таранить то переднюю, то заднюю машину налетчиков. В чадном дыму и грохоте они не сразу поняли, что бандиты бежали. Их собственная машина осталась цела, исключая выбитое лобовое стекло. Таможенники едва поверили их рас-

сказу, поскольку это был первый случай, когда банда не справилась со своей жертвой.

Прочитав страшное письмо, Елена Михайловна собралась и побежала благодарить старца Стефана за молитвенную помощь детям.

Младшая дочь Елены Михайловны давно мечтала встретить Пасху в Иерусалиме у Гроба Господня, посетить все святые места. Вначале у нее все стало складываться удачно, но купить билеты в Тель-Авив перед Пасхой оказалось невозможным. Узнав об огорчении дочери, за три дня до праздника Елена Михайловна пошла на могилу отца Стефана и молила его о помощи. Вечером того же дня позвонил зять и сообщил, что его жена уже была на пути в Израиль. В течение месяца дочь жила в Иерусалиме и везде смогла побывать[14].

Многие жители не только Кисловодска, но и всего Северного Кавказа посещают могилу иеросхимонаха Стефана Игнатенко, изливают там свои печали и получают утешение. Подобно трогательному обычаю петербуржцев оставлять на гробнице блаженной Ксении записочки с различными просьбами, почитатели старца оставляют на могилке свои поминовения и записки с просьбами о помощи в тех или иных обстояниях.

Источники и библиография

1. Святитель Игнатий Брянчанинов. Т. IV. Аскетическая проповедь.— М., 1993. С. 181.

2. Воспоминания Х.

3. Воспоминания Анны Нефедьевны Мирошниченко. 1997.— Архив сост.

4. Воспоминания Раисы Александровны К. 1995.— Архив сост.

5. Воспоминания игумена. 1995.— Архив сост.

6. Воспоминания Р. Г. 1995.— Архив сост.

7. Воспоминания Марии Петровны Сахаровой. 1995.— Архив сост.

8. Воспоминания Х.

9. Воспоминания игумена.

10. Воспоминания Мелании Никитичны Пальцевой. 1995.— Архив сост.

11. Воспоминания Елены Ивановны Волгиной. 1995.— Архив сост.

12. Воспоминания игумена.

13. Воспоминания Е. И. Т. 1997.— Архив сост.

14. Воспоминания Елены Михайловны Измайловой. 1995—1996.— Архив сост.

ПИСЬМА ИЕРОСХИМОНАХА СТЕФАНА (ИГНАТЕНКО) МОНАХИНЕ СЕРГИИ (ТАТЬЯНЕ ИВАНОВНЕ КЛИМЕНКО)

1.

Дорогая м. С. Сердечный привет Вам от меня, а также и маме Вашей с пожеланием от Бога всяких благ. Получил я деньги, пересланные Вами через Ф. А., и письмо. Премного благодарен Вам за все это, но впредь не затрудняйте себя присылкой денег, так как у нас относительно средств дела поправились. Слава Богу! А письма пишите, буду рад и благодарен.

Здоровье мое неважно. Стал очень слаб. Все время прихварываю. Будем живы, может быть, по миновании войны увидимся с Вами.

С тем до свидания. Всегда помнящий Вас

И. С.

1943 г. 26 сентября.

2.

Дорогая Татьяна Ивановна! Сердечный привет Вам от меня, бабушек и Симеона, с пожеланием всяких благ от Господа. А также сердечный привет от меня маме Вашей и Людмиле с пожеланием им от Господа всяких благ. Письмо получили, за которое премного благодарны Вам. Относительно валенок не беспокойтесь. Бабушка очень извиняется, и ей шьют теплые бурки. На этих днях будут готовы. Здоровье ее стало лучше. Уже может кой-что по комнате работать. А мое здоровье так: то лучше, то хуже, в зависимости от питания, а также ходьбы.

Письмо передал по назначению, а Людмилу буду помнить. Со всяким благопожеланием к Вам всегда помнящий Вас

И. С.

1947 г. 23 января.

3.

Дорогая Татьяна Ивановна! Сердечный привет Вам от меня с пожеланием Вам от Господа всяких благ, а особенно здравия, а также привет от меня маме Вашей Татьяне, Серафиме и Людмиле с пожеланием от Господа всяких благ. За письма благодарю. Адрес наш Евд. В., пожалуйста, пошлите. Была у нас на днях София Димитриевна. Какая она слабенькая здоровьем, но бодрая духом, но как жаль, что мы до сих пор мало помогли ей в ея обстоятельствах, а почему — и не представляется возможности. Но продолжаем изыскивать возможность

помочь ей в полной мере, надеясь на милость Божию.

Относительно себя — все у нас по-прежнему, все пока слава Богу живы, а со здоровьем тоже все прихварываем. Погода у нас непостоянная. Снег потаял, но ровного тепла нет — то дождь, то ветер, то мороз. Но уже подготовляем грядки для посадки овощей.

С тем до свидания. Всегда помнящий Вас

И. Д. И. С.

1947 г. 17 марта

4.

Дорогие Татьяна Ивановна!.. и София Димитриевна!.. Поздравляю вас с Высокоторжественным праздником Воскресения Христова! ХВ!.. ХВ!.. ХВ!.. Молитвенно желаю вам встретить и провести дни праздника в добром здравии, духовной радости и благополучии. А также поздравляют вас с праздником Св. Пасхи бабушки и Симеон и крепко целуют. Х. В!..

Мы переехали на новое место жительства. Вот всего вторая неделя. Устанавливаемся на новых квартирах. Пока врозь по разным квартирам готовимся к празднику. Относительно здоровья по-прежнему. Мария Петровна почувствовала себя немного лучше на новом месте. Пишите, как Вы там поправляетесь после ушиба своего, а также как себя чувствует София Димитриевна. Всегда помнящий вас

И. Д.

30.04.1948

Новый адрес наш:

г. Дзауджикау, Водовозная № 32,

Капищевой Анне Гавриловне (для С.)

5.

Дорогая Татьяна Ивановна! С Дорогой Вашей мамой Татьяной! а также с Дорогой Софией Димитриевной!

Сердечный привет Вам от меня, Симеона, бабушек. Письмо я пишу с Кисловодска, где в данное время нахожусь на лечении печени. Мне делают промывание печени и тут же лечат лекарственными снадобьями. Ко мне приехал Симеон и привез Ваше письмо. На него я и отвечаю. Здоровье мое ничего, с прежними недомоганиями сердца и катара желудка. Недавно исследовали мне желудочный сок, и оказалось — большой недостаток кислот, всего 16 процентов. Предписали мне врачи лечение, и я лечусь. Успеха пока не вижу. А в дальнейшем — что Бог даст. Симеон послезавтра уезжает. Он приехал только навестить меня.

Я часто бываю у Анны Алексеевны. Она шлет Вам привет со всякими благопожеланиями. Я, наверное, еще пробуду недельки две здесь. Поехать Вам, Татьяна Ивановна, в Ленинград к Ксении я советую. Это было бы хорошо проведать ее. Относительно посылки не беспокойтесь. У нас теперь появилась эта овсяная крупа во множестве и здесь, в Кисловодске, тоже. Меня ??? этой кашицей целебной.

До свидания.

Ваш И. Д.
25 марта 1949 г.

6.

Дорогая о Господе Татьяна Ивановна!

Очень извиняюсь, что долго не отвечал на Ваше

письмо. За поздравление меня со днем моего ангела премного благодарен Вам. На Вашу просьбу коротко отвечаю Вам: лучше меня Вам пояснит Ваши недоуменные вопросы святой Игнатий Брянчанинов. Книги его у Вас, кажется, были. Почитайте, там все найдете нужное для Вас.

Нижайший привет Вам от меня и Симеона и Ирины Никитичны. Храни Вас, Господи, в добром здоровье и благополучии. Милостию Божиею все мы пока живы. Здоровьем по-прежнему прибаливаем. Погода у нас теплая, еще снегу не видели. А как у Вас? Ванюшка говорил мне о Вашем приезде к нам в Кисловодск, но, наверное, затруднение с квартирой имеется. Но он усиленно хлопочет об этом.

Со всяким благопожеланием к Вам

И. С.

7.

Христос Воскресе!

Дорогая о Господе Татьяна Ивановна!

Я и Симеон и Ирина Никитична поздравляем Вас с Высокоторжественным праздником Светлаго Христова Воскресения и молитвенно желаем Вам от Господа встретить и провести святой праздник в добром здоровье, духовной радости и благополучии. Молимся о Вас, чтобы Господь даровал Вам скорей поправиться и совершенно окрепнуть здоровьем.

Всегда помнящий Вас

И. С.

8.

Здравствуйте Татьяна Ивановна!

Письмо Ваше получили и благодарны за внимание к нам, и вторая часть была передана по назначению сразу. Но вот с ответом мы как-то не умеем торопиться, уж простите. Конечно, сожалеем и глубоко сочувствуем Вашего ослаблению здоровья, мы и всегда поминали болящую, а теперь я, например, отдельно останавливаюсь над этим именем. Как видите, мы Вас никогда не забываем, подкрепляйтесь и поправляйтесь. Дай Бог, чтобы Господь продлил Вам жизнь для совершенства Вашего.

Относительно нашего жития и бытия надо кратко сказать: все по-прежнему, все мы и мои бабушки слабы, а особых новостей нет. Ботинки-то Ваши ношу, и как они мне хороши, как я всегда помню Ваш труд в этих ботинках.

Если при умной сердечной молитве имеется сокрушение сердечное и самоукорение, то можно заниматься такой молитвой, Бог благословит Вас. Более полные объяснения смотрите в книгах святителя Игнатия Брянчанинова. Особенно во втором томе, да и в пятом есть.

Татиана Ивановна, Вы уж хоть пару слов напишите о своем здоровье и поправке, да и о получении этого кратенького письма. С этим письмом посылаем Вам от всех нас самый сердечный братский привет с лучшими пожеланиями. Крепитесь, мужайтесь, поправляйтесь и совершенствуйтесь.

Спаси Вас, Господи!

До свидания.

Всегда с Вами мы и я — меньший.
23.05.60 г.

9.

Дорогая о Господе Татьяна Ивановна! Поздравляю Вас с Высокоторжественным праздником Рождества Христова, Крещения Господня и Новым годом. Молитвенно желаю Вам от Господа встретить и провести святые праздники в добром здоровье, духовной радости и благополучии. А также передайте Евфалии от меня поздравление с великим праздником Рождества Христова, Крещения Господня и Новым годом. За грибочки премного благодарю ее, а также и Вам большая благодарность за труды о пересылке их. За книгу также благодарю, что прислали ее в целости и аккуратности. Еще Симеон и Ирина Никитична шлют Вам свои поздравления с праздником Рождества Христова, Крещения Господня и Новым годом. Молитвенно желают Вам от Господа встретить и провести святые праздники в добром здоровье, духовной радости и благополучии.

Все наши кисловодские друзья, в том числе и мы, ждем Вас к себе. Погода у нас в данное время прекрасная. Лежит глубокий снег, по ночам морозы до 20 градусов, а днем солнце. Дышится легко и чувствуется здорово.

Относительно квартиры Вам, наверное, написали Ванюшка и Николай.

Со всяким благопожеланием к Вам

И. С.

10.

Дорогая Татьяна Ивановна! Сердечный привет Вам от меня, Симеона и Ирины Никитичны. Желаем Вам от Господа доброго здоровья, душе спасения и всякого благополучия.

Спаси, Господи, Вас с м. Евфалией за поздравления и грибочки. Очень хорошие. Получили как раз к именинам. Передайте от всех нас м. Евфалии сердечный привет. Желаем ей доброго здоровья, душе спасения и всякого благополучия.

Все мы пока милостию Божией живы, а здоровье неважно. Приезжайте к нам на зиму. Погода у нас сухая, дождей нет и снега нет. Морозы по ночам небольшие, а днем солнце, но не очень тепло. Квартира будет у Груни.

И. С.

[Ответил с запозданием: нездоровилось, да и теперь не совсем здоров.]

29.11.66 г.

11.

Дорогая о Господе м. Сергия!

Мир Вам от Господа и благословение от меня.

По сложившимся обстоятельствам мы попросили Веру Александровну посетить Ваш монастырь, отвезти от нас на помин имена наших родственников и отцов и матерей, почивших от жития сего, чтобы там, в Вашем монастыре, помолились о них, а также и о нас, грешных. Вера Александровна гостила у нас, вот мы и пользуемся случаем. Ей от себя не так далеко к Вам проехать. Передаем Вам вареньица алычового. Я думаю, что оно будет для Вас нравится, Вы любите кислое. И Ирина Никитична посылает сушки. Сердечный привет Вам от меня, Симеона и Ирины Никитичны.

С молитвенным пожеланием Вам от Господа доброго здоровья, душе спасения и всякого благополучия в жизни Вашей. Просим и Вас, не забывайте и нас в Ваших св. молитвах.

Всегда помнящий Вас

И. С.

Прилагаем к сему письму 20 р.
Просим Вас, помолитесь о здравии игумена Паламона со сродниками.
60-е годы.

12.

Дорогая о Господе Татьяна Ивановна!

Получили мы Ваше письмо и грибочки. Большая Вам и Евфалии благодарность за грибочки. Очень хорошие. Как у Вас теперь погода? У нас очень хорошая, солнечная и теплая, а по ночам морозы 10 градусов и больше. В настоящее время у нас в Кисловодске находятся на отдыхе в санатории Вера Ильинична с мужем. Вспоминаем о Вас. На следующий год они ожидают Вас к себе в Тбилиси. Вера Ильинична часто бывает у нас. Читаем с ней ???? некоторые интересные книги. У нас все по-прежнему. Здоровье и обстановка та же. Я, Симеон Иудович и Ирина Никитична шлем Вам с Евфалией свой сердечный привет с молитвенным пожеланием доброго здоровья и всякого благополучия. Письма если будете писать, то пишите на Ивана Михайловича.

Со всяким благопожеланием к Вам

И. С.

13. (записка)

Благословите, дорогой батюшка! Вчера приехала. Дорогу перенесла тяжело. Хочу говеть к субботе — день св. Татьяны. Если не разболеюсь, могу ли прийти к Вам завтра после обедни? Скажите Вере — да или нет? Поклон Симеону и Никитичне.

Простите

гр. Татиана.

записка до 1967 г., когда скончалась Ирина Никитична. Ответ о. Стефана, данный на записке:

"Просим милости, приходите к нам. Будем рады Вам.

И. С."

ПИСЬМА К СОФЬЕ ДМИТРИЕВНЕ КОРДЕ (МОНАХИНЕ СЕРАФИМЕ)

II

1.

07.05.49

Дорогая София Димитриевна!

Христос Воскресе!

Письмо Ваше прочел, на которое и отвечаю. Весьма сочувствую Вам в Ваших болезнях телесных, а также и в материальном положении. Видно, такова воля Божия о нас. Смиримся под крепкою рукою Божией и совершенно предадим себя в волю Божию и найдем себе успокоение душевное.

Относительно Вашего сердечного состояния: если нет гнева и неудовольствия на кого-либо в Вашем сердце, то это состояние правильное и полезное. Сочинение Симеона Нового весьма полезно, но с рассуждением. Нужно обращать внимание на смысл его слов, а не на отдельные его выражения. Просить в молитвах свидания — думаю, можно.

За себя кратко пишу. Наверное, скоро уеду с Кисловодска домой. Здоровье мое по-прежнему: ни лучше, ни хуже. Те же недомогания с сердцем, печенью и желудком. Лечусь, но пользы мало (?). Видно, такова воля Божия. Прошу: передайте от меня поздравления Христос Воскресе! Татьяне Ивановне, а также маме ея. И Вашим сожительницам или хозяевам. Еще привет вам всем от Анны Алексеевны, Наташи, Маруси.

Со всякими благопожеланиями к Вам. Всегда помнящий Вас

И. Д.
1949. 7 мая.

2.

1950 г. 5 янв.

Дорогая София Димитриевна!..

Сердечный привет Вам от меня. Поздравляю Вас с Высокоторжественным праздником Рождества Христова и Богоявления. Молитвенно желаю Вам встретить и провести дни святых праздников в добром здоровье, духовной радости и благополучии, а также прошу: передайте от меня поздравления с пра-

здниками Татьяне Ивановне с мамой ея и всем знакомым нашим. Молитвенно желаю провести им праздники в духовной радости, здравии и благополучии. Пишите, как Ваше здоровье и как живете, все ли благополучно, а также как Т. И., как ее здоровье, как мама ее. А я в данное время нахожусь в Кисловодске (временно до назначения заместителя). Здесь служу на Минутке. Здоровье по-прежнему. Все понемногу прибаливаю.

Со всяким благопожеланием к Вам

И. Д.

(адрес в город. На Муратову)

(приписка рукой о. Стефана)

3.

Дорогая Матушка Серафима!

Мир Вам от Господа. Приезжайте ко мне в понедельник. Просьба к Вам: научите молитве Анастасию. "Предстательство Христиан непостыдное..." и далее до конца. Это тропарь Пресвятой Богородице из молебного канона.

Всегда помнящий Вас

И. Д.

4.

Дорогая София Димитриевна! Сердечный привет Вам от меня, а также и от всех наших, Симеона и бабушек. Была у меня Надя. Я ей передал Вам письма и гостинец.

Ваше письмо прочел и узнал за Ваше здоровье. Очень жаль, что Вы все больше слабеете. Все же Вы лечите себя, чем можете, и не падайте духом. Бог милостию Своею не оставит Вас. Пишите.

Адрес: г. Дзауджикау,
Ардонская 254, Кищенко С. И.
1950 г. сентябрь (штамп на открытке)

5.

Дорогая м. Серафима!.. Мир Вам от Господа! и благословение. Прочитал Ваши письма, на которые и отвечаю. Весьма прискорбно, что болезнь Ваша усилилась, а особенно кашель. Но, наверное, скорби и болезни нам необходимы для спасения души. Будем терпеть безропотно с Божией помощью.

Относительно Вашей болезни сердечной и скорби о грехах: если это приводит к безнадежию, то это плохо, а если к надежде на милосердие Божие и смирению пред Богом и ближними, то это хорошо, правильно и душеспасительно. А относительно поста — совсем можно не поститься при Вашей болезни. Не пост нужен, а терпение, о котором и заботьтесь, моля Бога, чтобы он укрепил Вас в оном. А относительно на случай смерти, как Вас одеть, так если это не отразится плохо и не причинит Вашим благодетелям скорби, то хорошо было бы одеть Вас в одежду монашескую, а парамант носите постоянно на рубахе. Если же это может послужить к неприятностям Вашим близким, то тогда сверх апостольника пусть повяжут Вас платком.

А относительно молитвенного правила такого порядка и держитесь, как Вы написали в письме. На случай еще больше ослабнете здоровьем, можно тогда еще сократить. Совершайте по силам своим, а молитвой Иисусовой занимайтесь в уме побольше: за работой, в ходьбе, в церкви, за беседой, обедом и во всех возможных занятиях Ваших. Чай пить и закусить перед обедней можно по болезни. А относительно головных болей не беспокойтесь много, они бывают от разных причин: физических недомоганий, и от молитвенного напряжения ума, и от наваждений бесовских. Физические недомогания лечите лекарствами, а от боли от молитвенного напряжения ума просите Божией помощи, чтобы Бог помог вам молиться не рассеянным умом, с чувством сердечным, и тогда головных болей не будет. Старайтесь удерживать ум от рассеянности и заключать его в слова молитвы. Подробности Вы найдете в творениях св. Игнатия Брянчанинова. Да поможет Вам Господь Своею благодатию подвизаться в молитве и преуспевать в ней, а также в терпении скорбей, болезней преуспеть в смирении и кротости. И получить конец благий и унаследовать Царство Небесное.

Всегда помнящий Вас

И. Д.

Привет Вам шлют м. Антония, Митрофания и Симеон. Молитвенно желают Вам от Господа всяких благ и милостей.

С этим же письмом передаю Вам двести рублей на Ваши нужды. Молитесь за нас в Ваших св. молитвах к Богу. При этом передаю еще по крестику Вам, Татьяне И.

и ее маме Татьяне и живущей с ними Лидии Васильевне. И передайте им от меня сердечный привет и благословение Божие. Передаю все это с Надей. Славная девочка. Да укрепит ее Господь в вере и добродетельной жизни.

И. Д.

А за маму Вашу не беспокойтесь. Буду молиться.

6.

Дорогая София Димитриевна!.. Сердечный привет Вам от меня. Сообщаю Вам, что я в данное время в отъезде, а потому писем на меня не пишите, пока не получите от меня новый адрес. Здоровье мое по-прежнему. Все прибаливаю сердцем и желудком. Лечу понемножку, но успеха мало. Да к тому и старость дает себя знать.

Симеон и Мар. П. и Мар. Л., слава Богу, живы, но здоровье неважно. Мар. П. очень плохая, а от нее не отстает и Мар. Л., того и гляди заснет вечным сном. А Симеон чувствует себя, слава Богу, ничего. Как-то Ваше здоровье, Вы ведь тоже очень слабенькая. Дай Бог Вам терпения, будьте благодушны.

Со всяким благопожеланием к Вам

И. Д.

7.

Дорогие о Господе матушки Серафима и Нина!.. Мир вам от Господа и благословение Божие от меня. Молитвенно желаю вам встретить и проводить святой пост в добром здоровье, в ревности к воздержа-

нию и всяким подвигам благочестия, в любви к Богу и ближним. Вы, м. Серафима, спрашиваете, как Вам проводить пост с Вашим здоровьем. Я благословляю Вам так: когда будете говеть, тогда воздерживайтесь от молочного, а остальное время кушайте молочное. Первую неделю поста говейте там, а на следующее говение, может быть, приедете к нам, если будет благоприятная погода тогда. Да и здоровье Ваше позволит Вам.

С тем и до свидания.

Всегда помнящий Вас

И. Д.

ПИСЬМА ИЕРОСХИМОНАХА СТЕФАНА (ИГНАТЕНКО) СЕСТРАМ СИТИКОВЫМ

Вере Александровне

1.

Здравствуйте, дорогая Вера Александровна!

За привет и добрые пожелания премного благодарны Вам. Слава Богу! Мы весьма рады за Вас, что пенсию Вам возвратили, и даже с надбавкой. Слава Богу за Его милостивое промышление о нас, грешных!

Вы пишете, что Вам желательно побывать у нас в Кисловодске, повидаться со своими дорогими друзьями;

или же в Ленинград, или же в Загорск, или же к Татьяне Ивановне.

Я Вам не советую ехать ни в Кисловодск, ни в Ленинград, ни в другие места, а терпеливо, с Божией помощию, пребывать дома с сестрами. По возможности услуживать им по мере надобности и по силам Вашим. Это для души Вашей больше принесет пользы, чем поездки, даже по святым местам. Поданный стакан воды ближнему во имя Христово не останется без награды, а если что большее сделает человек для ближнего, то и он еще большие награды получит от Господа в Царствии Небесном. По обетованию Господню, по учению святых отцов, деревце, когда часто пересаживается, то оно плохо вкореняется и даже может засохнуть. Так и человек, если он часто с места на место ездит, то не может в нем добродетельная жизнь вкорениться.

Примите благосклонно мой совет. С родственниками и с друзьями сообщайтесь письменно, и то пореже, не растрачивая много времени для переписки. А лучше предпочитать чтение Священного Писания и святоотеческих книг. Да побольше услуживать ближним, если здоровье позволяет.

Сердечный привет от меня и Симеона, Ирины Ник. Вам, Ольге и Пелагие. И молитвенно желаем вам всем от Господа доброго здоровья, душам спасения и успеха в Богоугодном житии.

Со всяким благопожеланием к вам остаемся И. С.

Передайте от меня сердечный привет бабушке Марии, Игорю, Раисе с детками, Елизавете Ив. и всем

нашим дорогим знакомым. Достаточно Вы совершили поездок в прежнее время, а теперь, с Божиею помощию, пребывайте на месте. Чаще посещайте храм Божий.

17 октября 1958 г.

2.

Здравствуйте, дорогая о Христе Вера Александровна!

Поздравляю Вас со днем Вашего Ангела, молитвенно желаю Вам от Господа душе спасения, здравия и долгоденствия, мирной и спокойной жизни. Симеон Иуд. и Ирина Никитич. также поздравляют Вас со днем Вашего Ангела и молитвенно желают Вам душе спасения и многие лета жизни в благополучии и добром здоровье.

Все мы поздравляем с дорогой именинницей вас, дорогие Ольга Александровна и Пелагия. Молитвенно желаем Вам от Господа душам вашим спасения и доброго здоровья, и всякого благополучия в вашей жизни.

Письмо Ваше получили, но ответить на него я не имел возможности. Спаси, Господи, Вас, что Вы так много беспокоитесь о нас. Все мы пока, милостию Божией, живы, и все пока благополучно у нас. Здоровьем все прихварываем. Погода у нас переменилась с летней на осеннюю. Стало прохладно на дворе, напоминает нам о зиме, но топлива мы запасли. Слава Богу! Итак, со всяким благопожеланием к Вам И. С.

Еще посылаем Вам почтой денег на Ваши житейские нужды и просим помолиться о новопреставленном Григории, бол. инок. Агриппине. Относительно Ваших поездок — святые отцы не советуют совершать частых поездок, хотя бы и по святым местам. В поездках сколько мы рассеиваемся умом и набираемся лишних греховных впечатлений! Лучше терпеливо пребывать на месте. Как от этого много душевной пользы! Да и деньги, которые мы расходуем на поездки, пошли бы на поминовение или на наши житейские нужды. Итак, примите мой совет благосклонно. Храни Вас, Господи, всех в добром здоровье и благополучии! И. С.

Передайте от меня нижайший привет отцу Георгию, матушке Лидии со чадами их, а также бабушке Марии, Игорю и Раисе с их чадами и прочим нашим знакомым. Всех их да хранит Господь в добром здоровье и благополучии.

28 сентября 1960 г.

3.

Дорогая о Господе Вера Александровна!

Сердечный привет Вам от меня, Симеона Иудовича и Ирины Никитичны. С молитвенным пожеланием Вам от Господа доброго здоровья и душам спасения.

Новопреставленному, дорогому о Господе, дай, Господи, вечный покой во Царствии Небесном. Поминаем мы его дома и в церкви. Хорошо, что Вы были на погребении Николая Германовича и отдали последний долг

христианской любви ему. Вечный покой, вечный покой ему дай, Господи!

Храни Вас, Господи, во благополучии! Всегда помнящий И. С.

Письма пишите на Марию Ильиничну.

(1962 — ?)

Ольге Александровне

1.

Здравствуйте, дорогая Ольга Александровна!

Сердечный привет Вам от меня и Симеона, с пожеланиями от Господа доброго здоровья, душе спасения и всякого благополучия в Вашей жизни. Передала мне Вера Александровна Акафист Божией Матери "Споручнице грешных" и молитву ко Господу Иисусу Христу. Прекрасно Вы их отпечатали, за такой дорогой подарок премного благодарю Вас, Ольга Александровна, и Веру Александровну.

Побеседовали мы с Верой Александровной о необходимом, относящемся к душеспасению. Подробно все расскажет Вам Вера Александровна. Заочно благословляю Вас просфорочкой, которую Вам доставит Вера. О себе ничего не пишу, Вера все расскажет Вам устно. Со всяким благопожеланием к Вам остаемся И. Стефан.

20 июня 1956 г.

2.

Дорогая Ольга Александровна!

Мир Вам и благословение от Господа!

Письмо Ваше Вера Александровна передала мне, прочел, премного благодарю Вас за привет и добрые пожелания. Вы пишете, что хотели бы повидаться со мной и получить от меня благословение. Заочно я уже посылаю Вам свое благословение, просфору. А лично, как Богу угодно будет. Да будет Его святая воля с нами.

Молитвенно желаю Вам доброго здоровья, душе спасения, мирной, спокойной жизни. Еще привет Вам от Симеона Иудовича, с пожеланием доброго здоровья и всякого благополучия. Молитвенно всегда вспоминающий Вас И. С.

5 июня 1953 г.

3.

Дорогая о Господе Ольга Александровна!

Письмо Ваше прочитал, премного благодарю Вас за привет и добрые пожелания, а также за подарки, которые вручила мне Вера Александровна. Спаси Вас, Господи! Рад за Вас, что Господь помог приобрести Вам свое жилище. Сердечный привет Вам от меня, Симеона Иудовича и Ирины Никитичны. Молитвенно желаем Вам от Господа доброго здоровья и всякого благополучия, в жизни между собой — и любви, и согласия. И. С.

Передайте Пелагие мой привет. Дай Бог ей доброго здоровья и всякого благополучия. За подарочек благодарю. Спаси, Господи! Прошу передать рабе Божией Агриппине привет от меня и благословение Божие.

(До 1967 г.)

4.

Дорогая о Господе Ольга Александровна!

Мир Вам и благословение от Господа!

Подарочки, переданные совместно с Верой Александровной, от Вас я получил, премного благодарю Вас за дорогие подарочки. А также передайте от меня привет и благословение Божие Пелагие, а также монахине Серафиме. Премного благодарю и их за подарочки, которые они передали через Веру Александровну. Дай Бог всем вам доброго здоровья, душам вашим спасения и всякого благополучия в вашей жизни. Сердечный привет Вам от Симеона Иудовича и Ирины Никитичны.

За себя ничего не пишу Вам, пусть расскажет Вера Александровна. Относительно Вашего желания принять на себя обеты рясофорного иночества,— я приветствую. Бог благословит Вас и поможет Своею благодатию. И. С.

(До 1967 г.)

5.

Дорогие о Господе инокини, Елена и Наталия, мир вам и благословение от Господа!

Поздравляю вас с принятием на себя иноческих обетов, да поможет вам Господь Своею благодатию нести крест иночества с терпением и любовию во спасение душ ваших. Получил я переданные вами гостинцы нам. Спаси вас, Господи, за вашу любовь к нам! Прошу вас, не забывайте нас, грешных, в ваших святых молитвах, а также прошу помолиться о новопреставленной дорогой нашей Ирине Никитичне. Подробнее о нас расскажет Вера Александровна. Храни вас Господь во всяком благополучии! Иером. Стефан.

(1967 г.)

6.

Дорогая о Господе Ольга Александровна!

Письмецо Ваше получил, за Ваши добрые пожелания и молитвы обо мне премного благодарен Вам. Спаси Вас, Господи! Вы жалуетесь на себя, что никак не можете избавиться от гневливости и раздражительности. Да, от этих пороков весьма трудно отстать и преодолеть их, оттого что они держатся на самолюбии. Надо повести борьбу с самолюбием. Молитесь Богу, прося Его помощи, и Бог поможет Вам избавиться от всяких страстей. Впрочем, всякий раз, когда Вам случится разгневаться, раздражиться,— как только опомнитесь, кайтесь в уме пред Богом и просите прощения у ближнего, если гнев был вынаружен в словах против ближнего.

Читайте святых отцов назидательные книги, и они наставят Вас, как жить Богоугодно и спасти свою душу.

Сердечный привет Вам от меня и Симеона Иудовича, с молитвенным пожеланием от Господа доброго здоровья, душевного мира и спасения, а также передайте и Пелагие привет с молитвенным пожеланием от Господа доброго здоровья и всякого благополучия, и мира душевного. За подарочек премного благодарим Вас. Всех вас да сохранит Господь во всяком благополучии. И. С.

(После 1967 г.)

7.

Дорогая о Господе Ольга Александровна!

Мир Вам от Господа и благословение. Спаси Вас, Господи, за добрую память о нас и пожелания! Мы также всегда вспоминаем о Вас в своих недостойных молитвах пред Богом с надеждой на милость Божию. Храни Вас, Господи, в добром здоровье и благополучии! Посылаю Вам на благословение просфорочку. Передайте от меня благословение и просфорочку Пелагие. Храни, Господи, и ее в добром здравии и благополучии, и ее помним в своих молитвах к Богу.

Симеон Иудович шлет Вам свой нижайший привет с пожеланием доброго здоровья и благополучия. Не скорбите, что Вы лично не видели меня. Душой мы часто видимся с Вами, когда вспоминаем друг друга. Со всяким благопожеланием И. С.

Прошу Вас, передайте от меня благословение Божие матушке Марии, а также сердечный привет от меня

дорогому отцу Георгию, матушке Лидии с их детками и прочим нашим знакомым мичуринским.

(После 1967 г.)

8.

Дорогая о Господе Ольга Александровна!

Мир Вам от Господа и благословение. Премного благодарны Вам за присланные подарки нам, а также и добрую память о нас. Молитвенно желаем Вам от Господа доброго здоровья, душе спасения и всякого благополучия в Вашей жизни. Сердечный привет Вам от Симеона Иудовича.

За себя я ничего не пишу Вам, Вера Александровна приедет — все подробно расскажет. Всегда помнящий Вас, недостойный Иером. Стефан.

(До 1968 г.)

ВЕРЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ, ОЛЬГЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ И ПЕЛАГЕЕ

1.

Дорогие о Господе Вера, Ольга и Пелагия!

Мир вам и благословение Божие, и от меня сердечный привет, а также от Симеона Иудовича и Ирины Никитичны. С молитвенным пожеланием от Господа доброго здоровья и всякого благополучия.

А Вам, Вера Александровна, шлем свою большую благодарность за Ваши труды. Вы такую большую услугу нам сделали! Дай Бог Вам здоровья и много лет жизни.

Ирина Никитична получила посылочку, все в целости гостинцы, раздали по назначению, все шлют Вам свою глубокую благодарность, а особенно Ирина Никитична очень и очень благодарит за сапожки, тепленькие и легенькие.

Все мы шлем свой глубокий привет бабушке Марии и всем дорогим нашим мичуринским. Все молитвенно желаем от Господа доброго здоровья и всякого благополучия. Милостию Божией все мы пока живы, здоровье по-прежнему. Слава Богу!

Погода у нас непостоянная, частые дожди и холодно, мы уже топим печки.

К глубокому прискорбию нашему, на Минутке закрыли церковь. Со всяким благопожеланием остаемся к вам И. С.

18 октября 1961.

2.

Дорогие о Господе Вера, Ольга и Пелагия!

Сердечный привет вам от меня и Симеона Иудовича, и Ирины Никитичны, с молитвенным пожеланием вам от Господа доброго здоровья и всякого благополучия в вашей жизни, а также передайте сердечный привет дорогим бабушке Марии, Анне Михайловне, Раисе с мужем и детками, Клавдии, с пожеланием от Господа доброго

здоровья и всякого благополучия. Подарочки, посланные ко дню моих именин, я получил все в целости, премного всех вас благодарю за вашу добрую память о мне. Спаси вас, Господи! Со всяким благопожеланием к вам, всегда помнящий вас И. С. И.

14 ноября 1963 г.

3.

Дорогие о Господе сестры, Вера, Ольга и Пелагия!

Мир вам от Господа и благословение. Пожалуйста, не обижайтесь на нас, что так долго не пишем вам письма. Но мы не забываем вас, всегда вспоминаем вас. Думаем, что и вы также не забываете нас. Сердечный привет вам от меня, Симеона и Ирины Никитичны, с пожеланием от Господа доброго здоровья вам и всякого благополучия. Как поживаете? Как здоровье всех вас?

Мы все милостию Божиею пока живы. Здоровьем все прихварываем. Но за все — Слава Богу! Пишите, как всех вас здоровье. Пишите на Марусю. Пишите коротко.

Привет от всех нас бабушке Марии и всем нашим знакомым, с пожеланием от Господа всем им доброго здоровья и всякого благополучия. М. И.

(До 1964 г.)

4.

Здравствуйте, дорогие Вера, Ольга и Пелагия!

Сердечный привет вам от меня, а также и от Симеона. Молитвенно желаем вам от Господа доброго здоровья, душевного спасения и всякого благополучия в вашей

жизни. Посылаем вам почтой деньги для ваших нужд житейских. По получении известите нас. Просьба к вам: помолитесь о упокоении новопреставленной монахини Анастасии. Очень печалимся о вас, что так у вас разладилось с пенсией.

Дай Бог Вам, Ольга Александровна, поправиться здоровьем и доработать свой стаж. Не падайте духом и не унывайте. Молитесь Богу с верою и полным упованием на Его милость. Для Бога все возможно, только мы со своей стороны не должны думать, что мы достойны особого попечения о нас от Бога. В этом заключается гордость. А Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Будьте внимательны к себе. Все эти испытания, постигающие нас болезни и скорби, не без причины. Но если потерпите все безропотно, то Господь не оставит Вас без наград. Если не здесь, на земле, то всячески на небе.

Милостию Божией мы пока живы. Здоровье все также неважное. Погода у нас переменчивая. День-два — солнце, а потом дождь, холод. Так все лето прошло, и осень такая. Со всяким благопожеланием к вам остаемся И. С.

Еще прошу: передайте от меня привет дорогой бабусе Марии, всем дорогим нашим знакомым: Игорю, Раисе с детками, Елизавете Ивановне и прочим нашим знакомым. И. Стефан.

Еще просьба к вам: помолитесь о новопреставленной Анне. Это родная сестра Симеона.

(После 1967?)

5.

Здравствуйте, дорогие Вера и Оля!

Поздравляем вас с Высокоторжественным праздником Светлого Христова Воскресенья! Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!

Дай Бог вам встретить и провести праздник Светлого Христова Воскресения в добром здоровье, духовной радости и благополучии!

Еще передайте от нас поздравление с праздником Светлого Христова Воскресения бабушкам Серафиме, Марии и всем нашим знакомым. Дай Бог всем праздник Светлого Христова Воскресения встретить и провести в добром здоровье, духовной радости и благополучии. Все ли там вы живы-здоровы?

А мы здесь, Слава Богу! пока живы — здоровьем все прихварываем. Кто — чем. За все Слава Богу! Со всякими благопожеланиями к вам остаемся И. С.

16 апреля 1955 г.
Христос Воскресе!

6.

Дорогие о Господе Вера, Ольга и Пелагия!

Я и Симеон Иудович, и Ирина Никитична поздравляем вас с Высокоторжественным праздником Светлого Христова Воскресения и молитвенно желаем вам встретить и провести Святой праздник в добром здоровье, мире и радости душевной.

Как поживаете и как всех вас здоровье? Мы с Симеоном переболели гриппом, и Ирина Никитична в настоящее время больна: простудила себе нервы в правом боку. Лечит районный доктор, пока мало успеха. Всегда помнящий вас И. С.

Еще передавайте от нас поздравление с праздником Светлого Христова Воскресенья бабушке Марии, отцу Георгию, матушке Лидии с их детками, а также Игорю, Раисе с их детками и прочим знакомым нашим. Молитвенно желаем всем и встретить, и провести святой праздник в добром здоровье, мире и радости душевной. И. С.

(До 1967)

7.

Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!

Дорогие о Господе Вера, Ольга и Пелагия!

Поздравляю вас с Высокоторжественным праздником Светлого Христова Воскресения и молитвенно желаю вам от Господа встретить и провести святой праздник в добром здоровье, духовной радости и благополучии. Передайте от меня поздравление с праздником Светлого Христова Воскресения бабушке Марии, а также Раисе и Игорю с их детками и всем дорогим нашим знакомым. Еще шлют вам свое поздравление с праздником Светлого Христова Воскресения Ирина Никитична и Симеон Иудович.

Милостию Божию все мы пока живы, в эту зиму переболели гриппом, но теперь, Слава Богу, уже поправились с наступлением весны. Но весна холодная и ветреная. Сады уже цветут. Новопреставленную Екатерину записали на поминовение. Дай Бог ей Царство Небесное. Храни вас, Господи, в добром здоровье и благополучии. И. С.

27 апреля (1962?)

8.

Здравствуйте, дорогие Вера и Ольга Александровны!

Поздравляю вас с Высокоторжественным праздником Светлого Христова Воскресения. Христос Воскресе! Молитвенно желаю вам встретить и провести эти святые дни в добром здоровье, духовной радости и во всяком благополучии. Еще поздравляют вас с Высокоторжественным праздником Светлого Христова Воскресения Симеон, Анна Ал., М. Митрофания и Маруся. Все мы заочно с вами христосуемся. Христос Воскресе!

Ну, вот, прошла зима, наступила радостная весна. У нас зелень появилась, деревья цветут. Принарядились деревья в праздничные одеянья, и теперь мы ждем Вас, Вера Александровна, к себе в гости по теплу и приятной погоде. Приезжайте, со всеми благопожеланиями к вам остаемся И. С.

Еще передайте от меня и Симеона поздравления с праздником Светлого Христова Воскресения м. Серафиме, Марии и прочим нашим дорогим знакомым. Со всеми заочно христосуемся: Христос Воскресе!

(1963)

9.

Дорогие Вера, Ольга и Пелагия!

Поздравляю вас с Высокоторжественным праздником Рождества Христова и последующего Крещения Господня, и Новым годом. Молитвенно желаю вам от Господа встретить и провести дни святых праздников в добром здоровье, духовной радости и благополучии, а также всем вам шлют свои поздравления с праздниками и Новым годом Симеон Иудович и Ирина Никитична, с пожеланием вам провести святые праздники в душевной радости, благополучии. Как всех вас здоровье?

Мы пока милостию Божию живы, а здоровьем понемногу прихварываем. Еще от многих поздравление с Рождественскими праздниками Клавдии, бабушке Марии, Игорю, Раисе с их дорогими детками. Молитвенно желаю всем им встретить и провести праздники в добром здоровье, душевной радости и благополучии. Часто вспоминаем вас. Храни вас, Господи, в добром здоровье! Д.-С.

(20 октября 1962 ?)

10.

Дорогие о Господе Вера и Ольга Александровны и Пелагия!

Поздравляю вас с великим праздником Рождества Христова, Крещения Господня и Новым годом! Молитвенно желаю вам от Господа встретить и проводить свя-

тые праздники в добром здоровье, радости душевной и благополучии.

А также поздравляют вас с великим праздником Рождества Христова, Крещения Господня и Новым годом Симеон Иудович и Ирина Никитична.

Еще все мы поздравляем с праздником Рождества Христова, Крещения Господня и Новым годом дорогую бабушку Марию, Игоря, Раису с детками их, и прочих наших дорогих знакомых и молитвенно желаем всем от Господа провести святые праздники в добром здоровье, радости душевной и благополучии.

Как вы? Все ли здоровы, живы? Как зима у вас? У нас большой снег выпал. Морозы до двадцати градусов. Здоровьем все мы часто болеем. Здоровье все слабеет. Кроме болезней, и старость отымает здоровье. Но да будет воля Божия со всеми нами. Всегда помнящий вас И. С.

7 января 1964 г.

11.

Дорогие о Господе Вера, Ольга, Пелагия!

Я и Симеон Иудович, и Ирина Никитична поздравляем вас с Высокоторжественным праздником Рождества Христова, Богоявления и Новым годом. Молитвенно желаем вам встретить и провести святые праздники в добром здоровье, духовной радости и благополучии. Еще передайте от нас поздравление с праздником Рождества Христова, Богоявления и Новым годом отцу Георгию и

Лидии с детками их. А также Игорю, Раисе с их детками, М. Марии и прочим дорогим нашим знакомым. Всех вас часто вспоминаем. Храни вас, Господи, во всяком благополучии! И. С.

10 января 1965

12.

Дорогие о Господе Вера, Ольга и Пелагия!

Я и Симеон Иудович, и Ирина Никитична поздравляем вас с Высокоторжественным праздником Рождества Христова и Богоявления, и Новым годом. Молитвенно желаем вам встретить и провести святые праздники в добром здоровье, в радости духовной и благополучии.

Как всех вас здоровье? Как у вас в этом году зима? У нас пока снега нет, дни теплые. Все мы пока милостию Божию живы, и здоровье старческое: слабость, а к тому же еще и болезни. Всегда вспоминаем вас. Храни вас, Господи, во благополучии и добром здоровье! И. С.

Передайте от нас дорогим бабушке Серафиме, Игорю, Раисе с детками поздравление с праздниками Рождества Христова, Богоявления и Новым годом. Дай Бог им встретить и провести святые праздники в добром здоровье, радости и благополучии. И. С.

5 января 1966

13.

Дорогие Вера, Ольга и Пелагия!

Я, Симеон Иудович и Ирина Никитична поздравляем вас с Высокоторжественным праздником Рождества Христова и следующего Крещения Господня, и Новым годом. Молитвенно желаем вам от Господа встретить и провести святые праздники в добром здоровье, духовной радости и благополучии.

Как всех вас здоровье? Мы милостию Божией все живы, а здоровьем все прихварываем. Погода у нас солнечная, снега нет, по ночам только морозы. Храни вас, Господи, во всяком благополучии! И. С.

(До 1967)

14.

Здравствуйте, дорогие о Господе Вера, Ольга и Пелагия!

Поздравляю вас с Высокоторжественным праздником Рождества Христова, Крещения Господня и Новым годом. Молитвенно желаю вам от Господа встретить и провести святые праздники в добром здоровье, духовной радости и благополучии.

А также поздравляют вас с праздниками Рождества Христова, Крещения Господня и Новым годом Симеон и Ирина Никитична. А также передайте от меня и Симеона поздравление с праздником Рождества Христова, Крещения Господня и Новым годом бабушке Марии, Игорю, Раисе с детками, и всем нашим дорогим знако-

мым. Как здоровье Ольги Александровны? Дай Бог ей поправиться от своих недугов и окрепнуть здоровьем. А также дай Бог не болеть и быть здоровыми, и крепкими здоровьем, и потрудиться еще в своей жизни для себя и ближних во спасение своей души.

Милостию Божию все мы пока живы. Здоровьем все понемногу прихварываем. Погода у нас солнечная, и тепло. Снегу нет. Был снег в октябре, потом потаял и более не было. Со всяким благопожеланием к вам остаемся И. С.

(До 1967 г.)